

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SEMIOTIC STUDIES

Научный журнал

Том 4 • № 4 • 2024

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMOTICHESKIE ISSLEDOVANIIA. SEMIOTIC STUDIES

Том 4, № 4, 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Журнал включен ВАК РФ в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук с 31.05.2023 г. Журнал включен в библиографическую базу данных РИНЦ (НЭБ eLIBRARY.ru).

Печатное СМИ, журнал «Семиотические исследования. Semiotic studies» является периодическим научным изданием, освещающим вопросы общей семиотики и смежных дисциплин. Знак, знаковый процесс и его векторы, семантика, синтактика и прагматика как измерения семиозиса, материальное воплощение знака – это тематическое пространство публикуемых работ. Журнал ориентирован на междисциплинарный синтез теоретического и практического знания, осуществляемый в рамках философии, литературоведения и социологии.

Цель журнала – изучение, осуществление и популяризация семиотического подхода к исследованию реальности.

Задачи журнала – создание международного, междисциплинарного исследовательского пространства в терминах и моделях общей семиотики, актуализация классического наследия и апробация новых идей семиотической мысли, создание и применение семиотических схем анализа и интерпретации в философском, литературоведческом и социологическом знании.

Тематика журнала

5.7. Философия (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.7.1. Онтология и теория познания
- 5.7.6. Философия науки и техники
- 5.7.7. Социальная и политическая философия

5.9. Филология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.3. Теория литературы

5.4. Социология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7. Социология управления

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор

А.Ю. Нестеров, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

Л.Г. Тютелова, д-р филол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

Т.Ю. Депцова, канд. пед. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.
Тел. +7 (846) 3345406, **e-mail:** semiotic@ssau.ru
www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Издатель и учредитель: Самарский университет

Адрес издателя: 443086, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б, Центр периодических изданий Самарского университета.

СМИ зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер серии **ПИ № ФС77-79678** от 27.11.2020 г.

Издаётся с 2021 г. Выходит 4 раза в год.

Подписной индекс в Объединённом интернет-каталоге «Пресса России» 85744

ISSN 2782-2966

Корректура – *И.В. Ахматова*

Компьютерная верстка, дизайн – *И.В. Ахматова*

Информация на английском языке – *В.Д. Шевченко, М.А. Соколов*

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+, Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

В оформлении обложки использованы художественные работы Карла Аймермахера.

Подписано в печать 23.12.2024.

Выход в свет 25.12.2024.

Формат 60х84/8. Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 15,5. Тираж 200 экз. (первый завод – 40 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии Самарского университета.

Адрес типографии: Самарский университет, 443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

© Самарский университет, 2024

Редакционная коллегия

К. Аймермахер, д-р филол. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

В.И. Аршинов, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

П.Н. Барышников, д-р филос. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск, РФ)

Т.В. Бернюкевич, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный строительный университет, Москва, РФ)

В.Ю. Бочаров, канд. социол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

М.Н. Вольф, д-р филос. наук, доц. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, РФ)

Н.В. Головкин, д-р филос. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, РФ)

И.В. Дёмин, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Д.И. Дубровский, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

Т.Н. Иванова, д-р социол. наук, доц. (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, РФ)

В.Е. Лепский, д-р психол. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

М.Н. Липовецкий, д-р филол. наук, проф. (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

В. Лопичич, д-р филол. наук, проф. (Нишский университет, Ниш, Сербия)

Н.П. Малютина, д-р филол. наук, проф. (Университет Белостока, Белосток, Польша)

А.И. Мантарова, д-р социол. наук, проф. (Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, София, Болгария)

А. Нордманн, д-р филос. наук, имеретированный проф. (Институт философии, Технический университет Дармштадта, Дармштадт, Германия)

А.В. Павлов, д-р филос. наук, проф. (Высшая школа экономики, Москва, РФ)

И. Пёрцген, д-р филол. наук, проф. (Бременский университет, Бремен, Германия)

П. Ристхаус, д-р филол. наук, проф. (Хагенский заочный университет, Хаген, Германия)

Н.Т. Рымарь, д-р филол. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С.А. Судьин, д-р социол. наук, доц. (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, РФ)

С. Томашчикова, д-р филос. наук, доц. (Университет им. Павла Йозефа Шафарика, Кошице, Словакия)

И.А. Христов, д-р по социологии, проф. (Университет Паисия Хилендарского, Пловдив, Болгария)

Г. Шольц, д-р филос. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

Н.П. Щукина, д-р социол. наук, проф. (Самарский государственный медицинский университет, Самара, РФ)

Н.А. Ястреб, д-р филос. наук, доц. (Вологодский государственный университет, Вологда, РФ)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

С требованиями к оформлению статей для публикации в журнале можно ознакомиться на веб-сайте в разделе «Прием статей»:

<https://journals.ssau.ru/semiotic/about/submissions>

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

SAMARA
UNIVERSITY

Samara National
Research University

SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIJA

SEMIOTIC STUDIES

Scientific journal

Vol. 4 • no. 4 • 2024

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIJA. SEMIOTIC STUDIES
Vol. 4, no. 4, 2024

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation into the list of peer-reviewed scientific publications, where the main scientific results of theses for the Candidate of Sciences degree, for the Doctor of Sciences degree should be published starting 31.05.2023. The journal is included into the RSCI bibliographic database (eLIBRARY.ru Public Electronic Library).

The journal "Semiotic Studies" is a scientific periodical highlighting the issues of general semiotics and adjacent disciplines. The sign, sign process and its agenda, signification (semantics), syntactics and pragmatics as the measurements of semiosis, material realization of a sign – the research areas of the published papers. The journal is focused on the interdisciplinary synthesis of theoretical and practical knowledge implemented within the framework of philosophy, literature studies and sociology.

The aim of the journal is studying, implementing and promoting the semiotic approach to researching into the reality.

The objectives of the journal – developing the international, interdisciplinary research space in terms and models of general semiotics, maintaining the current state of the classical heritage and new ideas' testing of semiotic thought, developing and application of semiotic analysis and interpretation patterns in philosophical, literature and sociological knowledge.

Remit of the journal

5.7. Philosophy (Social sciences and humanities)

5.7.1. Ontology and theory of knowledge

5.7.6. Philosophy of science

5.7.7. Social and political philosophy

5.9. Philology (Social sciences and humanities)

5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.3. Literary theory

5.4. Sociology (Social sciences and humanities)

5.4.2. Economic sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7. Management sociology

All the articles undergo reviewing by the Antiplagiat program and double-blind peer-reviewing by the leading scientists in line with the remit and specialties of the journal.

Chief Editor

A.Yu. Nesterov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Deputy Chief Editor

L.G. Tyutelova, Dr. philol. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Executive Editor

T.Yu. Deptsova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial office address:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel. +7 (846) 3345406, e-mail: semiotic@ssau.ru

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher: Center of Periodical Publications of Samara National Research University, room 312B(Б), building 22A, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

The mass media registration certificate **III No. ФС77-79678** of **27.11.2020**. The mass media organization was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

ISSN 2782-2966

The journal has been published since 2021, 4 times a year.

Subscription index in the United internet-catalog «Press of Russia» 85744

ISSN 2782-2966

Proofreading – *I.V. Akhmatova*

Computer layout, design – *I.V. Akhmatova*

Information in English – *V.D. Shevchenko, M.A. Sokolov*

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+, free price.

The Authors' articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

The art works by Karl Eimermacher have been used while creating the cover design.

Passed for printing on 23.12.2024. **The publication** 25.12.2024. Format 60x84/8. Litho paper. Instant print. Print. sheet. 15,5. Circulation 200 copies (first printing – 40 copies). Order No.

Printed on the printing house of Samara University.

Printing house address: 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara region, Russian Federation. www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

© Samara National Research University, 2024

Editorial board

K. Eimermacher, Dr. philol. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)

V.I. Arshinov, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

P.N. Baryshnikov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Pyati-gorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation)

T.V. Bernyukevich, Dr. phil. habil., Professor (Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation)

V.Yu. Bocharov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

M.N. Volf, Dr. phil. habil., Associate Professor (Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

N.V. Golovko, Dr. phil. habil., Associate Professor (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)

I.V. Demin, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

D.I. Dubrovsky, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.N. Ivanova, Dr. soc. habil., Associate Professor (Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation)

V.E. Lepskiy, Dr. psych. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

M.N. Lipovetsky, Dr. philol. habil., Professor (Columbia University, New York, USA)

V. Lopichich, Dr. philol. habil., Professor (University of Nis, Nis, Serbia)

N.P. Maliutina, Dr. philol. habil., Professor (University of Białystok, Białystok, Poland)

A.I. Mantarova, Dr. soc. habil., Professor (Institute of Philosophy and Sociology at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)

A. Nordmann, Professor em. (Darmstadt Technical University, Darmstadt, Germany)

A.V. Pavlov, Dr. phil. habil., Professor (Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation)

Y. Pörzgen, Dr. philol. habil., Professor (University of Bremen, Bremen, Germany)

P. Risthaus, Dr. philol. habil., Professor (Open University of Hagen, Hagen, Germany)

N.T. Ryamar, Dr. philol. habil., Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

S.A. Sudin, Dr. soc. habil., Associate Professor (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation)

S. Tomashchikova, Dr. phil. habil., Associate Professor (University named after Pavel Yosef Shafaric, Košice, Slovakia)

I.A. Hristov, Dr. soc. habil., Professor (Plovdiv University "Paisii Hilendarski", Plovdiv, Bulgaria)

G. Scholtz, Dr. phil. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)

N.P. Shukina, Dr. soc. habil., Professor (Samara State Medical University, Samara, Russian Federation)

N.A. Yastreb, Dr. phil. habil., Associate Professor (Vologda State University, Vologda, Russian Federation)

REQUIREMENTS FOR THE DESIGN OF ARTICLES

The requirements for the design of articles for publication in the journal can be found on the website in the "Acceptance of articles" section:

<https://journals.ssau.ru/semiotic/about/submissions>

This is an open access content distributed in accordance with the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction via any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

Lamberov L.D. Robinsonade of fictional objects and the poverty of arbitrary objects	8
Borisov E.V. Can definite descriptions be used as proper names?	13
Околовский П. Эльзенберг, Вольневич и Лем	20
Михайловский А.В. «Сознание машин» (1957, 1963) Готтхарда Гюнтера и новая технократическая парадигма в Германии	25
Феофанов С.В. От фэнтези к фантастике: социальные аспекты отражения науки в литературе на примере братьев Стругацких и Элиезера Юдковского	35

Литературоведение

Zalomkina G.V. Some aspects of extraterrestrial life in science fiction	42
Кирякова Е.М. Интертекстуальность в книге Павла Улитина «Макаров чешет затылок»	49
Алькайси Р.Н. Искусственный смех: роман «iPhuck 10» В.О. Пелевина	56
Пирогова Т.О. Топонимы как способ организации художественного пространства в романе Георгия Венуса «Зяблики в латах»	69

Социология

Bocharov V.Yu. Transformation of the subject field of Russian sociology of labor: from a system of labor relations to the constructivist perspective	74
Yavon S.V., Popov A.K. La protection sociale des participants à l'opération militaire spéciale et des membres de leurs familles	89
Briket D.N. Horizontal mobility and possibilities of its actualization	94
Besschetnova O.V., Naberushkina E.K. Family values: youth's attitudes vs older generation	100

Междисциплинарные исследования

Сергеев С.А. Станислав Лем и Иван Ефремов: несостоявшаяся встреча	108
--	-----

Рецензии

Перепелкин М.А. Толстого время. Рецензия на выпуск 4-й научного сборника «Алексей Толстой: диалоги со временем» (М.: ИМЛИ РАН, 2024) и том 1-й Полного собрания сочинений А.Н. Толстого (М.: ИМЛИ РАН, 2024)	115
Яковлева Л.Е. О социально-философских проблемах техники. Рецензия на монографию-эссе Н.М. Твердынина «Человек в техномире: книга и реальность»	120
Голубков С.А. Сообщение о ретракции	124

CONTENTS

Philosophy

Lamberov L.D. Robinsonade of fictional objects and the poverty of arbitrary objects	8
Borisov E.V. Can definite descriptions be used as proper names?	13
Okolowski P. Elzenberg, Wolniewicz and Lem	20
Mikhailovsky A.V. "Consciousness of machines" (1957, 1963) by Gotthard Günter and the new technocratic paradigm in Germany	25
Feofanov S.V. From fantasy to sci-fi: social aspects of reflection of science in literature on the example of the Strugatsky brothers and Elizer Yudkowsky	35

Literature studies

Zalomkina G.V. Some aspects of extraterrestrial life in science fiction	42
Kiriakova E.M. Intertextuality in the book by Pavel Ulitin "Makarov scratches the back of his head"	49
Alqaisi R.N. Artificial laughter: V. Pelevin's "iPhuck 10"	56
Pirogova T.O. Toponyms as a way of organizing artistic space in the novel by Georgy Venus "Finches in Armor"	69

Sociology

Bocharov V.Yu. Transformation of the subject field of Russian sociology of labor: from a system of labor relations to the constructivist perspective	74
Yavon S.V., Popov A.K. La protection sociale des participants à l'opération militaire spéciale et des membres de leurs familles	89
Briket D.N. Horizontal mobility and possibilities of its actualization	94
Besschetnova O.V., Naberushkina E.K. Family values: youth's attitudes vs older generation	100

Interdisciplinary studies

Sergeev S.A. Stanislaw Lem and Ivan Yefremov: a failed meeting	108
---	-----

Reviews

Perepelkin M.A. Tolstoy's time. Review of the issue of the 4th scientific collection "Alexey Tolstoy: dialogues with time" (Moscow: IMLI RAS, 2024) and volume 1 of the Complete Works of A.N. Tolstoy (Moscow: IMLI RAS, 2024)	115
Yakovleva L.E. On social and philosophical problems of technology. Review of the monograph-essay by N.M. Tverdnyin "Man in the technoworld: book and reality"	120
Golubkov S.A. Retraction message	124

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-4-8-12

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.10.2024

Revised: 19.11.2024

Accepted: 13.12.2024

L.D. LamberovUral Federal University,
Yekaterinburg, Russian Federation

E-mail: lev.lamberov@urfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9228-4909>**Robinsonade of fictional objects and the poverty of arbitrary objects**

Abstract: the paper is devoted to the consideration of the conception of fictional objects as objects with the finite set of special (non-generic) properties. The paper provides a formulation of this concept, and compares fictional objects with arbitrary objects and real objects in the context of their possessing of generic and non-generic properties, as well as in the context of the existence of these objects in the actual world and in possible worlds. The paper ends with a discussion of several comments related to the mentioned conception of fictional objects, which were proposed after a talk on this topic at the 7th Lem's Readings conference.

Key words: imagination; existence; fictional objects; real objects; arbitrary objects; possible world; property.

Citation: Lamberov, L.D. (2024), Robinsonade of fictional objects and the poverty of arbitrary objects, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 8–12, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-8-12>.

Acknowledgments: the author expresses gratitude to the organizers and participants of the 7th Lem's Readings (Samara University, March 28-30, 2024), especially S.A. Liberman, Yu.A. Razinov, and A.K. Khayaleeva.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Lamberov L.D., 2024

Lev D. Lamberov – candidate of philosophy, associate professor, associate professor of the Ontology and Theory of Knowledge Chair, Ural Federal University, 51, Lenin av., Yekaterinburg, 620002, Russian Federation.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 11+165.3

Л.Д. ЛамберовУральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

E-mail: lev.lamberov@urfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9228-4909>**Робинзонада вымышленных и беднота произвольных объектов**

Аннотация: статья посвящена рассмотрению концепции вымышленных объектов как конечных по своим особенным (негенерическим) свойствам. В статье даётся формулировка данной концепции, затем вымышленные объекты сопоставляются с произвольными объектами и реальными объектами в контексте обладания генерическими и негенерическими свойствами, а также в контексте существования этих объектов в актуальном мире и в возможных мирах. Статья завершается обсуждением нескольких замечаний по отношению к рассматриваемой концепции вымышленных объектов, которые были предложены после доклада по этой теме участниками Седьмых Лемовских чтений.

Ключевые слова: воображение; существование; вымышленные объекты; реальные объекты; произвольные объекты; возможный мир; свойство.

Цитирование: Ламберов Л.Д. Робинзонада вымышленных и беднота произвольных объектов // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2024. Т. 4, № 4. С. 8–12. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-8-12>.

Благодарности: автор выражает благодарность организаторам и участникам Седьмых Лемовских чтений (Самарский университет, 28-30 марта 2024 г.), в особенности С.А. Либерману, Ю.А. Разиннову и А.К. Хаялеевой.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ламберов Л.Д., 2024

Лев Дмитриевич Ламберов – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры онтологии и теории познания, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51.

Introduction

The present paper is a study of the concept of fictional objects, according to which those are understood as epistemically finite with respect to their special properties. Fictional objects play a key role in fiction, and they should be distinguished from real-life prototypes even when they seem to be practically the same. The mentioned concept of fictional objects is contrasted with the concept of arbitrary objects. This material was presented in the form of a talk at the 7th Lem's Readings (Samara University, 28-30 March 2024), after which the participants asked a number of interesting questions and made comments, which are taken into account in the present paper. The paper has the following structure: (i) the conception of fictional objects as epistemically finite with respect to their special properties; (ii) the conception of arbitrary objects in its comparison with the mentioned concept of fictional objects; (iii) a comparative table for the two mentioned conceptions; (iv) answers to the questions and comments made after the talk at the 7th Lem's Readings.

Fictional objects

The hero of Marcel Coscat's fictional 'Les Robinsonades' from 'A Perfect Vacuum' (Lem 1979), Serguis N., or the New Robinson, cannot create the Supreme Being, but becomes a creator himself. Disappointed by the fact that the people around him in his life before the shipwreck were rather 'murky and turbid water' (while 'a man without Others is a fish without water'), he exclaims the first word of Genesis – 'Away with this clutter!' and begins to create. First he creates the fat man Snibbins, his faithful servant, a butlet, valet and footman, whose existence is not to be doubted, for 'to doubt it is to doubt that the trees stand and the clouds float when no one is watching them'. Of course, Snibbins eats nothing, but cooks his master's own food while he gathers a collection of interesting stones ('how easy on the budget and how convenient'). However, the New Robinson gradually grows dissatisfied with Snibbins's over-executiveness, Snibbins cannot be changed, 'the way he is, is the way he is'. So he creates a cook named Boomer. Due to the need to keep an eye on Boomer, Snibbins begins to perform his duties somewhat worse, so Robinson has to kick him out after paying him three months' wages (the money is still stored on the reef-wrecked *Patria*). Snibbins leaves, but he does not take the money. Finally, Robinson creates for himself a three-legged servant girl, Wendy Mae, who would become his Be-

atrice. The unhappy and extremely confused love for Wendy Mae forces the New Robinson in the end to create 'those throngs which Robinson calls into existence off the cuff, carelessly, writing names, first and last, and nicknames on whatever comes to hand' (Lem 1979, p. 22).

The new Robinson surrounds himself with fictional objects, creates Others who are his boundary: 'If there is no God and if, moreover, there are neither Others nor the hope for their return, one must save oneself through the construction of a system of some faith, a system that, with respect to the one creating it, *must* be external' (Lem 1979, p. 24). Inaccessible beings ('*beyond reach*'), whose existence, however, is not in doubt, are more appealing. Inaccessibility is required for Robinson in order not to be able to realise their non-existence. It is important for him not to be able to be convinced of the non-existence of his beloved Wendy Mae, so he invents a whole society on the island that 'will stand between him and the girl; this that will throw up a system of obstacles and thus provide that impassable distance from which he will be able to love her, to desire her continually [...] He realizes – he must – that [...] if he attempts to feel her, the whole world that he has created will, in the bat of an eye, crumble' (Lem 1979, p. 25). Robinson even 'forgets' about Wendy Mae's third leg, which initially served as an insurmountable obstacle to their intimate relationship.

As a creator, New Robinson is, of course, somewhat free. He creates fictional characters (and Wendy Mae in particular) with the sole requirement that he must not disbelieve their (more importantly, Wendy Mae's) existence. However, these characters 'live' their own lives, they are like Snibbins, the way they are, is the way they are. Although New Robinson may make adjustments to individual characters in his fictional society (and these changes are unlikely to be entirely conscious) or simply forget some of their peculiarities, the characters remain themselves. Adjustments are rather detrimental to them.

Fictional vs. real objects

From a philosophical point of view, when talking about fictional objects in order to contrast them with real ones, one should pay attention to the distinction (Rescher 2003, p. 341) between generic and non-generic properties of an object. Generic properties are properties possessed by all members of some (often natural) class. In other words, these are properties that constitute the essence of some kind of object.

Non-generic properties are properties possessed by the unique object, that is, these are properties that it does not share with other objects of its class. To illustrate this separation, N. Rescher considers a single snowflake (Rescher 2003, p. 341). The generic properties of some particular snowflake are the hexagonality of its shape, its general chemical composition, its melting point, etc. Among the non-generic properties of a certain snowflake are its particular shape, angular momentum of its fall, etc.

Actually, the difference between fictional and real objects, when interpreted through generic and non-generic properties, is that fictional objects (provided that the 'act of creation' is already completed and no more changes are made to the created fictional object) have a limited number of non-generic properties, while real objects turn out to be 'cognitively inexhaustible' (Rescher 2003, pp. 341–343) or possessing immeasurable cognitive depth. For example, it is possible to make a detailed description of A. C. Doyle's Sherlock Holmes, the source of which will be stories, drafts, correspondence and other contents of the author's entire archive. However, this detailed description will be finite; at some point in the compilation of such a description, it will be so 'complete' in the context of a particular set of sources that one can add to it only by appealing to the power of imagination. In fact, we do not know very much about Sherlock Holmes. There is no even a clue as to his date of birth (the probable year is 1854), no information about his parents (not even their names). We don't know, after all, how many atoms were in Sherlock Holmes' body at a certain moment of time (for example, at the moment when he saw Professor James Moriarty for the first time), and we will never know it. We have no other sources of information about Sherlock Holmes (namely, A.C. Doyle's Sherlock Holmes) besides the writer's works and archive (perhaps some recollections of A.C. Doyle's relatives and friends could be added here, if we could consider them reliable enough). We obviously cannot meet Sherlock Holmes, and therefore we cannot study him as any really existing object.

Of course, we should admit that our knowledge about some existing object at any moment of time is finite, but we have a principal possibility to extend this knowledge. And it concerns both knowledge of generic and non-generic properties of this object. It may not be said about Sherlock Holmes that he has all the properties that characterise human beings, those properties that all people share, but if in the process of research it turns out that all human beings have some property unknown till now (for example, at some moment we have found out that all people have somewhat similar DNA structure), then we will conclude from it that Sherlock Holmes, as a human being, albeit a fictitious one, also has this property. However, our knowledge of the non-generic properties of a fictional object is fundamentally incomplete, no matter what studies of

existing objects we conduct. For real objects, not only is our knowledge of generic properties fundamentally extensible, but so is our knowledge of non-generic properties, and it does not require a recourse to the aid of our imagination. In other words, real objects are cognitively inexhaustible, and what is 'exhaustible by linguistic characterization would thereby be marked as fictional rather than real.' (Rescher 2003, p. 341).

Arbitrary objects

In addition to real and fictional objects in the context of generic and non-generic properties, one may consider arbitrary objects. The concept of arbitrary objects in modern metaphysics has been developed since the 1980s by authors such as Kit Fine (Fine 1985), Marco Santambrogio (Santambrogio 1987), Leon Horsten (Horsten 2019) and others. An arbitrary object is an object that possesses all generic properties of some class, but does not possess any non-generic properties.

A similar idea concerning variables was held by some 19th century mathematicians who interpreted statements of the form 'Let x be a natural number' as statements about an arbitrary number. However, this view was criticised in the second half of the 19th century, and the concept of arbitrary numbers (respectively, the concept of arbitrary objects in general) was abandoned. In particular, we may note the criticisms made by Gottlob Frege in his article 'What is a function?' (Frege 1904), in which he criticises the idea of arbitrary numbers in Emanuel Czuber's 'Lectures on Differential and Integral Calculus' (1898). From Frege's point of view, there are no indefinite or variable numbers, and expressions like 'Let x be a natural number' should be interpreted in such a way that the variable x here means some definite natural number, but at the moment we simply do not know which one. In other words, according to Gottlob Frege, the arbitrariness in this case is rather a characteristic of the relation of reference, not of the object. Be that as it may, since the 1980s the concept of arbitrary objects has proved fruitful, for example, for the development of structuralist philosophy of mathematics, the concept of reasoning with indefinite objects, the semantics of natural language, epistemic justification for infinitary reasoning, etc.

It has been stated above that arbitrary objects possess all generic properties of some class and do not possess any non-generic properties. At the same time, they also possess special properties of arbitrary objects – for example, the property of being some definite object in some particular situation (more precisely: being in the state of being some definite object in some particular situation) or being a diagonal arbitrary object (that is, an arbitrary object which is a different definite object in different situations, and at the same time it is not the same definite object in any two different situations).

Comparison

Arbitrary, fictional and real objects can, using the apparatus of the semantics of possible worlds, be compared also by which possible worlds they exist in and how those objects are realised. It should be clarified that possible worlds are understood here not just as parts of a model, but in a broader metaphysical sense (whatever it may be). Thus, (1) real objects necessarily exist in the actual world and can exist in an indefinite set of possible worlds (this indefinite set of worlds is half of the whole set of possible worlds, since an object in a possible world either exists or does not exist); (2) fictional objects do not exist in the actual world, but exist in an indefinite set of merely possible worlds (fictional objects also exist in half of all possible worlds and do not exist in the other half of them); (3) arbitrary objects exist in any possible worlds where there is at least one definite object of the corresponding class, but no arbitrary object in any possible world is any definite object (it does not take the 'value' of any definite object), since for arbitrary objects the essential modality is the *afthairetic* modality, according to which an arbitrary object in some situation can be some definite object, but at the same time it is not actually a definite object in any situation, an arbitrary object always remains arbitrary.

The above considerations can be summarised using the following Table 1.

non-generic properties is to point out that objects that have ceased to exist, like fictional objects, are epistemically finite. Indeed, it must be recognised that, for example, the ancient Greek historian Thucydides cannot be directly accessible to us to conduct a research, and all we know about him relies on a finite set of written sources. Accordingly, Thucydides, must be recognised as a fictional object. This is a rather strong observation, to which it seems to be possible to respond in two ways. First, the metaphysical position of realism regarding the past is certainly problematic (at least I am not aware of any consistent realist position regarding the past). (What is meant here by realism about the past is the conception that the past exists really and independently of cognitive agents, alongside the present or in the present. At the same time, the supposed anti-realist position on the past does not imply that the past never existed, it just does not exist in the present.) The past is inaccessible to us directly in epistemic terms and is known only indirectly. Within metaphysics, the most consistent anti-realist position on the past (e.g., in the fashion of the verificationists) seems to be one that assumes that past objects do not exist independently of cognitive agents. Secondly, if the anti-realist position on the past seems unsatisfactory, then the concept in question itself can be reformulated so that it is not a concept of fictional objects, but an explication of at least one aspect of

Table 1

Comparison of real, fictional, and arbitrary objects

Таблица 1

Сравнение реальных, фиктивных и произвольных объектов

	Generic properties	Non-generic properties	Existence	Realization
Real objects	all	infinite number	in the actual world and some possible worlds	realized
Fictional objects	all	finite number	not in the actual world, but in some possible worlds	realized
Arbitrary objects	all	no	exists only together with definite objects of the corresponding class	nowhere realized

If we return to the title of this paper, it should become clear that the 'robinsonade' of fictional objects in this case means existence only in purely possible worlds and being limited in their non-generic properties by the creator's imagination, and the 'poverty' of arbitrary objects means the absence of any non-generic property and non-realization in any possible world in the form of any definite object.

Conclusion

One important remark on the concept of fictional objects as epistemically finite with respect to their

what it means to really exist (provided, of course, that past objects are recognised as non-existent) or really exist in the present. In other words, it is not only fictional objects that are epistemically finite in their non-generic properties, but all non-existent objects in general. In this case it is required to separate non-fictional and non-existent objects from fictional (but also non-existent) objects in some other way.

Another remark is that fictional objects may have a normative dimension, which should also be taken into account in the concept of fictional objects. It seems that the concept of fictional objects as epistemically

finite with respect to their non-generic properties does not contradict normativity. Fictional objects, as they are described at the beginning of the article, quite possess the required normative dimension; after all, it is the fictional society (in the hero's fantasy) that interferes with the love relationship between New Robinson and Wendy Mae. Since fictional objects may or may not play a normative role, it seems that the concept of normativity of fictional objects is external to the concept of fictional objects proper. The concept of fictional objects under consideration is quite compatible with a suitable concept of normativity. At first glance, only those conceptions of normativity that assume the real existence of objects playing normative roles are not suitable.

Furthermore, in the discussion of the concept in question, one may raise a question of how to interpret situations in which interaction with fictional objects takes place. For example, based on the film 'Swiss Army Man', we can assume a situation in which a real person interacts with a real corpse, but believes that it is not a corpse, but another living person. It seems that such a situation in the context of the considered concept of fictional objects can be interpreted as follows. Firstly, there is a person interacting with the corpse in the actual world. Thus we have two real objects. Secondly, this person imagines (or hallucinates) communication and other variants of interaction with what in the (other) possible world 'takes' the place of the real corpse. Thus, we can speak of a possible world in which practically everything happens in the same way as in the real world, but in which our real person interacts not with a real corpse, but with another person who 'takes' the place of a real corpse in that pos-

sible world. To correctly predicate relations between the person in actual world and the other person (in the role of the corpse in actual world) one needs a sematic framework compatible with a cross-world predication (e. g., (Borisov 2023)). The concept of fictional objects under consideration is quite consistent with this interpretation.

References

- Borisov, E.V. (2023), A Nonhybrid Logic for Crossworld Predication, *Logical Investigations*, vol. 29, no. 2, pp. 125–147.
- Fine, K. (1985), *Reasoning about Arbitrary Objects*, Basil Blackwell, Oxford, UK.
- Frege, G. (1904), Was ist eine Funktion? S. Meyer (ed.), *Festschrift Ludwig Boltzmann gewidmet zum sechzigsten Geburtstage, 20 February 1904*, Verlag von Johann Ambrosius Barth, Leipzig, Germany.
- Horsten, L. (2019), *The Metaphysics and Mathematics of Arbitrary Objects*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Lem, S. (1979), Les Robinsonades, *A Perfect Vacuum: Perfect Reviews of Nonexistent Books*, Harcourt Brace Jovanovich, N.Y., USA.
- Resnik, N. (2003), *Epistemology: An Introduction to the Theory of Knowledge*, SUNY Press, N.Y., USA.
- Santambrogio, M. (1987), Generic and Intensional Objects, *Synthese*, vol. 73, pp. 637–663.

Дата поступления: 15.10.2024

рецензирования: 19.11.2024

принятия: 13.12.2024

SCIENTIFIC ARTICLE

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-4-13-19

Submitted: 10.10.2024

Revised: 22.11.2024

Accepted: 10.12.2024

E.V. Borisov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian
Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6587-9616>

Can definite descriptions be used as proper names?

Abstract: referential use of definite descriptions in Donnellan's sense can be accounted for in semantic and pragmatic terms. One of the semantic accounts was outlined by Kaplan and elaborated in detail by Marti. According to their theory, when a definite description is used referentially, (1) it is used as a throw-away proper name, and (2) its attributive semantic content loses any semantic relevance. (In this theory, proper names are treated as directly referring devices.) The paper presents a criticism of this view. I argue that in typical cases of referential use, the attributive semantic content of a definite description is pragmatically relevant, and because of this, only subsequent use can show its semantical irrelevance. But the subsequent use is possible only for stable names, not for throwaway names. Thus, (2) can only be grounded by evidence that (1) excludes, which undermines the empirical basis of the theory in question. I conclude that this theory has no advantage over the pragmatic account of referential use, and that the pragmatic account is preferable for reasons of parsimony.

Key words: definite description; attributive and referential use of definite descriptions; proper name; Donnellan; Kaplan; Marti.

Acknowledgments: I am indebted to Jean Kollantai for assistance with stylistic editing.

Citation: Borisov, E.V. (2024), Can definite descriptions be used as proper names?, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 13–19, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-13-19>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Borisov E.V., 2024

Evgeniy V. Borisov – doctor of philosophy, chief researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 160.1

Е.В. Борисов

Институт философии и права Сибирского
отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск, Российская Федерация

E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6587-9616>

Возможно ли употребление определенных дескрипций в качестве собственных имен?

Аннотация: референтное употребление определенных дескрипций в смысле Доннеллана имеет два объяснения: семантическое и прагматическое. Одно из семантических объяснений было намечено Капланом и детально разработано Марти. Согласно этой теории при референтном употреблении определенной дескрипции последняя (1) функционирует как одноразовое собственное имя; (2) ее атрибутивное семантическое содержание теряет какую бы то ни было семантическую значимость. (При этом собственные имена трактуются как прямо-референтные выражения.) В статье развернута критика этой теории. Я показываю, что в стандартных случаях референтного употребления атрибутивное семантическое содержание определенной дескрипции прагматически значимо, в силу чего только последующее употребление может показать, что оно утратило семантическую значимость. Но последующее употребление возможно только для стабильных – не для одноразовых – собственных имен. Таким образом, тезис (2) может быть обоснован только фактами, которые не совместимы с тезисом (1), что элиминирует эмпирическую основу рассматриваемой теории. Это позволяет заключить, что данная теория не имеет

преимуществ перед прагматическим объяснением референтного употребления и что прагматическое объяснение предпочтительно как более экономичное.

Ключевые слова: определенная дескрипция; атрибутивное и референтное употребление определенных дескрипций; собственное имя; Доннеллан; Каплан; Марти.

Благодарности: я признателен Джин Коллантай за помощь в стилистическом редактировании текста.

Цитирование: Борисов Е.В. Возможно ли употребление определенных дескрипций в качестве собственных имен? // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 13–19. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-13-19>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Борисов Е.В., 2024

Евгений Васильевич Борисов – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, 630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.

Introduction

The problem to be discussed goes back to the distinction between referential and attributive uses of definite descriptions made famous by Donnellan (1966). According to Donnellan, when a speaker uses a definite description referentially, she intends to talk about a certain object or person and utters the description to enable the audience to single out that object or person. The speaker's intention identifies the referent prior to, and independently of, her choosing a definite description as a means of pointing at it for the audience. This makes it possible that the speaker, using a definite description referentially, can succeed in referring to an entity that does not satisfy the description. For instance, this takes place when the speaker's belief that the entity she wants to talk about fits the description she uses to point at it happens to be false. On the contrary, if a speaker uses a definite description attributively, there is no independent identification of the entity to be spoken of – what she intends to talk about is exactly whatever/whoever fits the description (Ibid., p. 286; Donnellan 1968, p. 206).

Russell (Russell 1905) offered a quantificational semantic analysis of sentences containing definite descriptions in the subject position. According to Russell, when we utter 'The *F* is *P*', we express the proposition that there is exactly one *F* and it is *P*. Many philosophers, including Donnellan, accept, with or without qualifications, the Russellian analysis for attributive descriptions. (For brevity, I will hereafter refer to attributively/referentially used definite descriptions as *attributive/referential descriptions*.) I accept it, too. Granted this analysis for attributive descriptions, the problem is how to account for referential descriptions. Basically, there are two approaches to this problem: the semantic and the pragmatic ones. Semantic theories, implementing the semantic approach, posit for referential descriptions a meaning other than the quantificational one, thus treating definite descriptions as semantically ambiguous (Devitt 1981; Wettstein 1981; Reimer 1998; Amaral 2008; Abbott 2010). Pragmatic theories, representing the pragmatic approach, defend the Russellian analysis as the unitary semantic analysis, valid both for attributive and referential descriptions (Kripke 1977,

Bach 1981, Neale 1990). Pragmatic theorists account for the specificity of referential use utilizing the Gricean (Grice 1989) distinction between what is literally said and what is communicated in a speech act. Since the Gricean distinction is motivated independently, the pragmatic approach has, *ceteris paribus*, the advantage of parsimony over the semantic approach, for the latter postulates two meanings for definite descriptions, while the former postulates one. Therefore, semantic theories must provide special reasons for imposing a referential meaning on definite descriptions (Donnellan himself is not quite clear about this dilemma. On one hand, he expresses his preference for the pragmatic approach (Donnellan 1966, p. 297). On the other, he contends that Russell's analysis of sentences containing definite descriptions 'ignores altogether the referential use' (Ibid., p. 297), and the most natural way of understanding this claim is to suppose that he ascribes to his distinction a semantic import. I leave the exegetic question as to what position toward the dilemma of semantic and pragmatic approaches, if any, can be attributed to Donnellan, beyond consideration).

In section xxii of *Demonstratives*, Kaplan (Kaplan 1989, pp. 558–563) has adumbrated a semantic theory construing referential descriptions by analogy with proper names. More recently Marti (Marti 1995; 2003; 2008; 2015) has developed Kaplan's proposal in detail. I will refer to Kaplan-Marti theory as KM. According to KM, when a definite description is used referentially, its attributive semantic content loses semantic relevance, and the description becomes a directly referential expression of the same kind as proper names in the Millian sense (The view outlined in *Demonstratives* xxii essentially differs from the view Kaplan offered in *Dthat* (Kaplan 1978). In *Dthat*, Kaplan construes referential descriptions as a type of demonstratives rather than proper names. This view is irrelevant to KM). Both Kaplan and Marti claim that their semantic construal of referential descriptions explicates Donnellan's notion of referential use and try to explain the phenomenon Donnellan held to be illustrative of referential use, namely the possibility of referring by misdescription. My aim here is a polemic one: I will argue that the evidence KM adduces to back up the semantic treat-

ment of referential descriptions is inappropriate with respect to all cases of referential use except one, and that the only case KM provides a plausible account for does not fit Donnellan's notion of referential use. This means that KM has no advantage for the pragmatic account of referential use in Donnellan's sense.

The pragmatic theory that I accept has been elaborated by Kripke (Kripke 1977). It accounts for referential descriptions as follows. Suppose that a speaker utters 'The *F* is *P*' using 'the *F*' to refer to an object or person *O*. Usually, in such a speech act, the speaker *presupposes* that *O* is the only *F* and *communicates* the singular proposition that *O* is *P*, but what she *expresses* is the general proposition that there is just one *F* and it is *P* (If 'the *F*' is an incomplete definite description, an appropriate completion of the description or an appropriate restriction of quantifier domain is presupposed. This holds for the speaker's presupposition that *O* is the only *F* as well). On this view, what accounts for the specificity of referential use of definite descriptions is the speaker's intention to speak of a particular entity, and what accounts for the phenomenon of referring by misdescription is the falsity of the speaker's presupposition or other pragmatic factors.

The premises I share with Kaplan and Marti are:

- 1) The Russellian analysis of the meaning of attributive descriptions, according to which an attributively used definite description expresses a certain attribute and denotes the entity that uniquely satisfies it (This view is compatible both with Russellian quantificational and Strawsonian presuppositional analysis of definite descriptions).
- 2) Donnellan's idea that the reference made in the course of referential use of a definite description does not depend on the attributive content of the description. This independence enables the phenomenon KM tries to explain, namely the phenomenon of successful referring by misdescription.
- 3) The Millian notion of a proper name, according to which the only semantic content of an ordinary (I distinguish ordinary proper names from descriptive names. See n. 7) proper name is the reference to its bearer. This means, *inter alia*, that the semantic link of a proper name to its bearer is not mediated by any descriptive content.

A note on the notion of direct reference, which plays an important role in what follows, should be made here. Kaplan and Marti give different definitions of direct reference: Marti offers a 'strong' conception of direct reference that Kaplan does not use. Kaplan defines a directly referring expression as an expression that contributes a particular entity to the proposition expressed (Kaplan 1978). Marti calls this notion of direct reference the 'weak' notion and distinguishes it from the 'strong', or 'Millian', notion on that an expression is directly referring if it is immediately linked to its referent (Marti 1995, p. 280; 2008, p. 47). As Marti (Marti

1995, p. 281; 2008, p. 48) stresses, Kaplan's notion of direct reference and her notion of strong direct reference have different extensions: for instance, indexicals on the Kaplanian view are directly referring in the weak sense but are not in the strong sense, for the link of an indexical to its referent is mediated by its Kaplanian character. This difference between Kaplan's and Marti's views on direct reference is irrelevant to my criticism. What matters is that both Kaplan and Marti consider referential descriptions a type of proper name and that both hold that the semantic link of a proper name to its bearer is not mediated by any descriptive content. This makes proper names directly referential expressions both on Kaplan's 'weak' and Marti's 'strong' notion. Hereafter, I will apply the term *direct reference* to proper names as compatible with both notions.

In what follows, I expose KM's construal of referential descriptions (section 1), propose an amendment to Marti's terminology (section 2), define the standard case of referential use of definite description (section 3), and present my objection to KM with regard to the standard case (section 4).

1. KM's construal of referential use

According to KM, referential use of definite descriptions is a special case of unconventional use. Kaplan (Kaplan 1989, p. 559) distinguishes two types of unconventional use of an expression: when the speaker relies on its conventional meaning but mistakenly applies it to an entity that does not fit its conventional meaning, and when she endows it with a new meaning. Consider Kripke's Smith/Jones scenario (Kripke 1977, p. 263), in which the speaker refers to Smith using the name 'Jones'. If she does so because she mistakes Smith for Jones, as in Kripke, then she relies on the conventional meaning of 'Jones', and we have the unconventionality of the first type. But the speaker may also use 'Jones' intending to refer to the man over there, regardless of the conventional meaning of 'Jones'. So the speaker acts in Marti's variation of the scenario in which 'she has forgotten Smith's name, or doesn't know his name or, quite simply, she does not care what Smith's name is' (Marti 2008, p. 54). In this case, we have the unconventionality of the second type: the speaker intends to give 'Jones' a new meaning rather than to utilize a pre-existing meaning. The first type of unconventional use can only be accounted for in pragmatic terms, while the second type is semantically relevant.

In KM, referential use of definite descriptions is a type of semantically relevant unconventional use that Kaplan calls *dubbing* (Kaplan 1973, p. 501). Dubbing is an event or historical process through which a new *proper name* is introduced into a language. In some cases, expressions of definite descriptions – I will call them *descriptive expressions* – are used as vehicles of the proper names introduced. It would be convenient to have terms for dubbings of this sort – dubbings that turn descriptive expressions into proper names – and

for proper names introduced in this way. I will call the former *d-dubbings* and the latter *d-names*. Introducing a nickname into a language is an example of d-dubbing. Since Sidney Crosby has been called ‘the Kid’, the descriptive expression ‘the kid’ can be used both as a definite description and a proper name.

It is clear that d-dubbings make descriptive expressions semantically ambiguous. A d-dubbing *semantically neutralizes* the attributes the descriptive expression in question expresses when it is used as a definite description (hereafter *descriptive attributes*): they lose their semantic relevance (This is often signaled by the fact that a description, as Strawson (Strawson 1950, p. 338) puts it, ‘ha[s] grown capital letters’) (though they may remain pragmatically relevant) so that the reference occurs independently of whether or not the descriptive attributes hold for the object referred to (This is why we must distinguish d-names, such as nicknames, and descriptive names like ‘Neptune’ when it was introduced by Leverrier. Names of the latter sort are abbreviations for definite descriptions (‘Neptune’ was introduced by Leverrier as the abbreviation for ‘the cause of perturbations in Uranus’s orbit’) and denote their objects (if any) rather than refer to them. Reimer shows that descriptive names can turn into ordinary (directly referential) ones in the course of their use, as happened with ‘Neptune’ after astronomers became empirically acquainted with Neptune (Reimer 2004). In this case, descriptive names lose their attributive content and become d-names). Then, as Marti puts it, ‘the speaker, quite simply, couldn’t care less whether the attributes apply or not’ (Marti 2008, p. 53). Let me call this point a *neutralization claim*.

Another feature characteristic of referential use of definite descriptions in KM’s view can be defined in terms of Kaplan’s distinction between the permanent meaning, pertaining to an expression in constant use, and the nonce-meaning given to an expression, such as ‘a fleeting “Hi-ya, Beautiful!”’ (Kaplan 1989, p. 561) for purposes of the moment. On KM, referential use of a definite description is a d-dubbing in that the speaker does not intend to introduce a stable name into the language she speaks, aiming instead ‘at attaching a nonce-sense to the expression’ (Ibid., p. 561). Of course, an expression applied to an object in a speech act of this kind can subsequently ‘stick’ to the object so dubbed and thus become a stable name, but if it does not then we can say that a *throwaway name* (Marti attributes the expression ‘throw away name’ to Ruth Barcan Marcus (Marti 2008, p. 54)) has been generated. The latter case is precisely the referential use of definite descriptions in KM’s view. Thus, it can be defined as a d-dubbing, in that a descriptive expression is used as a throwaway proper name.

Since this definition renders the referential use of definite descriptions as a type of d-dubbing, it presupposes the neutralization claim with respect to referential descriptions. This is why Marti thinks that this defi-

nition provides the needed account of the characteristic mark of referential use – the possibility of pointing by misdescription. On the other hand, the *differencia specifica* provided by this definition – being a nonce-use – distinguishes referential descriptions from stable proper names of descriptive origin, such as ‘the Kid’, ‘The Holy Roman Empire’ etc. (Marti 2008, p. 53).

So far so good. What raises a problem for KM is, I think, the fact that the attributive descriptive content of a referential description can be *pragmatically relevant* to the speaker’s purposes. Both Kaplan and Marti admit this. Moreover, as I will show below, Marti tends to consider the pragmatic relevance of descriptive attributes to be important for the speaker’s success in establishing the referential link between the description used and the object referred to. But neither Kaplan nor Marti notices that this affects the validity of the neutralization claim with regard to nonce-use of definite descriptions in referential function. I will develop this point in section 4.

2. A terminological note

Before I present my criticism, I would like to propose an amendment to Marti’s terminology motivated by the fact that some of her formulations contain, in my view, confusion. Consider the following passage (partially quoted above):

What is characteristic of a referential use of a definite description is, according to Donnellan, the fact that the description can refer to something that does not satisfy the attributes expressed by the description (Marti 2008, p. 45).

What is wrong in this formulation? Remember that Marti considers the neutralization of the attributive semantic content of definite descriptions an essential feature of referential use. If she is right then referentially used descriptions refer directly and *express no attributes at all!* This makes this formulation, taken literally, contradictory.

Here is another example:

What determines successful reference with the use of “the F,” as it was the case with proper names, is not the referent’s satisfaction of a qualitative profile associated semantically with the expression in question, precisely because the expression, “the F” in this case, is being used as a genuine device of reference (Marti 1995, p. 283).

In this passage, we have the same contradiction: if an expression functions as ‘a genuine device of reference’, then no ‘qualitative profile’ can be *semantically* associated with it. If there is such thing as referential use of definite descriptions on Marti’s view, definite descriptions have different semantic contents in different uses. Then it would be incorrect to speak of the attributive semantic content of definite descriptions (‘qualitative profile associated semantically’ with them) *simpliciter*, without qualification to the effect that definite descriptions have such content only when used *attrib-*

utively. And it would be misleading to speak of the *attributive* semantic content of a definite description in discussing its *referential* use.

To preclude terminological confusion, I suggest speaking of two uses of *descriptive expressions* rather than descriptions – the referential use, in which descriptive expressions function, according to KM, as throwaway proper names, and the attributive use, in which they function as definite descriptions. Utilizing these terms, we can rewrite the claim quoted in the beginning of this section like this:

What is characteristic of a referential use of a descriptive expression *E* is... the fact that if *E* is used referentially (as a throwaway name) it can refer to something that does not satisfy the attributes expressed by *E* when it is used attributively (as a definite description).

In what follows, I will use terms in this way.

3. The standard case

In this section, I discuss a certain type of what KM considers referential use of definite descriptions. Speech acts of this type are much discussed, therefore I suggest calling them *the standard case*. As noted above, both Kaplan and Marti admit that the descriptive attributes associated with a definite description, though they are semantically neutralized when the description is used referentially, nonetheless can be used some way in the same speech act, thus gaining a *pragmatic* relevance. For instance, Kaplan, discussing the ‘the pure referential use’ of a descriptive expression, says:

When a definite description is in question, again the speaker does not intend to give the expression its conventional meaning although he may intend to *make use* of the conventional meaning in conveying who it is that is being referred to or for some other purpose (Kaplan 1989, p. 560).

Speech acts that I call the standard case have two features in addition to ones fixed in KM’s definition of referential use. One of them is mentioned in the passage quoted: the speaker makes use of descriptive attributes in order to convey what entity she wants to talk about. The other feature is that the speaker uses the descriptive expression in a quite straightforward way – not ironically, not metaphorically, etc. These two features together mean that the speaker chooses the descriptive expression *the F* to point at the object/person *O* because she believes that *O* is the sole *F* and relies on her audience’s ability to recognize *O* as the sole *F*.

According to KM, the standard case has the following features:

- 1) It is a type of *d-dubbing*, i.e. the speaker turns a descriptive expression *E* into a proper name of an object/person *O*. The speech act in question semantically neutralizes the attribute *F* that constitutes the semantic meaning of *E* in contexts where *E* is used attributively.

- 2) *E* is used as a *throwaway name*: the act of establishing *E* as a proper name of *O* is the only act of so using *E*.
- 3) The speaker uses *E* to point at *O* for her audience.
- 4) The speaker chooses *E* as a device of referring to *O* because she believes *O* to be the only *F* and expects that her audience will be able to see this, too. This makes *F* pragmatically relevant.

The last characteristic of the standard case is especially important for me, and it seems to be of importance for Marti as well. Let me dwell on this point at some length. Discussing a scenario in which the speaker uses the description *the man drinking a martini* to refer to a certain person named Aston-Martin (A fusion of two examples by Donnellan (Donnellan 1966, p. 287; 1970, p. 349)), Marti writes: ‘The attribute *drinking a martini*, plus a number of other factors... play an important role in helping establish the referential connection ...’ (Marti 2008, p. 53), though (she adds) they do not determine the reference. She does not specify to what extent she finds the role of descriptive attributes in establishing the referential connection ‘*important*’. Does its importance go so far that the discrepancy between the descriptive attributes and the object the speaker *tries* to refer to makes her try unsuccessful? Marti gives no definite answer but adduces two illustrations of referential failure that suggest that the answer must be affirmative.

Both illustrations are variants of the scenario mentioned in that the speaker tries to point at Aston-Martin by uttering ‘the man drinking a martini’. In the first variant, ‘Aston-Martin is going around with his hands in his pockets at a teetotalers’ party’ (Ibid., p. 55). Marti holds that in such a situation the speaker’s attempt to refer to Aston-Martin cannot be successful, even if the speaker has him in mind. The obvious cause of this failure is Aston-Martin’s not fitting the description in question. In the second, ‘someone else who is very salient and right in front of the speaker and hearer has a martini glass in his hand’ (Ibid., p. 55). Marti finds it ‘at the very least arguable... that the speaker makes a claim about the salient martini-glass holder, even if he does not have him in mind’ (Ibid., pp. 55–56). In this case, even if the speaker *intends* to refer to Aston-Martin, she *does* refer – unwillingly – to a salient man who happens to fit the description used.

Marti adduces these examples to back up the claim that having in mind is not the reference determiner. What is important for me in them is that they show that, in the standard case, the speaker believes that the entity she tries to point at satisfies the attributes semantically expressed by the description she uses, and expects that her audience will share this belief. Indeed, in the first example, the speaker does not succeed in referring to Aston-Martin because of his apparently not satisfying the attribute in question. This suggests that an entity’s fitting the descriptive attribute in the speaker’s view is *necessary* for success in establishing the referential link

between the description in question and that entity. In the second example, a man's apparently fitting the descriptive attribute (plus his salience for the speaker) seems to be enough for establishing the referential link to him independent of the speaker's intention. This suggests that if an entity apparently fits the descriptive attribute, it is *sufficient* – granted that the speaker is acquainted with it – for the description to refer to it. I do not claim that Marti is committed to the view that an entity's apparently fitting the descriptive attribute(s) is the necessary and sufficient condition of successful establishing the referential link in the general case. What I want to stress is that her examples show the high importance of this factor in the standard case of referential use of definite descriptions (It is opportune here to remember Marti's characterization of referential use cited above: '...the speaker, quite simply, couldn't care less whether the attributes apply or not' (Marti 2008, p. 53). Now it should become clear that this claim does not hold for the standard case. As we see, in the standard case – in particular, in Marti's examples just discussed – the speaker cannot be so light-hearted about the attributes' applying or not applying to the entity she *tries* to refer to, for it influences the success of her try. It seems to me that what Marti has in mind here is that the speaker feels no concern for the *semantic* relevance of attributes though possibly finds them *pragmatically* relevant. I will argue below that this claim needs evidence KM fails to provide.).

4. Criticism

Now I am in a position to present my criticism (A short version of this criticism was presented in (Borisov 2023)). As we saw earlier, KM ascribes to a descriptive expression as it is used in a standard case a double function of pointing at an item and naming it. Insofar as it is used as a device of pointing, it functions as a definite description with its conventional attributive semantic content. Insofar as it is used as a device of naming, it functions as a throwaway proper name. According to KM, in such a double use descriptive attributes are semantically neutralized although they continue being pragmatically relevant. My objection to KM is that it tries to substantiate the neutralization claim with respect to the standard case relying on inappropriate evidence. I will argue that the datum KM relies on can take place only in the course of a *constant* practice of using an expression; it simply cannot occur within a *nonce*-use.

Marti illustrates the neutralization claim by discussing Mill's example with 'Dartmouth' (since 'Dartmouth' can express the attribute of being at the mouth of the River Dart, it can be considered on par with definite descriptions):

Dartmouth is at the mouth of the Dart, and this fact played a very important role in the decision to call the city 'Dartmouth'. But had the river changed course, it would not be incorrect to continue to ap-

ply 'Dartmouth' to Dartmouth. In fact, were we to discover that Dartmouth never was near the river, the name would not fail to name the city (Marti 2008, p. 47).

In this counter-factual scenario, people believed, at the moment of dubbing, Dartmouth to be at the mouth of the River Dart, and this *inter alia* explains why they so named the city. (This makes that dubbing akin to what I consider the standard case. The difference is that 'Dartmouth' turned out to be a stable name.) *Subsequently* the river changed its course and people discovered that Dartmouth does not satisfy the attribute of being at the mouth of the River Dart anymore. Nevertheless, they did continue to apply the expression 'Dartmouth' to the city. This allows stating that 'Dartmouth' became a directly referential device so that the descriptive content it might have in other usages has no semantic relevance in the usage in question. As we see, the evidence needed to support the neutralization claim with regard to cases like the case of Dartmouth is the practice of applying an expression *E* to an object *O* despite the fact that people have discovered that *E*'s attributive semantic content does not hold for *O*. To gain this evidence, it is not enough to observe the dubbing as a single speech act – it is also necessary to observe the *subsequent* use of the expression in question. Thus, this type of evidence is specific to cases of introducing *stable* names.

But what about the standard case, in which, allegedly, a *throwaway* name is introduced? Imagine that the dubbing was the first and *last* use of 'Dartmouth' – that 'Dartmouth' did not happen to become a stable name. Then the speech act in question instantiates the standard case, and the speakers used the expression 'Dartmouth' because they 1) believed Dartmouth to be at the mouth of the River Dart, 2) intended to use this attribute to point at Dartmouth, and 3) semantically associated this attribute with 'Dartmouth'. It is quite natural to account for their choice of 'Dartmouth' by supposing that they utilized its attributive semantic content, thus using it *qua* definite description. Since there was, as assumed, no subsequent use of 'Dartmouth', we have no data supporting the neutralization claim and, consequently, no reason to suppose that 'Dartmouth' was used as a proper name rather than a definite description.

I know of no appropriate datum adduced by Kaplan or Marti in supporting the neutralization claim with respect to the standard case (In section 1, I mentioned Marti's version of Smith/Jones scenario, in which the speaker uses the name 'Jones' as a throwaway name, without taking into account whether 'Jones' is the conventional name of the man she is referring to or not (Ibid., p. 54). Marti is right in claiming that this speech act illustrates the neutralization of the semantic meaning of 'Jones'. But it does not instantiate the standard case because, granted the Millian notion of proper names, 'Jones' has no attributive semantic content). I think the argument of the previous paragraph shows that there is no phenomenon of the sort they need.

Marti is aware that examples she discusses are ones of using stable names rather than throwaway names, but she finds this irrelevant: ‘whether or not ‘Dartmouth’ and ‘The Holy Roman Empire’ do become stable referential devices (i.e. names) for a city and a country is a story that is independent of their being referential devices that do refer to the city and the country in that first introductory use, or first few uses’ (Ibid., p. 52). For sure, Marti is right in that *if* a descriptive expression was once used referentially, its subsequent becoming or not becoming a stable name is an independent story. But what allows stating that it *was* so used? I contend that KM has no answer to this question. What I find wrong in KM with regard to the standard case is that it tries to account for using *throwaway names* relying on evidence that is specific to cases of introducing and subsequent using *stable names*.

Conclusion

I have examined two points in KM: the semantic construal of referential use of definite descriptions and the claim to having explicated Donnellan’s notion of referential use. KM’s semantic construal of referential use includes two tenets:

- (1) if a definite description (strictly speaking, a descriptive expression) is used referentially, its attributive semantic content loses any semantic relevance;
- (2) a referential description (referentially used descriptive expression) functions as a throwaway proper name.

My objection to KM was to the effect that KM tries to ground (1) relying on evidence that (2) excludes. I argued that if the attributive semantic content of a referential description has any relevance at all, only subsequent use can support the claim that its relevance has changed the semantic character to a purely pragmatic one. But the subsequent use is possible only for stable names, not for throwaway names. This outcome allows concluding that KM has no advantage over the pragmatic account of referential use in Donnellan’s sense, and that the pragmatic account is preferable for reasons of parsimony.

References

- Abbott, B. (2010), *Reference*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Amaral, F.S. (2008), Definite descriptions are ambiguous, *Analysis*, vol. 68, pp. 288–297, DOI: <http://doi.org/10.1093/analys/68.4.288>.
- Bach, K. (1981), Referential/Attributive, *Synthese*, vol. 48, pp. 219–244, DOI: <http://doi.org/10.1007/bf01064299>.
- Borisov E.V. (2023), Kaplan and Marti on definite descriptions, *Omskij nauchnyj vestnik. Ser. Obshchestvo. Istorija. Sovremennost'*, vol. 8, no. 4, pp. 84–88. DOI: <http://doi.org/10.25206/2542-0488-2023-8-4-84-88> (In Russian).
- Devitt, M. (1981), Donnellan’s Distinction, *Midwest Studies in Philosophy*, P. French, T. Uehling and H. Wettstein, (eds), vol. vi, pp. 511–524, DOI: <http://doi.org/10.1111/j.1475-4975.1981.tb00456.x>.
- Donnellan, K. (1966), Reference and definite descriptions, *The Philosophical Review*, vol. 75, pp. 281–304, DOI: <http://doi.org/10.2307/2183143>.
- Donnellan, K. (1968), Putting Humpty Dumpty Together again, *The Philosophical Review*, vol. 77, pp. 203–215, DOI: <http://doi.org/10.2307/2183321>.
- Donnellan, K. (1970), Proper names and identifying descriptions, *Synthese*, vol. 21, pp. 335–358, DOI: <http://doi.org/10.1093/acprof:osobl/9780199857999.003.0003>.
- Grice, H.P. (1989), *Studies in the way of words*, Harvard University Press, Cambridge, Mass., UK.
- Kaplan, D. (1978), “Dthat”, *Syntax and Semantics*, P. Cole, (ed), vol. 9, pp. 383–399, Academic Press, New York, USA.
- Kaplan, D. (1989), Demonstratives, *Themes from Kaplan*, J. Almog, J. Perry and H. Wettstein, (eds), pp. 481–563, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Kripke, S. (1977), Speaker’s reference and semantic reference, *Midwest Studies in Philosophy*, P. French, T. Uehling and H. Wettstein, (eds), vol. ii, pp. 255–276, DOI: [10.1111/j.1475-4975.1977.tb00045.x](http://doi.org/10.1111/j.1475-4975.1977.tb00045.x)
- Marti, G. (1995), The essence of genuine reference, *Journal of Philosophical Logic*, vol. 24, pp. 275–289, DOI: <http://doi.org/10.1007/BF01344204>.
- Marti, G. (2003), The question of rigidity in new theories of reference, *Nous*, vol. 37, pp. 161–179, DOI: <http://doi.org/10.1007/bf01344204>.
- Marti, G. (2008), Direct reference and definite descriptions, *dialectica*, vol. 62, pp. 43–57, DOI: <http://doi.org/10.1111/j.1746-8361.2008.01138.x>.
- Marti, G. (2015), Reference without cognition, *On Reference*, Bianchi, A. (ed), Oxford University Press, Oxford, UK.
- Neale, S. (1990), *Descriptions*, MIT Press, Cambridge, UK.
- Reimer, M. (1998), Donnellan’s distinction / Kripke’s test, *Analysis*, vol. 58, pp. 89–100, DOI: <http://doi.org/10.1093/analys/58.2.89>.
- Reimer, M. (2004), Descriptively introduced names, *Descriptions and Beyond*, Reimer, M. and Bezuidenhout, A. (eds), Oxford University Press, Oxford, UK.
- Russell, B. (1905), On denoting, *Mind (New Series)*, vol. 14, pp. 479–493.
- Strawson, P.F. (1950), On referring, *Mind (New Series)*, vol. 59, pp. 320–344.
- Wettstein, H. (1981), Demonstrative reference and definite descriptions, *Philosophical Studies*, vol. 40, pp. 241–257, DOI: <http://doi.org/10.1007/bf00353794>.

Дата поступления: 10.10.2024

рецензирования: 22.11.2024

принятия: 10.12.2024

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-4-20-24

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 130.2:8

Дата поступления: 09.10.2024
рецензирования: 22.11.2024
принятия: 13.12.2024

П. Околовский
Варшавский университет,
Институт философии,
г. Варшава, Польша
E-mail: pawel-okolowski@o2.pl

Эльзенберг, Вольневич и Лем*

Аннотация: в статье приводятся основные данные о биографии и философском наследии крупнейших польских философов XX и начала XXI века. Вольневич был учеником Эльзенберга и неоднократно заявлял, что считает Лема одним из величайших философов нашего времени, Лем же на книжных полках с философскими трудами держал монографию Вольневича «Вещи и факты» (1968) и его же перевод (1970) «Логико-философского трактата» Витгенштейна.

Ключевые слова: польские философы; Эльзенберг; Вольневич; Лем.

Цитирование: Околовский П. Эльзенберг, Вольневич и Лем // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 20–24. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-20-24>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Околовский П., 2024

Павел Околовский – доктор философских наук, адъюнкт, Варшавский университет, Институт философии, 00-927, Польша, г. Варшава, Краковское предместье, д. 26/28.

© Перевод – Язневич В.И., 2024

Виктор Иосифович Язневич – кандидат технических наук, Белорусский государственный университет, Факультет прикладной математики, 220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, д. 4.

SCIENTIFIC ARTICLE

P. Okolowski
University of Warsaw,
Institute of Philosophy,
Warsaw, Poland
E-mail: pawel-okolowski@o2.pl

Elzenberg, Wolniewicz and Lem**

Abstract: the article provides basic information about the biographies and philosophical legacy of some of the greatest Polish philosophers of the 20th and early 21st centuries. Wolniewicz was a student of Elzenberg and declared repeatedly that he regarded Lem as one of the greatest philosophers of our time, while Lem kept on his philosophical bookshelves at home Wolniewicz's monograph Things and Facts (1968) and Wittgenstein's Tractatus Logico-Philosophicus in Wolniewicz's translation (1970).

Key words: polish philosophers; Elzenberg; Wolniewicz; Lem.

Citation: Okolowski, P. (2024), Elzenberg, Wolniewicz and Lem, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 20–24, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-20-24>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Okolowski P., 2024

Okolowski Pawel – Dr. Hab., adjunct, University of Warsaw, Institute of Philosophy, 26/28, Krakowskie Przedmiescie, Warsaw, 00-927, Poland.

© Translation – Yazneovich V.I., 2024

Victor I. Yazneovich – candidate of technical sciences, Belarusian State University, Faculty of Applied Mathematics, 4, Nezavisimosti Ave., Minsk, 20030, Republic of Belarus.

* Оригинальная статья P. Okolowski "Elzenberg, Wolniewicz i Lem" опубликована на польском языке на сайте <https://katedra.wolniewicz.org/2024/06/16/pawel-okolowski-elzenberg-wolniewicz-i-lem/>. Перевод сделан с согласия автора с целью расширения читательской аудитории.

** The original article by P. Okolowski "Elzenberg, Wolniewicz i Lem" is published in Polish at <https://katedra.wolniewicz.org/2024/06/16/pawel-okolowski-elzenberg-wolniewicz-i-lem/>. The translation is produced with the author's consent and with the purpose of expanding the readership.

ARTYKUŁ NAUKOWY

P. Okołowski
Uniwersytet Warszawski,
Instytut Filozofii,
Warszawa, Polska
E-mail: pawel-okolowski@o2.pl

Elzenberg, Wolniewicz i Lem***

Adnotacja: w artykule przedstawiono podstawowe dane dotyczące biografii i dziedzictwa filozoficznego niektórych z największych polskich filozofów XX i początku XXI wieku. Wolniewicz był uczniem Elzenberga i wielokrotnie powtarzał, że uważa Lema za jednego z największych filozofów naszych czasów. Lem trzymał na swoich półkach z dziełami filozoficznymi monografię Wolniewicza „Rzeczy i fakty” (1968) i jego tłumaczenie (1970) „Traktatu logiczno-filozoficznego” Wittgensteina.

Słowa kluczowe: filozofowie polscy; Elzenberg; Wolniewicz; Lem.

Cytat: Okołowski, P. (2024), Elzenberg, Wolniewicz i Lem, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 20–24, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-20-24>.

Informacja o konflikcie interesów: autor nie deklaruje konfliktu interesów.

© Okołowski P., 2024

Paweł Okołowski – doktor hab. filozofii, adiunkt, Uniwersytet Warszawski, Instytut Filozofii, 26/28, Krakowskie Przedmieście, Warszawa, 00-927, Polsk.

© Tłumaczenie – Jaźniewicz W.I., 2024

Wiktor I. Jaźniewicz – Kandydat nauk technicznych, Białoruski Uniwersytet Państwowy, Wydział Matematyki Stosowanej, 4, Aleja Niepodległości, Mińsk, 220030, Republika Białorusi.

Введение

Статью о Людвике Флеке Станислав Лем завершил словами: «До сих пор мы ощущаем в Польше нехватку таких имён и таких авторитетов, которые имели бы серьёзное мировое значение» (Lem 1996). Это не значит, что в отличие от других народов у поляков недостаточно выдающихся людей. Но чтобы наступила желаемая «достаточность», помимо существования в нации гениев, их «идеи должны циркулировать в обществе» (Флек) и постепенно проникать в другие нации. В наше время в мире циркулируют идеи, провозглашаемые кумирами и реализуемые правительствами и финансистами – не гениальные, а лишь политически и коммерчески полезные. Господствует плоский натурализм, особенно культ науки и постмодернизма.

1

Эльзенберг, Вольневич и Лем – эти три фамилии польская философия смело может предложить миру, поскольку они – обратимся к альпинистской терминологии – настоящие восьмитысячники. Правда, польское философское величие возникло, несомненно, благодаря Львовско-Варшавской школе, но это было сто лет назад. Тогда, когда Варшава была «Меккой логиков». В 2001 году не особо привечающие нас русские издали «Всемирную энциклопедию: Философия» [(Всемирная энциклопедия: Философия 2001), это переиздание

вышедшей ранее книги (Новейший философский словарь 1999). – *Здесь и далее в квадратных скобках примечания переводчика.*] со статьями об Айдукевиче, Котарбинском, Лесневском, Лукасевиче и Тарском (кроме них, среди сотен других, оказались ещё только Бохеньский, Ингарден и Лем). У них не было выбора – масштаб этих пяти фигур невозможно скрыть. (Татаркевич, из той же школы, является, пожалуй, величайшим историком философии XX века, но у него не было собственных идей, сравнимых с идеями Котарбинского). Однако после Второй мировой войны поляки покинули мировую философскую арену. И так остаётся по сей день. На смену им пришли англосаксонские сциентисты и франко-немецкие герменевтики, а за последние полвека произошло слияние или мутация того и другого – широкая волна левацкого эмпириофидеизма от Докинза, Деннета и [Питера] Сингера до Дерриды и [Зигмунта] Баумана. Светский гуманизм, т. е. натуралистический культ науки и индивидуальной жизни («вера в человека»), господствовал во всей западной культуре, а не только в философии. (Философы Львовско-Варшавской школы все-таки были благородными либералами, руководствующимися общественным благом, а не гедонизмом.) Эта гегемония натурализма навсегда закреплена в успехах технологии и через них в тотальных притязаниях капитала и государства. Эльзенберг, Вольневич

*** Oryginalny artykuł P. Okołowskiego „Elzenberg, Wolniewicz i Lem” został opublikowany w języku polskim na stronie <https://katedra.wolniewicz.org/2024/06/16/pawel-okolowski-elzenberg-wolniewicz-i-lem/>. Tłumaczenie zostało wykonane za zgodą autora w celu poszerzenia grona czytelników.

и Лем свободны от этого ига, а над испарениями философского мусора возносятся в небо, как Эверест, К2 и Канченджанга над уровнем моря. Не только они, конечно, но они без сомнения.

2

По своей природе философия как совокупность позиций внутренне разнообразна и даже неизбежно противоречива. Ведь невозможно отдать предпочтение ни Демокриту, ни Платону, ни Фреге, ни Ницше. Определяемые этими фигурами оппозиции вечны. Первой разделительной линией внутри любой философии является отношение к метафизике – и оно делит её на натурализм и антинатурализм. Вторая линия – отношение к логике, разделяющее философию на рационализм и иррационализм. Вероятно, склонности к этим позициям в людях врождённые и будут проявляться всегда. Что ж, на протяжении двух с половиной тысяч лет в нашей цивилизации доминировала философия антинатуралистического рационализма, представленная величайшими: Платоном, Аристотелем, святым Августином, Декартом, Лейбницем и Кантом. Во времена романтизма на смену пришёл иррационализм, а в XX веке, наоборот, натуралистический рационализм (сциентизм и марксизм), которому противостоял иррационалистический антинатурализм (Гуссерль, Хайдеггер и Тейяр де Шарден). При традиционном (несциентистском) рационализме, но в современном стиле, из знаменитостей остался – можно сказать – только один Витгенштейн (из «Логико-философского трактата»). Но наши Эльзенберг, Вольневич и Лем придерживаются того же! Это платоники – совершенно уникальные для нового времени. Их также можно назвать *аналитическими экзистенциалистами*, чтобы подчеркнуть их особенность. (Формально или номинально Лем был натуралистом, но его склонность к метафизике не подлежит сомнению.)

3

Хенрик Эльзенберг (*Henryk Józef Maria Elzenberg*, 1887–1967) получил хорошее образование в Швейцарии и Франции (Польша тогда была разделена между Россией, Пруссией и Австрией). Он был студентом Бергсона и Рауха в Сорбонне и получил там докторскую степень в 1909 году. Потом он боролся за независимость Польши, а затем участвовал в войне с большевиками. Сразу после Рассела он усвоил непостижимую философию Лейбница (полонизировал «Монадологию») и прошёл хабилизацию [Хабилизация (от латинского *habilis* – способный, пригодный) – в некоторых странах (и в Польше) процедура получения высшей академической квалификации (хабилизированного доктора, в основном соответствующего доктору наук в России), которая даёт право на занятие профессорской должности в университете.] по философии Марка Аврелия

(в Ягеллонском университете, 1921). Прежде чем получить в 1936 году профессорскую должность в Виленском университете имени Стефана Батория (Эльзенберг был выдающимся специалистом по французской литературе, преподавал также французский, греческий и латынь), он сформулировал собственную философскую систему, ограничивавшуюся, впрочем, аксиологией. По его теории ценности представляют собой конкретные сущности, существующие объективно и абсолютно (долг распространяется на каждого). Правда, можно выделить их две разновидности, а именно: ценности утилитарные (они относительны) и ценности идеальные, но особенностью человека, возвышающей его над природой (в плюс, но и в минус), является лишь доступ к последним. Лишь они придают жизни смысл. Утилитарные ценности являются лишь необходимыми условиями биологической жизни, хотя они могут быть удовлетворены на разных уровнях (гедонизм). Человечность, в отличие от человекообразности, по Эльзенбергу, состоит в реализации идеальных ценностей. В мировой литературе нет столь глубокой, тонкой и ясной аксиологии (Эльзенберг опередил, например, деонтическую логику фон Райта). В антропологии, будучи пессимистом и апологетом религии как таковой, он оставался «гностиком» – подобно Гоббсу, Хайдеггеру или Бердяеву: человек при таком подходе, независимо от интеллекта, иногда оказывается «свиньей, но не дьяволом».

После 1945 года Эльзенберг был профессором Университета Николая Коперника в Торуне; в сталинские времена был уволен, но затем восстановлен в должности. Всего он опубликовал шесть книг и 130 статей, но почти половина его наследия сохранилась только в рукописях. Его «Проблемы с существованием. Афоризмы в порядке времени» [(Elzenberg 1963) В соответствии с названием книги приведём один афоризм автора: «Ничто так не отравляет воздух, как разлагающаяся дружба».] относятся к канону польской литературы XX века, а возможно и литературы XX века в целом (в 2004 году книга была опубликована на немецком языке Карлом Дедечиусом – под названием «Печаль с существованием» (Elzenberg 2004). Хотя Эльзенберг в целом идеологически чужд своим современникам, он загадочным образом чрезвычайно привлекателен для них – библиография его произведений и о нём Яна и Евы Зубелевичей насчитывает 280 страниц (Zubelewicz 2012).

4

Богуслав Вольневич (*Bogusław Wacław Wolniewicz*, 1927–2017) – ученик Эльзенберга, родился в Торуне – городе Коперника. В 1949 году, во время учёбы, он познакомился с «Трактатом» Витгенштейна, который наложил свой отпечаток на его

мышление. Но можно сказать: Вольневич обязан Витгенштейну не меньше, чем Витгенштейн ему. Именно Вольневич построил из положений «Трактата» подлинно логическую систему, названную *онтологией ситуации*, и дал ей метафизическую платоновскую интерпретацию (его работа для хабилитации: «Вещи и факты» [(Wolniewicz 1968) Эту книгу Вольневича вместе с его переводом на польский «Логико-философского трактата» Витгенштейна (книга издана в 1970 году и многократно переиздавалась) Лем держал на книжных полках, подписанных «Философия»]). Без Вольневича ранг Витгенштейна в философии не был бы таким высок им. (В отличие от Эльзенберга и Лема, Вольневич творил ещё и в области формальной логики.) Используя в качестве инструмента онтологию ситуации, он обратился к важнейшим вопросам: философии человека и ценностей. Он расширил аксиологию Эльзенберга, особенно концепцией антиценностей, добавив к ней содержательный раздел – фундаментальную критику норм современной цивилизации. (Параллельно Лему он подвергал сомнению *биолатрический пенталог* (Околовский 2020, с. 90–95) светского гуманизма, выступая – умеренно – за смертную казнь и эвтаназию, а также против аборт, трансплантации органов и вторжения в человеческие тела с помощью биотехнологий.) В философской антропологии Вольневич возродил (фактически мёртвое на протяжении веков) *манихейство* прямо от св. Августина, св. Ансельма, Эдвардса и Шопенгауэра. Он утверждал, что среди людей есть существа дьявольские от рождения – без совести, т. е. без ограничения зла. Он также был в целом бескомпромиссным сторонником генетического детерминизма, хотя принимал лишь вероятностный детерминизм (миром правят судьба и случай).

Вольневич был горячим польским патриотом (что сегодня редкость среди профессоров), защитником Церкви и цивилизации Запада. И единственный, пожалуй, из выдающихся философов (наряду, возможно, с Расселом эпохи радио и газет), ставший звездой Интернета [<https://www.youtube.com/@gosracjonalny8939> – цикл из более 100 лекций Вольневича в рамках проекта «Глас рациональный» („Głos Racjonalny”), записанных в 2013–2017 гг.].

5

Станислав Лем (*Stanisław Herman Lem*, 1921–2006), как и Эльзенберг, происходил из семьи ассимилированных евреев (его двоюродный брат, поэт Хемар, даже был католиком и солдатом Армии Крайовой). Они добровольно и искренне приняли польскость, и вклад Лема в польскую культуру невозможно переоценить (он самый известный польский писатель всех времён и, вероятно, даже – наряду с Иоанном Павлом II – самый известный

поляк). Лем не был академическим философом, хотя имел основательное и всестороннее образование. По этим причинам (а также по личностным) его разнородную и достаточно сложную философию трудно классифицировать. Сам он таких попыток не предпринимал, говоря лишь об общей близости к сциентизму – от которого он во многом дистанцировался, отвергая, например, идею прогресса, и признавая другое – первородный грех, или уважение к религии, особенно к римско-католической. Единственное, что у него было общего со Львовско-Варшавской школой, – это рационализм и принадлежность к широко понимаемой аналитической философии. Всеобъемлющую и детальную системную мысль Лема можно охарактеризовать как неолукрецианство. (Когда Лем узнал об этом определении его философии в 2003 (Okołowski 2003) и 2005 (Okołowski 2005) годах [Краткий конспект основных философских идей Лема из этой статьи Околовского см. в статье (Язневич 2018).], он не протестовал и был даже рад [О двух указанных выше публикациях Лем соответственно писал: «Околовский называет меня рационалистическим натуралистом с метафизическими продолжениями. Разные хорошие вещи написал этот автор и по вопросу моего положения на небосводе современной философии. Однако мне кажется, что с таким высоким местом он немного перебрал» (в 2004 г.) и «Мне как философу поют дифирамбы» (в 2006 г.)]). Дискурсивные труды Лема в сотне пунктов поразительно напоминают «De rerum natura» Лукреция. И тезис о том, что космос управляется необходимостью и случаем, символичен для Лема, так же, как и для самого глубокого в истории материализма – эпикурейского. И как всякий натурализм, система Лема содержит многочисленные «естественные» противоречия (поэтому Лем отказался от стремления к системе; впрочем, безуспешно). И первое из них – аксиологический абсолютизм, настаивание на автономных ценностях – за пределами естественного обоснования. Лем первым предостерег от вторжения технологий в организм человека (в 1969 году (Лем 2020)). В то же время он защищал западную цивилизацию, которая до сих пор олицетворяла максимизацию автономных, то есть совершенных, ценностей. Он также подошёл ближе всех в истории к созданию общей теории разума, но безуспешно. Однако он эффективно представил антропологическое манихейство (как, вместе с Вольневичем, только два других писателя XX века: Милош и Шаламов), обнаружив августинское предопределение в генах.

6

В 1959 году Эльзенберг писал: «Сегодняшняя ситуация в философии такова: можно либо плохо думать о важных вещах, либо думать хорошо и

строго о безразличных». Все трое это отрицали, размышляя очень ясно и системно о чрезвычайно важных вопросах. Сочинения Эльзенберга, Вольневича и Лема – литература высочайшего порядка, уважающая также и логику. Их мысль – тихизм – философия судьбы; может быть, и мрачно, но она даёт достоверные знания о том, каков на самом деле мир, а не о том, каковы наши представления и мечты о нём. Все трое, кроме своих теоретических работ, прославились ещё и своей великой практической философией – они были тремя *homo ethicus*. Они были трезвы в своих мыслях и смелы в своих взглядах и жизни. Их консерватизм, можно сказать, образцовый. Более того, Вольневич и Лем поддерживали христианство (в его традиционном, августинианском варианте). Глядя на Украину и Израиль, а ещё дальше на Китай, можно предположить, что наступают трудные времена. И мысль Эльзенберга, Вольневича и Лема соответствует таким временам, как некогда была таковой мысль Аристотеля и св. Августина.

Библиографический список

- Elzenberg, H. (1963), *Kłopot z istnieniem: aforyzmy w porządku czasu*, Wydawnictwo Znak, Kraków, Polska.
- Elzenberg, H. (2004), *Kummer mit dem Sein: Tagebuch eines Philosophen: Aphorismen und Gedanken aus den Jahren 1907 bis 1963*, Suhrkamp, Frankfurt am Main, Germany.
- Lem, S. (1996), *Maszynka do mięsa*, *Tygodnik Powszechny*, Kraków, no. 48, pp. 6.
- Okołowski, P. (2003), Stanisław Lem, *Edukacja Filozoficzna (Warszawa)*, no. 36, pp. 103–128.
- Okołowski, P. (2005), Stanisław Lem, *Polska filozofia powojenna*, vol. 3, pp. 179–204, Agencja Wydawnicza Witmark, Warszawa, Polska.
- Wolniewicz, B. (1968), *Rzeczy i fakty: wstęp do pierwszej filozofii Wittgensteina*, PWN, Warszawa, Polska.
- Zubelewicz, J. i Jasińska-Zubelewicz, E. (2012), *Bibliografia Henryka Józefa Marii Elzenberga*, Heliodor, Warszawa, Polska.
- Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Москва: АСТ, Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. 1312 с.
- Лем С. Видение философа на льдине // Пятые Лемовские чтения. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020, С. 451–454.
- Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1999. 896 с.
- Околовский П. Технология и аксиология: биолатрический пенталог по Станиславу Лему // Пятые Лемовские чтения. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. С. 90–95.
- Язневич В. Философ будущего Станислав Лем // Четвёртые Лемовские чтения. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018, С. 232–235.
- Elzenberg, H. (1963), *Kłopot z istnieniem: aforyzmy w porządku czasu*, Wydawnictwo Znak, Kraków, Polska.
- Elzenberg, H. (2004), *Kummer mit dem Sein: Tagebuch eines Philosophen: Aphorismen und Gedanken aus den Jahren 1907 bis 1963*, Suhrkamp, Frankfurt am Main, Germany.
- Lem, S. (1996), *Maszynka do mięsa*, *Tygodnik Powszechny*, Kraków, no. 48, pp. 6.
- Okołowski, P. (2003), Stanisław Lem, *Edukacja Filozoficzna (Warszawa)*, no. 36, pp. 103–128.
- Okołowski, P. (2005), Stanisław Lem, *Polska filozofia powojenna*, vol. 3, pp. 179–204, Agencja Wydawnicza Witmark, Warszawa, Polska.
- Wolniewicz, B. (1968), *Rzeczy i fakty: wstęp do pierwszej filozofii Wittgensteina*, PWN, Warszawa, Polska.
- Zubelewicz, J. i Jasińska-Zubelewicz, E. (2012), *Bibliografia Henryka Józefa Marii Elzenberga*, Heliodor, Warszawa, Polska.
- World Encyclopedia: Philosophy* (2001), AST, Moscow, Russia, Harvest, Sovremennyy Literator, Minsk, Belarus, 1312 p.
- Lem, S. (2020), *The Vision of a Philosopher on an Ice Floe, The Fifth Lem Readings*, Samara Humanitarian Academy, Samara, Russia, pp. 451–454.
- The Newest Philosophical Dictionary* (1999), Publishing house V.M. Skakun, Minsk, Belarus.
- Okolovsky, P. (2020), *Technology and axiology: biolatric pentologue according to Stanislaw Lem, Fifth Lem Readings*, Samara Humanitarian Academy, Samara, Russia, pp. 90–95.
- Yaznevich, V. (2018), *Philosopher of the Future Stanislaw Lem, Fourth Lem Readings*, Samara Humanitarian Academy, Samara, Russia, pp. 232–235.

Submitted: 09.10.2024

Revised: 22.11.2024

Accepted: 13.12.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 1(430)(092)+141.3

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-4-25-34

Дата поступления: 05.10.2024
рецензирования: 28.11.2024
принятия: 13.12.2024

А.В. Михайловский

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Школа философии и культурологии,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: amichailowski@hse.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9687-114X>

«Сознание машин» (1957, 1963) Готтхарда Гюнтера и новая технократическая парадигма в Германии

Аннотация: статья знакомит с главным философским произведением немецко-американского философа и кибернетика Готтхарда Гюнтера (1900–1984) «Сознание машин» и рассматривает его второе издание как переходный момент в дискуссиях о технике в Германии. В статье излагается философия техники Гюнтера, которая основана на концепции трансклассической кибернетики и отражает актуальность технократической повестки в общественной мысли США и СССР в 1950-е годы и – с отставанием на одно десятилетие – в Западной Европе и, в частности, в Федеративной Республике Германия в 1960-е годы. Взгляд на технику у Гюнтера отличается от послевоенных технопессимистических оценок немецких философов и социологов тем, что пытается преодолеть классические дихотомии духа и природы, субъекта и объекта, сознания и материи. Гюнтер также выходит за рамки очень влиятельной в тот период геленовской интерпретации техники как следствия компенсации дефектов человеческого существа. Техника у Гюнтера получает совершенно новую функцию, становится «другой техникой». Это уже не инструмент овладения природой, не компенсация недостатков, не посредник между человеком и природой, ограниченный возможностями инженерной науки, а общая теория всех систем, физических и духовных, «зеркало» инаковости и многообразия людей, их автономии и суверенитета.

Ключевые слова: Готтхард Гюнтер; философия техники; многозначная логика; трансклассическая кибернетика; трансклассическая машина; постистория.

Цитирование: Михайловский А.В. «Сознание машин» (1957, 1963) Готтхарда Гюнтера и новая технократическая парадигма в Германии // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 25–34. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-25-34>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Михайловский А.В., 2024

Александр Владиславович Михайловский – доктор философских наук, доцент, старший научный сотрудник Школы философии и культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 105066, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ст. Басманная, д. 21/4.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.V. Mikhailovsky

National Research University Higher School of
Economics, School of Philosophy and
Cultural Studies,
Moscow, Russian Federation
E-mail: amichailowski@hse.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9687-114X>

"Consciousness of machines" (1957, 1963) by Gotthard Günther and the new technocratic paradigm in Germany

Abstract: this article introduces the main philosophical work of the German-American philosopher and cyberneticist Gotthard Günther (1900–1984), The Consciousness of Machines, and considers its second edition as a transitional moment in the debate on technology in Germany. The article presents Günther's philosophy of technology, which is based on the concept of transclassical cybernetics and reflects the relevance of the technocratic agenda in the USA and the USSR in the 1950s and, with a lag of one decade, in Western Europe and, in particular, in the Federal Republic of Germany in the 1960s. Günther's view of technology differs from

the post-war techno-pessimistic views of German philosophers and sociologists in that it attempts to overcome the classical dichotomies of spirit and nature, subject and object, consciousness and matter. Günther also goes beyond A. Gehlen's interpretation of technology as a consequence of the compensation for the defects of the human being. According to Günther, technology acquires a completely new function, becoming "another technology". It is no longer a compensation for organic shortcomings, its purpose is no longer a mastery of nature or even an intermediary between man and nature, limited by the possibilities of engineering science, but a general theory of all systems, physical and spiritual, a "mirror" of the otherness and diversity of people, their autonomy and sovereignty.

Key words: Gotthard Günther; philosophy of technology; polysemantic logic; transclassical cybernetics; transclassical machine; posthistoire.

Citation: Mikhailovsky, A. V. (2024), "Consciousness of machines" (1957, 1963) by Gotthard Günther and the new technocratic paradigm in Germany, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 25–34, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-25-34>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Mikhailovsky A.V., 2024

Aleksandr V. Mikhailovsky – doctor of philosophical sciences, associate professor, senior researcher at the School of Philosophy and Cultural Studies, HSE University, National Research University Higher School of Economics, 21/4, Old Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Введение

Общий контекст немецких дискуссий о технике и интеллектуальные поколения

Готтхарда Гюнтера относят ко второму поколению Лейпцигской школы и второму поколению кибернетики. Две совершенно разные интеллектуальные генеалогии, которые уникальным образом сходятся в творчестве этого немецко-американского мыслителя. Гюнтер принадлежит к тому же интеллектуальному поколению, что и А. Гелен (р. 1904), Г. Андерс (р. 1902), Т. Адорно (р. 1903). Они были всего лишь на несколько лет моложе Э. Юнгера (р. 1895) и Ф.Г. Юнгера (р. 1898), которые могут служить яркими представителями так называемого «фронтального поколения», и значительно моложе тех, кто, как К. Шмитт, Х. Фрайер и М. Хайдеггер, родился около «года трех кайзеров» и духовно формировался в атмосфере утонченного распада *fin de siècle*, критиковал позитивизм и вливался в контркультурные молодежные движения. Интеллектуальное становление поколения Гюнтера пришлось на «ревушие двадцатые»; его представители, в общем и целом, довольно позитивно восприняли технооптимистическую повестку Веймарской республики и попытки авторитетных интеллектуалов прописать фигуру техника-инженера среди «жизненных форм» (термин Шпрангера) современного общества. В частности, Гюнтер был знаком с проектом «философии истории техники» Х. Фрайера, в перспективе которого одинаково неуместными оказывались как претензии на управление техникой *qua* нейтральным средством, так и «демонизация» техники, превращающая ее в самостоятельную и независимую от человеческого субъекта силу. Однако на раннем этапе своего творчества Гюнтер скорее держался в стороне от этих дискуссий. Он защитил свою промоционную работу о науке логики Гегеля под руководством берлинского профессора Эдуарда

Шпрангера в 1933 году. В 1935 году устроился на работу ассистентом у Арнольда Гелена в университете Лейпцига и в 1937 году в соавторстве со своим более молодым другом Хельмутом Шельски выпустил книгу «Христианская метафизика и судьба современного сознания».

В 1940 году он эмигрировал в США, где сначала занимался исследованиями в Гарвардском университете в Кембридже, а затем, с 1961 по 1972 год, работал в знаменитой Биологической компьютерной лаборатории (BCL) Университета Иллинойса – исследовательском институте, основанном профессором электротехники и одним из основоположников кибернетики Хайнцем фон Фёрстером. Первые публикации Гюнтера на логико-метафизические темы начали выходить в 1950-е годы, а в 1957 году – на пике первого воодушевления от кибернетики на Западе – увидела свет его ключевая работа «Сознание машин. Метафизика кибернетики» (Günther 1957, 1963) (Второе издание было расширено за счет приложений «Homunculus und Roboter» и «Die "Zweite" Maschine»). Третье издание под редакцией Иохима Пауля и Эберхарда фон Гольдаммера было опубликовано Agis-Verlag по случаю 100-летия со дня рождения Готтхарда Гюнтера. В 2021 году издательство Vittorio Klostermann опубликовало четвертое издание этой книги, также основывающееся на втором издании; послесловие к книге написал Петер Травни. В дальнейшем мы будем цитировать второе издание «Сознания машин»). В обширном философском наследии Готтхарда Гюнтера важное место занимает разработанный им проект неаристотелевской логики, который получил название трансклассической логики. После войны Гюнтер по инициативе Х. Шельски и К.Ф. фон Вайцтеккера часто приезжал в Германию, выступал с докладами. В 1960-е годы вместе с другим философом техники Максом Бензе начал издавать

междисциплинарный журнал «Grundlagenstudien aus Kybernetik und Geisteswissenschaft». В конце жизни читал лекции в Университете Гамбурга в статусе приглашенного профессора.

Еще в 1948 году началась его дружба с писателем и редактором Джоном Кэмпбеллом-младшим, продлившаяся двадцать лет. Научная фантастика (SF) переживала свой золотой век. Готтхард Гюнтер знакомится с разными авторами этого литературного жанра. В то время в Нью-Йорке регулярно собирались писатели, инженеры и ученые, обменивались идеями о проблемах и перспективах научной фантастики. Гюнтер берет на себя миссию проводника «возвышенной» американской SF в Германии и уже в 1952 году запускает серию «Книги о космосе» в издательстве Karl-Rauch-Verlag в Дюссельдорфе. В этой серии под его редакцией вышел перевод сборника научно-фантастических рассказов Айзека Азимова «Я, робот», к которому он написал программное послесловие под названием «Вторая машина».

В 1960 году произошла еще одна судьбоносная для Гюнтера встреча: он познакомился с нейрофизиологом и кибернетиком Уорреном Стерджисом Маккалоком. Именно Маккалок пригласил его читать лекции в Технологическом институте в Чикаго и на той самой кафедре электротехники Иллинойского университета в Урбане. Это событие можно считать стартом его академической карьеры в США.

В соответствии со стоящей перед нами общей задачей – обрисовать вклад Гюнтера в послевоенную дискуссию о технике в Германии – на первый план все же выходит его «немецкая генеалогия». Эта дискуссия проходила под знаком осмысления места и роли современной техники в жизненном мире позднего индустриального общества. Хороший очерк интеллектуальных дискуссий в Германии в первые полтора десятилетия после Второй мировой войны можно найти в монографии Р. Сафрански, посвященной Мартину Хайдеггеру и его эпохе. Среди прочего автор отмечает: «В пятидесятых и начале шестидесятых годов сформировался “дискурс катастрофы”, мирно сосуществовавший с лихорадкой созидательного труда, удовлетворением от уже достигнутого благосостояния, оптимизмом в малых делах и на коротких дистанциях. Голоса критиков культуры вносили мрачный диссонанс в бодрую деловитость процветавшей Федеративной Республики» (Сафрански 2002, с. 537).

Приведем некоторые подтверждения этого тезиса. Фридрих Георг Юнгер в «Совершенстве техники» (1946) бил в набат, видя исходящую от машинной техники угрозу богатству и многообразию природы; социолог Альфред Вебер описывал мир, в котором человек становится «роботом в бюрократически-автократической машине тер-

рора», философ Гюнтер Андерс вывел «градиент Прометея», отражающий неспособность человека в долгосрочной перспективе понять и осознать последствий своих технических действий, а авторы «критической теории» Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер («Диалектика Просвещения» – несомненно, важнейшая веха в культуркритике левого спектра) допускали, что господство над внешней природой может перерасти в господство техники над самостью индивида («культуриндустрия»). Очередной виток модернизации в очередной раз вызвал рефлексию о возможностях, вызовах и опасностях техники. Свежие воспоминания о Второй мировой войне, высокий риск ядерной угрозы и одновременно происходящий всплеск гедонизма, сопровождавший экспансию общества потребления, запустили волну размышлений о «вторичных системах» (Х. Фрайер) или «непрозрачной суперструктуре» (А. Гелен) индустриального общества, что совпало с началом «экономического чуда» в молодой Федеративной Республике.

Как видим, в формировании технопессимистической по своей окраске рефлексивной парадигмы принимали участие представители нескольких интеллектуальных поколений с разными идеологическими предпочтениями. Эта парадигма – совокупность социокультурных установок, в которых сдimentировался коллективный герменевтический опыт, – определяла мировоззренческую стратегию в отношении технологической модернизации в поколениях Хайдеггера и Юнгера, захватывая даже поколение Гюнтера, Гелена и Адорно. Здесь для нашей задачи важно зафиксировать, что наиболее громкие голоса в этой дискуссии принадлежали представителям именно консервативной культуркритики. В основе картины мира, проникнутой скептическими в отношении техники и даже апокалиптическими мотивами, лежали теории, по-разному обосновывавшие идею *несоизмерности человека и техники*. Это не в последнюю очередь касается работ философов и социальных теоретиков, выросших из так называемой Лейпцигской школы социологии культуры, основанной социологом Хансом Фрайером в 1920-е годы. Сам Фрайер продолжал публикационную активность в 1950–60-е годы. В своей работе «Теория современной эпохи» (Freyer 1955) он анализировал принудительность и безальтернативную объективность систем индустриального общества. Ученик Фрайера, философский антрополог А. Гелен, рассматривал в 1950-е годы социально-психологические проблемы индустриального общества, поднимал тему антропологической обусловленности техники человеческой структурой поведения, раскрывая специфическую связь техники с «отношением человека к Земле» (Gehlen 1957).

В 1957 году выходит и первое издание книги Гюнтера «Сознание машин», где он также пред-

лагает философское обоснование техники, отталкиваясь, в частности, от философско-антропологического взгляда на машину как проекцию (или рефлексию-отражение) органического бытия. Вместе с тем Гюнтер примечательным образом уже не разделяет консервативного техноскептицизма, а наоборот, обращается к ранней технократической концепции техники Фрайера как производимой и трансформируемой человеком объективации культуры. Эта тенденция в его творчестве усиливается ко второму изданию книги 1963 года, которое становится заметным событием в немецком интеллектуальном ландшафте и, по нашему мнению, знаменует окончательное прощание с культуркритическим дискурсом и переход к технократической парадигме. Еще один представитель второго поколения Лейпцигской школы, в прошлом соавтор Гюнтера Хельмут Шельски в 1961 году представил знаменитый доклад «Человек в научной цивилизации», который послужил триггером для «дискуссии о технократии», длившейся до 1970-х годов (Тексты дискуссии о технократии: (Koch и Senghaas 1970; Lenk 1973). Речь, конечно же, не идет о том, чтобы сводить все написанное в период 1960 – 1970-х годов к апологии технократии: это не соответствует действительности и было бы достаточно наивно. Речь идет скорее о доминировании в интеллектуальной повестке вопросов технического господства в самом широком смысле, взаимодействия кибернетики и гуманитарного знания и т.д. Так, Гюнтер Рополь, автор вышедшей в 1979 году книги «Системная теория техники» считает, что дискуссия о технократии маркирует конец технологического детерминизма и начало нормативного поворота в технологиях на 180 градусов). Новый принцип отношения человека к миру – это «промышленная реальность», динамизм обуславливающего самое себя производства как внутренний закон научной цивилизации (Schelsky 1961). Среди прочего автор говорил о возможности преодоления дуализма субъекта и объекта и открывающихся благодаря ему теоретических перспективах.

Из этого беглого обзора можно сделать два предварительных вывода. Во-первых, связь Гюнтера и Шельски с Фрайером и Лейпцигской школой проявилась в чрезвычайно плодотворном подходе к технике как части «живой системы». Техника – не чуждая автоматика, ибо ее самоорганизация соответствует самоорганизации в науке и обществе. Во-вторых, в своем творческом развитии Гюнтер в большей степени вписывается в интеллектуальную динамику следующего, более молодого поколения Шельски и фон Вайцзеккера (оба родились в 1912 году), которые во многом задавали тренды в дискуссии о социокультурной и политической роли науки и техники в Федеративной Республике до возвращения культуркри-

тизма в форме теорий компенсаторного модерна, общества риска и т.д. в начале 1980-х годов.

Трансклассическая техника

Трансклассической логике, «органом» которой пользуется философия техники Гюнтера, посвящен подавляющий объем, впрочем, небольшой вторичной литературы. Исследователей также интересует его теория поликонтекстуальности (Polikontextualität), возникшая уже в 1960-е годы. Многогранный талант Гюнтера оставил след и в социальной теории: так, его критика бинарных оппозиций классической метафизики, онтологическое обоснование многозначной логики, кибернетическое понимание (не только и не столько человеческой) субъективности как факта эмпирического мира – все это имело большое значение для теории социальных систем Н. Лумана (Связка «Гюнтер–Луман» рассматривается в единственной русскоязычной публикации, которая является переводом с немецкого языка: (Вагнер 1999). О значении принципа поликонтекстуальности для системно-коммуникативной теории (Антоновский и Бараш 2023, с. 257–277)).

Вместе с тем мало кому из исследователей удастся выделить у Гюнтера дискурс о технике в чистом виде: на немецком языке представлены лишь две коллективные монографии, обсуждающие вопрос о технике/технической цивилизации в связи с проблемами трансклассической логики (Kotzmann 1994; Klagenfurt 2016). В 1990–2000-е годы в Университете Клагенфурта действовал Центр Готтхарда Гюнтера (Gotthard-Günther-Arbeitsstelle): его сотрудники издали архивную рукопись «Американский апокалипсис» (Günther 2000) (Теме завершения мировой истории, связанного с экспансионистским стремлением американского прагматического духа распространиться на всю планету, посвящена переведенная на русский язык статья: (Вербер 2014)), а также написали «Введение в философию техники Готтхарда Гюнтера». Эти и другие публикации выходили под коллективным псевдонимом «Курт Клагенфурт» и принадлежат группе ученых вокруг социолога науки Арно Бамме, который среди прочего известен как исследователь немецкой технократии 1920–30-х годов и публикатор работ из наследия философа и инженера Хайнриха Харденсетта.

«Сознание машин» – это не только название труда Гюнтера, но и одновременно «диагноз эпохи» и «предчувствие нового образа мира и человека, который полностью воплотится в жизнь лишь в будущем» (Kronthaler 2013, p. 416). Взгляд на технику у Гюнтера отличается от технопессимистических оценок Хайдеггера и Гелена тем, что видит в ней «не только инструмент, но сущностный признак человека» (Ibid.). Действительно, Гюнтер берет за разработку некой «метафизики киберне-

тики», и потому даже не скрывает своего технооптимистического пафоса. Хайдеггер в «Вопросе о технике» (1954) связывал технику с завершением философии qua метафизики, для Гюнтера же в философии благодаря технике начинается новая великая эпоха. Хайдеггер усматривал в кибернетике проклятие европейского человечества, Гюнтер же видит в ней новый шанс для европейского человечества. При этом он не является философом, обернувшимся в Америке кибернетиком, но остается настоящим философом (Признание самого Гюнтера в письме к Шельски от 8 августа 1975 года («[I]ch bin nicht der “in Amerika aktivierte Kybernetiker”, sondern ich bin Philosoph geblieben [...]» (Liggieri 2019, p. 33))).

Гюнтер осмысляет *кибернетическую машину*, создаваемую человеком «по своему образу и подобию». Он предлагает нестандартный взгляд на международную литературу по кибернетике, пытаясь задействовать американскую оптику ментального фронта для своеобразного подвешивания традиционного для континентальной философии деления на Восток и Запад, каковым идеально-типически соответствуют диалектический материализм и его антитеза. Дадим слово философу: «Интересно наблюдать, как под влиянием кибернетических теорий Запад становится более „материалистическим“, а Восток – более „идеалистическим“. Любой, кто читает сегодня публикации российских кибернетиков, удивляется той страсти, с которой диалектический материализм утверждает, что человек принципиально превосходит машину. [...] Если говорить в устаревшей сегодня терминологии, то это идеализм в чистом виде, который к тому же – правда, не всегда справедливо – обвиняет западных кибернетиков в том, что они плохие, т.е. недиалектические, материалисты. В таких спорах обнаруживает себя мышление, которое еще не определилось со своей новой ориентацией и потому упускает из виду, что вопрос о том, превосходит ли человек машину, наделенную полностью рефлексивным „сознанием“, не подлежит (и никогда не будет подлежать) решению, поскольку он неправильно сформулирован и при более внимательном рассмотрении оказывается бессмысленным» (Günther 1963, pp. 16–17). Согласно Гюнтеру, философские теории диалектического материализма и объективного идеализма находятся в диалектическом отношении друг к другу и имеют смысл только как отрицания друг друга. Также и американская и советская кибернетика – близнецы-братья, не столько потому, что возлагают на новую науку задачу решения преимущественно практических проблем, сколько из-за следования классической дихотомии материи и духа.

Глубинное родство американской кибернетики с диалектическим материализмом Советского

Союза, в частности, ленинской концепцией диалектики проистекает из фатальной неспособности классического сознания лишить субъективность супранатурального статуса, низведя ее на землю и ввергнув во внутримирные отношения (Innerweltlichkeit). Классическая европейская философия, а вслед за ней европейская наука и культура двигались в русле дуализма, разделяя мир на дух и материю, субъективное и объективное, живое и неживое, добро и зло, etc. и не признавая никакого иного деления и никакой иной – третьей – реальности. Методологический принцип «двузначности» (Zweiwertigkeit), восходящий к бинарному мифологическому мышлению, стал проклятием западноевропейской мысли, которая к середине XX века загнала себя в апокалиптическую ловушку. Переход от парадигмы физики к парадигме биологии как ведущей науки не решил проблему дуализма – и вот здесь-то Гюнтер возлагает надежды на «трансклассическую кибернетику», которой под силу выработать новую картину мира.

Трансклассическая кибернетика исходит из возможности и необходимости наделить материю мышлением, имплантировать в машину сознание. Проводником нового мировоззрения должна стать многозначная логика, ибо наивно полагать, будто классическая метафизика устранилась сама собой без устранения двузначной логики (zweiwertige Logik), этого органа рациональности, для которого не существует различия между «субъективной» и «объективной рефлексией».

Теорию «mechanical brains» нельзя считать новой разновидностью вульгарного материализма, вознамерившейся уничтожить дихотомию разума и материи посредством новых технических средств. Подобная идея была бы очередным роковым заблуждением. «[...] Кибернетическая критика, – пишет Гюнтер, – идет в прямо противоположном направлении. Акцент делается на том, что традиционное разграничение простой субъективности и антитетической объективности слишком грубо и слишком примитивно. Прежнее предположение классической метафизики о том, что действительность действительного и, в особенности, сущность человеческой экзистенции будто бы можно объяснить двумя и только двумя метафизическими компонентами реальности, а именно материальностью и духовностью, основано на заблуждении. Ведь как бы ни понимать эту первичную феноменальную оппозицию – например, как субъект и объект, как бытие и мышление, как смерть и жизнь и т. д., – всегда останется сфера феноменов, которую нельзя отнести ни по физическо-материальному, ни по субъективно-духовному ведомству» (Günther 1963, p. 21). Эту неопределимую сферу кибернетика называет словом «информация», понимая под ней собственно коммуникационный

процесс. Норберт Винер строго разграничивает информацию и материю: «Information is information, not matter or energy». В то же время нельзя причислять информацию исключительно к области духовных процессов, думая, что кибернетика заключается в постепенном поглощении всего запаса ментальных данных субъективного сознания сконструированным электронным мозгом. Дело обстоит как раз наоборот. Подобно тому, как теория информации резко дистанцируется от законов объективного мира, она проводит разграничительную линию между собой и полностью трансцендентным информацией субъектом. Теория информации всегда исходит из двух «обратимых трансценденций» – объективной трансценденции материальной вещи и «субъективной интросценденции» самосознания (Günther 1963, p. 22).

Триада «трансцендентный объект», «информация», «субъективно интросцендентное сознание» ставит под вопрос основание существующей картины мира – классическую метафизику тождества с ее онтологическим дуализмом и соответствующей ей двузначной логикой. Правда, новая картина мира пересматривает только понятие субъекта, поскольку третья сфера реальности как бы отпочковывается от субъективности, которая теперь делится на производящую информацию рефлексию и собственно внутреннюю жизнь сознания (Innerlichkeit). Применительно к объективным структурам сохраняет свою силу классическая двузначная логика. Однако классический принцип тождества (тождество мышления и бытия, совпадение субъекта и объекта в Абсолюте) в троичной кибернетической схеме превращается в три двузначных принципа тождества, имеющих относительное значение:

- а) бытийное тождество (объект–процесс рефлексии);
- б) рефлексивное тождество (процесс рефлексии–субъект);
- с) трансцендентальное тождество (объект–субъект) (Günther 1963, pp. 38–39).

Здесь можно провести различие между предметным тождеством бытия и непредметным тождеством субъекта с самим собой, а также различие между Я-субъективностью и Ты-субъективностью («Это означает, что для нашей рефлексии существуют три дифференциала тождества. Во-первых, дифференциал между вещью и Я, которое есть мое собственное. Во-вторых, дифференциал между нашим собственным Я и любым другим, которым для нас всегда является Ты. [...] Ты хотя и выступает в нашем мире вещей как объективная величина, однако дистанцируется как от предметов, так и от событий этого мира, будучи некой величиной, личностью, как и мы. Таким образом, в дополнение к двум упоминавшимся до сих пор существует третий дифференциал тождества. А именно между

Ты и объектами» (Ibid., pp. 40–41)). Так обнаруживается глубокое трансцендентальное значение кибернетики. Субъективность дана нам в нашем опыте в двух видах: в виде собственной душевной жизни и в виде чужой душевной жизни. Прозрачно для нас только наше собственное Я, а внутренняя жизнь Ты лежит «по ту сторону» нашего опыта. Конструкция механизма, производящего информацию и осуществляющего коммуникацию, позволяет рациональным образом преодолеть пропасть между Я и Ты, поскольку оба они проецируют вовне образ своей субъективности и посредством техники придают ему объективный характер. Таким образом трансклассическая логика позволяет учитывать в научной рефлексии не только сферу нерелексивного, но и релексивные процессы, а значит, прокладывает диалектический путь к самопониманию человека через общее всем не-Я, т. е. через объективное измерение реальности.

Покуда наука изучает мертвые объекты и, подобно физике, может исключать любую субъективность (Принцип неопределенности Гейзенберга не тождествен субъективности), двузначной логики достаточно. Но ежели рассматривать, подобно биологии, организмы, причем как живые субъекты, а не как нечто мертвое, то для этого требуется иная, трансклассическая или многозначная логика. Слова Паскаля о «мыслящем тростнике» приобретают здесь новый, неожиданный смысл. А значит, включение в научную рефлексию не только нерелексивных объектов, но и релексивных процессов требует иной метафизики и иной логики.

Переход от двузначной к многозначной логике несет с собой принципиальную трансформацию структуры человеческого сознания, новую метафизическую картину мира и совершенно новое представление о сущности машины и отношения к ней человека. Если мы сохраняем вертикальную аналогию человек–Бог, то робот будет аналогией человека и аналогией Бога через человека (Подобно тому, как человек остается созданным «по образу и подобию» Бога, так и робот остается созданным «по образу и подобию человека»). Это может показаться богохульством лишь с точки зрения двузначного/дуалистического мышления, тогда как трансклассическая кибернетика вводит третий момент субъективности, а именно некий «релексивный остаток», несводимый ни к Я, ни к Ты. Кибернетика особым образом обходится с «вещью-в-себе». С одной стороны, она допускает нечто не вмещающееся в рефлексию; с другой стороны, она отрицает изначально заданные свойства бытия. Направленная «внутри» воля производит образы фантазии, а воля, направленная «вовне», производит технику.

Гюнтер называет различия между «классической» и «трансклассической» техникой. Классиче-

ская техника развивается на первом уровне рефлексии; ее предмет, «природа», остается для нее объективной, независимой от мышления данностью со своими физическими законами, принципиально отличными от логики технически мыслящего человека. Эта логика служит изучению законов физических объектов с целью их дальнейшего использования. Кибернетика же не ставит перед собой цель «выведать у природы ее секреты», но хочет «научить» мышлению материю, которая не может сама себя рефлексировать. Конечно, «[...] абсурдно пытаться научить кофемолку или подобный ей механизм думать. Указанное устройство принадлежит к классической связи природы, а потому подчиняется исключительно естественным законам, а это означает, что законы сознания автоматически исключаются из его функциональной системы» (Günther 1963, p. 71). Мышление предполагает свободу, несовместимую с каузальностью природного мира. Кибернетика пытается пробиться в «субатомарный» регион, где классическое различие между бытием и мышлением, между не-Я и Я теряет свою значимость (Здесь Гюнтер ссылается на положение В. Гейзенберга: «Полностью изолированный предмет уже не имеет каких-либо свойств, которые поддаются описанию» (Ibid., p. 70)). Тем самым утрачивает свою силу и классический аргумент, по которому вещь (Ding) нельзя научить законам мышления, поскольку мышление вынуждено следовать предметной логике (Sache). В субатомарной сфере, однако, логические законы – это одновременно и законы онтологического устройства предмета. Иными словами, есть некий вид рефлексии, который может быть локализован не в Я и не в Ты, а в некоем Оно. Сознание остается фрагментарным и относительным, поскольку зависит от «рефлексивного остатка», прячущегося за шифром «субъекта».

Стало быть, на трансклассическом уровне каузальность обнаруживает пробелы, в которые можно поместить рефлексивные функции. Таким образом конечной целью техники становится представление бытия как рефлексии-в-себе. При этом механические мозги всегда будут оставаться лишь аналогией сознания, и наоборот, душа никогда не сможет раствориться в механической рефлексии. Тем не менее у сознания сохраняется непреодолимая тяга к отображению себя в наличном бытии, поскольку только так – через инаковое нерефлексивности – оно способно понять самое себя.

В Приложении IV к «Сознанию машин» Гюнтер кратко излагает историю техники и вводит понятие о «второй машине». На *первой стадии* технического развития мы наблюдаем неавтоматические инструменты или элементарные механизмы (гончарный круг, прялку и т. д.). На *второй стадии* мы имеем дело с полуавтоматическими машинами. На *третьей стадии* нас ждут полностью механизиро-

ванные рабочие агрегаты. Магистральный путь развития техники ведет, таким образом, в сторону автоматизации (не автономизации!) инструмента и затем уже к спонтанности машины. Так, рычаг нуждается в руке, которая будет на него давить. А мельничное колесо, приводимое в движение силой водного потока, уже не зависит от человеческой силы. Язык нам подсказывает: «Инструментом *владеют*, машину *эксплуатируют*» (Günther 1963, p. 182). Так, ветряная или водяная мельница – это уже полуавтоматические машины. Машины же нового типа вроде сервомеханизма или термостата нуждаются только в регулярном *обслуживании* (В немецком языке используются глаголы *beherrschen*, *bedienen* и *warten*. В первом случае мы ничтоже сумняшеся говорим «владеть». Во втором случае употребляем глагол «эксплуатировать» (хотя буквально *bedienen* означает обслуживать, мы не говорим «мельник обслуживает мельницу», но «мельник эксплуатирует мельницу»). В третьем случае мы имеем в виду регламентированный осмотр и технический контроль (англ. *maintenance with periodic control*)). В остальном они сами устанавливают свой рабочий модус и демонстрируют независимость от человека спонтанность.

Полностью автоматические машины называются «*robots*». Это американское слово, производное от чешского *robít*, не означает в первую очередь «человекоподобный автомат». Для Гюнтера это синоним нового типа машины, который, в отличие от архимедово-классических машин, уже не имеет подвижных частей, и его производительность также не связана с движением таких частей. Примером, пусть примитивным, подобного «робота» будет электрический трансформатор, состоящий из куска железа и двух мотков медной проволоки. Его «работа» заключается в том, что он передает электрическую энергию от одной электрической цепи к другой посредством электронов и магнитных полей. Такую машину Гюнтер предлагает называть «трансклассической» или «неархимедовой машиной». В дальнейшем архимедовы машины будут все больше и больше вытесняться кибернетическими машинами, управляемыми исключительно посредством информационных сигналов. Идея кибернетической машины направлена на конструктивную реализацию механизма, получающего данные из внешнего мира, обрабатывающего их как информацию и затем передающего классической машине в управляющих импульсах. Более того, последнее, как показывает пример ЭВМ, совсем не обязательно. «В общем и целом, оставаясь в рамках философии техники, мы можем утверждать: до сих пор в своем техническом развитии человек выдвинул две принципиально разные идеи машины. Первая – это классическая машина Архимеда, цель которой – производить работу. Теперь наряду с ней возникла идея “второй” машины, от которой ожидают не

столько работы, сколько информации. “Первая” машина была спроектирована по аналогии с человеческой рукой (и кистью), вторая, как ожидается, предназначена для того, чтобы стать технической репродукцией человеческого мозга. Ибо только мозг умеет обрабатывать информацию. “Первая” машина теперь стала исторической реальностью, “вторая” остается пока что техническим идеалом, до прогрессивной реализации которого еще очень и очень далеко» (Günther 1963, p. 186).

Г. Гюнтер и Э. Юнгер

Для иллюстрации различия между классической и трансклассической техникой привлечем яркий образ из романа старшего современника Гюнтера Эрнста Юнгера «Стеклянные пчелы», который вышел в один год с первой редакцией «Сознания машин». Несмотря на элементы «спекулятивной фикции», текст выдержан в антиутопическом, антитехнократическом духе. Герой романа по имени Рихард знакомится с неким загадочным человеком по имени Дзаппарони. Тот является хозяином фабрики по производству наделенных интеллектом миниатюрных роботов и, как узнает читатель, на самом деле желает заставить материю мыслить, выступая по сути антагонистом Бога-Творца. Перед глазами главного героя во время его экскурсии по владениям инженера-изобретателя предстает шокирующая картина: в пруду плавают отрезанные уши, очень похожие на человеческие органы. «Разве это не логическое последствие технического перфекционизма и дурмана? Не этим ли все заканчивается? Какая еще эпоха мировой истории, если не наша, так богата расчлененными телами и отсеченными кусками плоти?», – размышляет он, пытаясь как-то стабилизировать опыт увиденного (Юнгер 2019, с. 156–157). Выловив одно сачком, герой в постгероической ситуации обнаруживает искусственный характер отрезанных ушей – «творение интеллекта, отрицающего свободный и нетронутый человеческий облик» (Юнгер 2019, с. 197).

Отрезанные уши из «Стеклянных пчел» остаются в рамках классической техники. По замечанию исследователя масс-медиа Х. Зегеберга, этот образ становится «для наблюдателя символом техники, которая – подобно классической механике – исходит из разделения и расщепления естественных процессов» (Segeberg 2000, p. 224). Действительно, в таком резолютивно-компаративном методе классического рационализма техника и мышление в смысле простой рефлексии до известной степени переплетаются друг с другом и, говоря на языке гюнтеровской теории рефлексии, нераздельны между собой: «Старая классическая машина несет на себе отражение трудового ритма человеческой руки, кисти и т.д. Она есть чисто физическая рефлексия, некая “рефлексия-в-дру-

гом” в терминологии Гегеля» (Günther 1976, p. 84). Иными словами, познание и действие здесь в принципе не различаются. Классическая машина – это «отрефлектированный порядок бытия» (Ibid., p. 85) и тем самым она остается в рамках различения субъекта и объекта, свойственного высокой культуре. Однако, по мысли Гюнтера, который в «Американском апокалипсисе» развивал гегелевскую интуицию техники как «великого культурного рубежья» (Kulturschwelle), на смену высоким культурам в XX веке приходит постисторическая эпоха, связанная с освобождением от Земли и вообще техническими манипуляциями с пространством – процессами, которые можно было, конечно, осмыслить не только в перспективе глобального доминирования американского прагматизма, но и успехов советского проекта.

Гюнтер в своем осмыслении трансклассической техники не только идет дальше Юнгера, но и преодолевает рамки очень влиятельной на тот момент гегелевской интерпретации *tekhne* как следствия компенсации дефектов человеческого существа. Техника у Гюнтера получает совершенно новую функцию, становится «другой техникой». Это уже не инструмент овладения природой, не компенсация недостатков, не посредник между людьми и природой, ограниченный возможностями инженерной науки, а общая теория всех систем, физических и духовных, «зеркало» инаковости и многообразия людей, их автономии и суверенитета (Идея постепенной кибернетизации всех областей человеческой деятельности, в том числе политики, встретила критику со стороны Гюнтера Андерса во втором томе «Устарелости человека» (1980), что объясняется не только типичной для Андерса «негативно-антропологической» установкой, но и обратной сменой парадигмы в осмыслении модерна с технократической на культуркритическую). В случае кибернетических машин (и искусственного интеллекта) техника уже не является частью человека как его инструмент, но человек в известной мере становится частью техники, ибо лишь посредством нее он может сформировать свой собственный образ. Лишь окольным путем, через техническое отображение, воспроизведение человеческой субъективности в машине возникает новое искусственное звено в коммуникации между людьми, позволяющее людям лучше понять самих себя. Оно-то и освобождает человека от привязанности к природе, которая является отправной точкой его защитных механизмов и стратегий подчинения. Это освобождение мыслится (вполне в гегелевском духе) как нечто необходимое, потому что сама идея человечности больше не удовлетворяет конкретным проблемам, требующим незамедлительных практических решений. «Пост-теологический», «пост-апокалиптический» поворот Гюнтера проходит под знаком «технической воз-

возможности» и даже ставит вопрос об интеллекте как космическом факте и выживании человечества вне земных условий (Интересную, но не до конца продуманную попытку сопоставления постисторических перспектив у Г. Гюнтера и позднего Э. Юнгера (на примере «Стеклянных пчел» и эссе «У стены времени») предприняли К. Бауманн и А. Хёнтш (Baumann и Höntschi 2010). Несмотря на известную близость обоих авторов (мыслят в гностическом ключе), между ними существуют серьезные различия. Так, Гюнтер не считает признаком технического перфекционизма какую-то искусную имитацию природных объектов, вплоть до имитации процессов мышления. Наоборот, он хочет пробиться к более глубокому уровню рефлексии, над которой уже надстраиваются известные нам законы природы как вторичные формы реальности. Юнгер мыслит технику со стороны органического, считает ее инструментом «одоухотворения Земли», отводя рефлексии подчиненное положение. Гюнтер отводит кибернетике в смысле конструирования смыслопорождающих механизмов важную роль в налаживании диалога между Я и Ты в условиях технической современности).

Заключение

Подведем итоги. Мысли Гюнтера чужды антропологический катастрофизм. Рефлексия никогда не может быть объективирована, а «механические мозги» никогда не уподобятся Я. Конечно, в этом «героическом преодолении культуркритики», как и у Шельски, настоящего героизма немного, однако Гюнтер действительно не видит никаких экзистенциальных угроз, исходящих от техники qua техники. Почему? Потому что техника всегда основывается на двух метафизических предпосылках: 1) объекты существуют, 2) субъективность существует. Информация же образует «среднее потустороннее» (mittleres Jenseits) (Günther 1963, p. 37), т. е. представляет собой особый вид трансценденции. Ergo, «механизация» никогда не затронет «самосознания».

«Сознание машин» во второй редакции полностью вписывается в логику дискуссии социальных наук о технократии и со-определяет ее. Гюнтер ставит в упрек Юргену Хабермасу недостаточное знакомство с кибернетикой и вместе с тем подвергает критике «разношерстных кибернетиков» (Wald- und Wiesen-Kybernetiker) за следование «норме максимальной рациональности» (August 2021, pp. 132–133). И все же, даже будучи далек от технократической hybris, что нетерпеливо ждет от науки мгновенного решения всех социальных проблем, Гюнтер мастерски вживается в образ апологета «трансклассической кибернетики», с которой в его проактивном сознании связаны грядущие культурные перемены. Смерть старой машины – вот врата в будущее.

Таким образом, в интеллектуальной культуре Германии на рубеже 1950-х – 1960-х годов мы фиксируем широкий отход от культуркритической парадигмы и переход к новой технократической парадигме (Гюнтер, Шельски и др.), для которой характерен поиск новых подходов к философии сознания и идентичности в техническую эпоху.

Библиографический список

- August, V. (2021), *Technologisches Regieren. Der Aufstieg des Netzwerk-Denkens in der Krise der Moderne. Foucault, Luhmann und die Kybernetik*, transcript Verlag, Bielefeld.
- Baumann, Ch. and Höntschi, A. (2010), Ernst Jünger und Gotthard Günther: Versuche zu einer Geschichts-metaphysik nach dem „Ende der Geschichte“, Żarska, N., Diesener, G. and Kunicki, W. (ed.), *Ernst Jünger – eine Bilanz*, Leipziger Universitätsverlag, Leipzig, Germany, pp. 86–497.
- Freyer, H. (1955), *Theorie des gegenwärtigen Zeitalters*, Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, Germany.
- Gehlen, A. (1957), *Die Seele im technischen Zeitalter. Sozialpsychologische Probleme in der industriellen Gesellschaft*, Rowohlt, Reinbek bei Hamburg, Germany.
- Günther, G. (1957), *Das Bewusstsein der Maschinen – Eine Metaphysik der Kybernetik*, 1, Auflage, AGIS Verlag, Baden-Baden, Germany.
- Günther, G. (1963), *Das Bewusstsein der Maschinen – Eine Metaphysik der Kybernetik*, 2, erweiterte Auflage, Baden-Baden, Germany.
- Günther, G. (1976), *Beiträge zur Grundlegung einer operationsfähigen Dialektik*, Bd. 1, Felix Meiner, Hamburg, Germany.
- Günther, G. (2000), *Die Amerikanische Apokalypse*, Herausgegeben und eingeleitet von Kurt Klagenfurt, Profil, München, Germany.
- Klagenfurt, K. (2016), *Technologische Zivilisation und transklassische Logik. Eine Einführung in die Technikphilosophie Gotthard Günthers*, Metropolis-Verlag, Marburg, Germany.
- Koch, C. and Senghaas, D. (1970), *Texte zur Technokratiediskussion*, Europäische Verlagsanstalt, Frankfurt am Main, Germany.
- Kotzmann, E. (1994), *Gotthard Günther – Technik, Logik, Technologie*, Wien: Profil, München, Germany.
- Kronthaler, E. (2013), Gotthard Günther: Das Bewußtsein der Maschinen (1957), Agazzi, E. and Schütz, E. (ed.), *Handbuch Nachkriegskultur: Literatur, Sachbuch und Film in Deutschland (1945–1962)*, Boston: de Gruyter, Berlin, Germany, pp. 416–421.
- Lenk, H. (1973), *Technokratie als Ideologie: sozialphilosophische Beiträge zu einem politischen Dilemma*, Kohlhammer, Stuttgart, Germany.
- Liggieri, K. (2019), *Der Regelkreis als das „universelle Gebilde der Technik“*. Zugriffe auf Mensch und Maschine zwischen „allgemeiner Regelung-

skunde“ und philosophischer Anthropologie bei Hermann Schmidt, *Jahrbuch Technikphilosophie*, no. 5, pp. 17–37.

Schelsky, H. (1961), *Der Mensch in der wissenschaftlichen Zivilisation*, Verlag für Sozialwissenschaften, Wiesbaden, Germany.

Segeberg, H. (2000), Ernst Jüngers „Gläserne Bienen“ als „Frage nach der Technik“, Strack, F. (ed), *Titan Technik. Ernst und Friedrich Georg Jünger über das technische Zeitalter*, Königshausen & Neumann, Würzburg, Germany, pp. 211–224.

Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Введение в системно-коммуникативную философию науки. Москва: Логос/Гнозис, ООО «НТП», 2023.

Вагнер Г. Социология: к вопросу о единстве дисциплины // Теория общества; под ред. А.Ф. Филиппова. Москва: Канон-Пресс-Ц. Кучково поле, 1999. С. 236–260.

Вербер Н. Гарантия количества: роль техники в размышлениях о будущем // Вторые Лемовские чтения: Сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема 28–30 марта 2013 г. Самара: Изд-во Самарского гос. аэрокосмического ун-та, 2014. С. 143–161.

Сафрански Р. Хайдеггер. Германский мастер и его время. Москва: Молодая гвардия, 2002.

Юнгер Э. Стекланные пчелы. Москва: АСТ, 2019.

References

August, V. (2021), *Technologisches Regieren. Der Aufstieg des Netzwerk-Denkens in der Krise der Moderne. Foucault, Luhmann und die Kybernetik*, transcript Verlag, Bielefeld.

Baumann, Ch. and Höntsch, A. (2010), Ernst Jünger und Gotthard Günther: Versuche zu einer Geschichtsmetaphysik nach dem „Ende der Geschichte“, Żarska, N., Diesener, G. and Kunicki, W. (ed.), *Ernst Jünger – eine Bilanz*, Leipziger Universitätsverlag, Leipzig, Germany, pp. 86–497.

Freyer, H. (1955), *Theorie des gegenwärtigen Zeitalters*, Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, Germany.

Gehlen, A. (1957), *Die Seele im technischen Zeitalter. Sozialpsychologische Probleme in der industriellen Gesellschaft*, Rowohlt, Reinbek bei Hamburg, Germany.

Günther, G. (1957), *Das Bewusstsein der Maschinen – Eine Metaphysik der Kybernetik*, 1, Auflage, AGIS Verlag, Baden-Baden, Germany.

Günther, G. (1963), *Das Bewusstsein der Maschinen – Eine Metaphysik der Kybernetik*, 2, erweiterte Auflage, Baden-Baden, Germany.

Günther, G. (1976), *Beiträge zur Grundlegung einer operationsfähigen Dialektik*, Bd. 1, Felix Meiner, Hamburg, Germany.

Günther, G. (2000), *Die Amerikanische Apokalypse*, Herausgegeben und eingeleitet von Kurt Klagenfurt, Profil, München, Germany.

Klagenfurt, K. (2016), *Technologische Zivilisation und transklassische Logik. Eine Einführung in die Technikphilosophie Gotthard Günthers*, Metropolis-Verlag, Marburg, Germany.

Koch, C. and Senghaas, D. (1970), *Texte zur Technokratiediskussion*, Europäische Verlagsanstalt, Frankfurt am Main, Germany.

Kotzmann, E. (1994), *Gotthard Günther – Technik, Logik, Technologie*, Wien: Profil, München, Germany.

Kronthaler, E. (2013), Gotthard Günther: Das Bewusstsein der Maschinen (1957), Agazzi, E. and Schütz, E. (ed.), *Handbuch Nachkriegskultur: Literatur, Sachbuch und Film in Deutschland (1945–1962)*, Boston: de Gruyter, Berlin, Germany, pp. 416–421.

Lenk, H. (1973), *Technokratie als Ideologie: sozialphilosophische Beiträge zu einem politischen Dilemma*, Kohlhammer, Stuttgart, Germany.

Liggieri, K. (2019), Der Regelkreis als das „universelle Gebilde der Technik“. Zugriffe auf Mensch und Maschine zwischen „allgemeiner Regelungskunde“ und philosophischer Anthropologie bei Hermann Schmidt, *Jahrbuch Technikphilosophie*, no. 5, pp. 17–37.

Schelsky, H. (1961), *Der Mensch in der wissenschaftlichen Zivilisation*, Verlag für Sozialwissenschaften, Wiesbaden, Germany.

Segeberg, H. (2000), Ernst Jüngers „Gläserne Bienen“ als „Frage nach der Technik“, Strack, F. (ed), *Titan Technik. Ernst und Friedrich Georg Jünger über das technische Zeitalter*, Königshausen & Neumann, Würzburg, Germany, pp. 211–224.

Antonovsky, A.Y. and Barash, R.E. (2023), *Introduction to the Systemic-Communicative Philosophy of Science*, Logos/Gnosis, LLC «NTP», Moscow, Russia.

Vagner, G. (1999), Sociology: On the Unity of the Discipline, Filippov, A.F. (ed.), *Theory of Society*, Kanon-Press-C. Kuchkovo Pole, Moscow, Russia, pp. 236–260.

Verber, N. (2014), Guarantee of Quantity: The Role of Technology in Reflections on the Future, Nesterov, A. (ed.), *Second Lemovian Readings: Collection of Materials from the All-Russian Scientific Conference with International Participation in Memory of Stanislaw Lem, 28–30 March 2013*, Samara State Aerospace University Press, Samara, Russia, pp. 143–161.

Saffransky, R. (2002), *Heidegger. The German Master and His Time*, Molodaya Gvardiya, Moscow, Russia.

Jünger, E. (2019), *Glass Bees*, AST, Moscow, Russia.

Submitted: 05.10.2024

Revised: 28.11.2024

Accepted: 13.12.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 130.2:8+304.2

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-4-35-41

Дата поступления: 07.10.2024
рецензирования: 21.11.2024
принятия: 12.12.2024

С.В. Феофанов
ООО «БФТ-ЭКСПЕРТ»,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: feo81@yandex.ru

От фэнтези к фантастике: социальные аспекты отражения науки в литературе на примере братьев Стругацких и Элиезера Юдковского

Аннотация: в работе поднимается проблема популярности науки в современной фантастической литературе. Дается определение фантастики и фэнтези с позиции социальной философии. Вскрываются социальные аспекты, влияющие на формирование авторских концепций на примере Стругацких и Юдковского. Анализируются способы изложения литературной истории как усиливающий фактор отражения науки.

Ключевые слова: фантастика и фэнтези; социокультурное пространство; репликация научных знаний; авторские концепции; способы изложения истории.

Цитирование: Феофанов С.В. От фэнтези к фантастике: социальные аспекты отражения науки в литературе на примере братьев Стругацких и Элиезера Юдковского // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 35–41. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-35-41>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Феофанов С.В., 2024

Сергей Владимирович Феофанов – соискатель, ведущий программист ООО «БФТ-ЭКСПЕРТ», 129085, Российская Федерация, г. Москва, ул. Годовикова, д. 9, стр. 17.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.V. Feofanov
ООО «BFT-EXPERT»,
Moscow, Russian Federation
E-mail: feo81@yandex.ru

From fantasy to sci-fi: social aspects of reflection of science in literature on the example of the Strugatsky brothers and Elizer Yudkowsky

Abstract: the work raises the issue of the popularity of science in modern science fiction literature. It defines science fiction and fantasy from the standpoint of social philosophy. It reveals the social aspects that influence the formation of the author's concepts using the example of the Strugatskys and Yudkowsky. It analyzes the methods of presenting literary history as an enhancing factor in the reflection of science.

Key words: science fiction and fantasy; socio-cultural space; replication of scientific knowledge; author's concepts; methods of presenting history.

Citation: Feofanov, S.V. (2024), From fantasy to sci-fi: social aspects of reflection of science in literature on the example of the Strugatsky brothers and Elizer Yudkowsky, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 35–41, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-35-41>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Feofanov S.V., 2024

Sergey V. Feofanov – applicant, leading programmer ООО «BFT-EXPERT», 9, building 17, Godovikova str., Moscow, 129085, Russian Federation.

Введение

Касаясь темы фантастической литературы, нельзя не отметить, что сегодня не существует однозначного определения понятия «фантастика». Эта неопределенность проявляется не только на обыденном уровне мышления, но и в научно-ис-

следовательских работах. В повседневности под этим словом зачастую понимается вся литература, содержащая элементы, невозможные в современной нам действительности. Если же погрузиться в область литературоведения, то здесь можно столкнуться с вопросом категоричной принадлежно-

сти данного понятия. Разные источники называют фантастику и отдельным жанром, и художественным приемом, и литературной областью, и творческим методом.

С целью исключения путаницы в рамках данной статьи применен подход, разделяющий понятия «фантастика» и «фэнтези». Писатели Олег Ладыженский и Дмитрий Громов, известные под псевдонимом Г.Л. Олди, в 2008 году провели опрос на тему «Что позволяет отнести художественное произведение к фантастике?». «Более половины опрошенных считают, что фантастикой художественный текст делает оригинальное фантастическое допущение. То есть фантастика воспринимается как творческий метод – использование особого литературного приема для усиления тех или иных качеств текста» (Олди 2008). Сделав этот вывод, писатели предложили свою классификацию оригинальных допущений, встречающихся в литературе. На основе их классификации автор данной статьи к понятию «фантастика» относит естественнонаучные, гуманитарно-научные и футурологические допущения, а к понятию «фэнтези» – фольклорные, миротворческие, мистические и фантасмагорические.

Такой подход позволяет противопоставить два направления «искусства воображения», что дает возможность четко обозначить проблематику в рамках темы данной работы.

Постановка проблемы

В наше время нетрудно заметить, что в сегменте массовой развлекательной литературы жанр фэнтези серьезно преобладает над фантастикой. Данное утверждение истинно именно в рамках предложенной выше терминологии, потому как вне ее крайне тяжело дать однозначное суждение. На популярных сегодня площадках самиздата в Интернете понятия жанров «фэнтези» и «фантастика» настолько перемешаны, что зачастую первое отличается от второго лишь тем, каким образом главный герой попадает в вымышленный мир: магическим или технологическим. При этом ни в первом, ни во втором случаях не дается научного обоснования процесса переноса.

Корень проблемы видится именно в этом. «Современное развитие техники привело к появлению бытовых устройств, не требующих непосредственного контроля человека за их работой... Благодаря этому писатели-фантасты избавились от необходимости детально объяснять принцип работы той или иной фантастической техники» (Твердынин Н.М., Твердынин В.Н. 2012). Иными словами, если писатель в середине XX века мог дать научное объяснение принципа работы, например, автоматического пылесоса из будущего (современного нам робота-пылесоса), то в наши дни сделать то же самое в отношении устройств,

какими они могут быть в конце XXI века, намного сложнее. Возрастающая сложность технологий приводит к тому, что на обыденном уровне мышления грань между фантастикой и фэнтези серьезно размывается. Как результат, сегодня даже те авторы, которые трудятся в сеттинге будущего, в сеттинге исследования космоса, зачастую уходят от твердых научных обоснований в сторону мистификаций (от фантастики к фэнтези).

Одна из причин подобного шага проявляет себя на социально-психологическом уровне: куда проще объявить, что механизм работает на неких магических принципах, чем пытаться дать научное обоснование. Отчасти отсюда проистекает популярность сюжетов про полное погружение сознания в виртуальные миры, где возможно все.

С позиции социальной философии можно отметить, что усложнение общественных процессов толкает авторов (в особенности – молодых) на поиск более легких путей развития сюжета. И если Станислав Лем задавался вопросом «можно ли создать искусственную действительность, во всех отношениях подобную подлинной и совершенно от нее неотличимую?» (Лем 2023), то современные авторы не ставят себе задачу всеобъемлюще раскрыть эту тему в своих произведениях.

Таким образом проблема заключается в утрате наукой (в ее классическом представлении) фундаментальной роли в современной развлекательной литературе. И задача, которая ставится в рамках данной статьи, – это поиск обратного пути. Это выявление социальных и социально-философских аспектов, побуждающих авторов сделать сознательный шаг в сторону науки, придания ей основополагающей роли в литературном произведении.

Методология

Решение поставленной задачи лежит в плоскости анализа социокультурного пространства, в котором творит тот или иной автор. И для построения теоретического обоснования предлагается отталкиваться от существующих примеров литературных произведений, в которых авторы идут сложным путем: выстраивают на фольклорном (фэнтезийном) базисе научную надстройку. В мировой литературе есть два примера, авторы которых относятся к разным поколениям писателей. Это «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких и «Гарри Поттер и методы рационального мышления» Элиезера Юдковского.

В качестве методологии применен социально-философский анализ общественных процессов, формирующих заказ на фантастику и фэнтези. Как усиливающий фактор анализируются социальные аспекты восприятия читателями книг в зависимости от способа изложения: от первого и от третьего лица.

Ход исследования

1

Первым шагом стоит дать определение, что такое фантастика и что такое фэнтези с позиции философии. Корни обоих понятий уходят к древнегреческому «искусству воображения», но основой любого литературного (художественного) произведения во все времена были истории про людей, про их взаимоотношения и конфликты. Ни одна из таких историй не может претендовать на читательский успех без раскрытия конфликтов на любом из трех уровней: внутриличностном, межличностном или надличностном. А это значит, что, как и любая художественная литература, фантастика и фэнтези являют собой отражение социальных и социально-психологических процессов, происходящих в обществе. Но так как эти два «творческих метода» предполагают наличие фантастического допущения, которое прямо или косвенно влияет на общество в книге, то здесь имеет место и социальное моделирование на самых разных уровнях.

При этом фундаментальная разница между фантастикой и фэнтези проявляется в отношении к научному контексту. Если исходить из полей философского знания, то фантастика, помимо социального фундамента, обязательно строится на такой основе, как философия науки и техники (где-то в большей, где-то в меньшей степени). Это хорошо прослеживается в произведениях второй половины XX века, в сюжетах про покорение человеком космического пространства и исследование других планет. Тот период в литературе можно назвать «эпохой доступного космоса» – многие писатели тех лет делали полеты к далеким звездам обыденностью относительно недалекого будущего. Фантастическая литература приближала космос к человеку, но делала это именно через технику, которая в произведениях того периода зачастую играет не только функциональную, но и символическую роль. В качестве примеров можно привести «Страну багровых туч» Стругацких, «Туманность Андромеды» Ефремова или «Непобедимого» Лема. Техника будущего позволяла писателям-фантастам опережать свое время, предвосхищая научные открытия и предлагая читателям самые невероятные идеи об устройстве Вселенной. Конечно, реальность вносила свои коррективы, причем в обоих направлениях – известны случаи, когда фантазия авторов «не дотягивала» до реального положения дел. Так, первые измерения на Венере были проведены через десять лет после публикации «Страны багровых туч», и суровость условий этой планеты намного превзошла предположения писателей.

Что же касается фэнтези, то в этом жанре место философии науки и техники занимает некое «волшебство», имеющее самые разные варианты проявления: от абстрактно-метафизического уровня

до уровня воплощения в бытовых устройствах. И здесь важно отметить один социальный аспект. Взаимоотношение с техникой является неотъемлемой частью быта каждого индивидуума. А про «волшебство» подобного сказать нельзя – наш повседневный опыт его практически полностью исключает. Из этого следует, что в художественной литературе оно неизбежно будет восприниматься как нечто искусственное (даже в самой интересной истории). Как результат, в произведениях жанра фэнтези можно выделить две важных составляющих.

Во-первых, это противопоставление искусственного реальному. «Волшебство» противопоставляется либо реальному миру читателя (например, в цикле «Тайный сыск царя Гороха» Андрея Белянина), либо реальному миру, представленному в самой истории («Дозоры» Сергея Лукьяненко или «Тайный город» Вадима Панова).

Во-вторых, в книгах жанра фэнтези куда более реалистично проявляет себя морально-этическая основа сюжета. Тот же «Гарри Поттер» построен на волшебной мифологии, но модели отношений представленных персонажей не имеют фундаментальных отличий от произведений в любом другом жанре.

Таким образом, переход «искусства воображения» в русло социальной философии чаще всего представляет собой репликацию реального мира со следующих позиций: твердая научная основа фантастики порождает технократизм, а противопоставление «волшебства» реальному миру в фэнтези порождает технофобию. Но репликация здесь не просто отражение. В социально-философском контексте данная «реплика» есть преломление автором в себе научно-технических знаний с их последующей творческой трансформацией и воплощением в тексте (не обязательно книге – это может быть и киносценарий, и сценарий компьютерной игры). Фантастика и фэнтези выступают методом этого преломления, что позволяет сделать следующий вывод: так как «Понедельник начинается в субботу» и «Гарри Поттер и методы рационального мышления» имеют фэнтезийный базис, реплицируется в них не реальный мир, а фольклорная первооснова. Если же рассматривать эти книги в совокупности с их первоисточниками, то в обоих случаях имеет место двойная репликация как основа авторской концепции. И раскрытие в произведениях Стругацких и Юдковского особенностей процесса формирования подобных концепций под влиянием социальных факторов будет решением поставленной в рамках данной статьи задачи.

2

В любой книге, относящейся к художественной литературе, присутствует авторская рефлексия, так или иначе отражающая социокультурные

реалии эпохи, в которой живет автор. В научной фантастике к этому добавляются технико-технологические моменты. Разумеется, ни Стругацкие, ни Юдковский не являются исключением. Так, братья Стругацкие твердо стоят на просоветских позициях, даже местами «перебарщивая». Анализируя причины «перебарщивания», можно сделать предположение, что авторы исходили из посыла: «Если какой-нибудь дурак из издательства придерется к сюжету, то роль партии в показанных достижениях советской науки и техники все равно будет налицо». Подобное встречается не только у Стругацких и не только в литературе. Например, широко известна история о кадре с ядерным взрывом в конце «Бриллиантовой руки» Гайдая. Социальные реалии влияют на писателя, и результатом является их синергия с первоначальным замыслом в литературном произведении.

Подобной синергией можно объяснить рождение замысла для такого литературного произведения, как «Понедельник начинается в субботу». Анализируя творчество ранних Стругацких, нетрудно заметить, что их социальное пространство не допускало существования чистого жанра фэнтези вне традиционных «сказочных» ниш. Для того периода, в целом, характерно явление романтизации науки в литературе и кино, обусловленное не только социальным, но и идеологическим заказом. Фантастика тех лет исполняла роль ««литературы крылатой мечты» и «лоции для потомков», выполняющей функцию воспитания человека коммунистического будущего» (Ковтун 2023), а также «являлась инструментом социальной критики, литературой философского эксперимента, поднимающей вопросы о будущем планеты и судьбах человечества» (Ковтун 2023). И Стругацкие переосмысливают фольклор именно с этих позиций, чему дают подтверждение в самом начале книги: «Сказка для научных сотрудников младшего возраста» (Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. 2007). Работая на раскрытие образа науки, писатели уделяют куда больше внимания самому процессу научной деятельности, «мира вокруг персонажа», чем ученому как личности.

Этому способствует выбранный авторами способ изложения: история в «Понедельнике» написана от первого лица. При таком способе повествования главный герой становится для читателя своего рода аватаром, позволяющим взглянуть изнутри на чужую жизнь. Это помогает авторам с раскрытием романтической составляющей научного процесса, ведь здесь задействуется социальный аспект, в той или иной степени определяющий жизнь каждого человека, продуцируя подспудное желание получить то, чего лишен, пожить какое-то время чужой жизнью. Изложение

от первого лица позволяет если не удовлетворить, то в какой-то мере утилизировать это желание, а уж способы продемонстрировать окружающий главного героя мир Стругацкие используют самые разные.

Это, например, рефлексия. В сцене, когда герой ночует в запаснике музея, он становится свидетелем сначала откровенно волшебных явлений, а затем нездоровой суеты второстепенных персонажей вокруг дивана, на котором он спит. И его реакция вполне закономерна: «Диван их, видите ли, волнует, думал я. Русалка их не волнует. Говорящий кот их не интересует. А без дивана они, видите ли, не могут...» (Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. 2007). Позже выясняется, что в диван встроен научный прибор, вокруг которого и сплелся клубок интересов.

Другой способ – прямое обозначение научной проблематики: «Организовать на телестудии конференцию знаменитых привидений или просверлить взглядом дыру в полуметровой бетонной стене могут многие... А вот попробуйте найти глубокую внутреннюю связь между сверлящим свойством взгляда и филологическими характеристиками слова «бетон», попробуйте решить эту маленькую частную проблемку, известную под названием Великой Проблемы Ауэрса!» (Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. 2007).

Третий способ – личный опыт героя, постигаемый через неудачи: сцены, когда он с помощью уравнений математической магии пытался проветрить помещение или сотворить себе завтрак.

Наконец, авторы через главного героя касаются и социальной стороны науки, демонстрируя высшую степень увлеченности работой или критикуя исследователей, отвергающих результаты, что противоречит положениям устоявшейся теории.

Конечно, выполняя основную задачу, авторы обращают внимание на то, что сам главный герой выступает больше наблюдателем, чем основным действующим лицом, о чем, пусть и завуалированно, сообщают читателю в послесловии от имени главного героя: «Приведенных примеров, вероятно, достаточно для того, чтобы читатель не придавал слишком много веры моему собственному образу в очерках» (Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. 2007).

Второй пример, в котором реплицируется фольклорная основа, – это книга за авторством Элиезера Юдковского «Гарри Поттер и методы рационального мышления». Сама книга относится к категории фанфиков (fan fiction – творчество поклонников, расширяющее мир оригинального произведения). Для таких книг характерны самые разные манипуляции с исходным сеттингом: от возведения в догмат (когда текст оригинального произведения не подлежит даже малейшей кри-

тике и переосмыслению) до полной замены основ сеттинга с сохранением лишь минимально узнаваемых образов. В книге Юдковского основным отличием от оригинальных произведений является то, что у Гарри Поттера был другой дядя; что его тетя в свое время вышла замуж за ученого, который с детства прививал мальчику рациональные взгляды на окружающую действительность. И с этими взглядами Гарри попадает в волшебную школу Хогвартс.

Выше уже говорилось про «волшебство» как составляющую жанра фэнтези. Но нередко авторы, сознательно или нет, заменяют этим «волшебством» не только науку и технику, но и социальную составляющую (в частности, рациональное поведение персонажей), что приводит к провалам в сюжетах. Юдковский вскрывает подобные провалы, рассматривая их именно с рациональных позиций, но для выявления социальных аспектов, толкнувших Юдковского на такой шаг, нужно сперва взглянуть с позиции социальной философии на сам жанр фэнтези в его современном выражении.

Вышеозначенная проблема трактовки понятия «фантастика» имеет под собой глубокие социокультурные и социопсихологические корни. Сегодня индивидуум живет в несравнимо более плотном информационном потоке, чем это было во второй половине прошлого века. Необходимость ежедневно усваивать гигантский объем самой разной информации породила эффект так называемого «клипового мышления», когда информация воспринимается быстро и небольшими кусками. Как результат, книга, написанная в жанре фантастики, не выдерживает конкуренции с современными Интернет-ресурсами, даже если она написана в малой форме (повесть или рассказ). Сегодня читатель не рассматривает фантастическую литературу как источник научных знаний – на площадках видеохостингов он может почерпнуть ту же информацию в куда более сжатом и наглядном виде. Книга при этом воспринимается как средство отдыха, снятия стресса и бегства от реальности. И в случае бегства от реальности одно из самых популярных направлений – это фэнтези.

Социальные причины тяги к фэнтези проявляют себя даже на обыденном уровне мышления – это несбыточность мечтаний, социальных ожиданий и потребностей. У каждой социальной группы подобные причины проявляются по-своему, но в общем случае индивидуум, не находя удовлетворения своим потребностям в условиях своего социального пространства, с высокой долей вероятности начинает рассматривать именно фэнтези в качестве духовного продукта. А это наталкивает на вывод, что именно социальные процессы в современном обществе способствуют

росту социального заказа на фэнтези и снижению социального заказа на фантастику.

Однако нельзя не отметить, что современное культурное пространство в части развлекательной литературы перенасыщено произведениями в жанре фэнтези, чему широко способствует такое явление, как интернет-площадки самиздата. Росту их популярности способствует возможность свободной публикации без обязательной издательской редакции, а также доступ к быстрому заработку на публикуемых книгах. Большое количество публикуемых произведений позволяет с высокой долей вероятности выявить социокультурные аспекты, влияющие на авторские концепции. Сегодня влияние прослеживается с двух основных направлений: со стороны индустрии компьютерных игр и со стороны японской мультипликации (аниме-сериалы). В сочетании это дает «игровое фэнтези» с устоявшимся набором внутренних направлений: лит-РПГ, реал-РПГ, боярь-аниме и т.д. Но заметный переизбыток книг в этом жанре порождает эффект «зеркала Гегеля»: жанр отрицает сам себя, что выражается либо в направлении сатиры (высмеивания устоявшихся штампов), либо в так называемой «игре против тренда», т.е. в прямом шаге от фэнтези к фантастике.

Именно таким шагом и пользуется Элизер Юдковский, причем для достижения своей цели он использует не «волшебные» инструменты, а вполне реалистичные. Так, книга «Гарри Поттер и методы рационального мышления» писалась при активном участии интернет-сообщества; Юдковский выкладывал ее в общий доступ по главам, что помогало ему придерживаться рациональных позиций в сюжете. В частности, он предлагал сообществу придумать правдоподобный способ, каким ученик первого года Хогвартса сможет одолеть самого могущественного темного волшебника в прямом столкновении. Это дало свой эффект, и после окончания работы над книгой Юдковский выпустил эссе «Пособие по умным персонажам», где подробно раскрыл, какими пользовался инструментами. Попутно он дал классификацию интеллекта персонажей в литературе, причем не с научных, а с социальных позиций.

Эта классификация по сути является основой его «игры против тренда», но она применима в любой литературе, независимо от жанра.

Первым уровнем интеллекта, по Юдковскому, обладают персонажи, которые ведут себя рационально с точки зрения читателя. В повседневной жизни человек привыкает оптимизировать свои действия. Он не тратит на привычные дела больше сил, чем это требуется. С этой точки зрения персонаж, который ищет самые простые способы решения поставленных задач, будет восприниматься читателем как умный и находчивый.

Второй уровень решает литературную проблему: как показать гениального персонажа? «Фундаментальное требование в персонажах с интеллектом второго уровня – это Понимание Честной Игры... – решение задач, стоящих перед персонажем, должно быть таким, чтобы читатель в принципе мог бы додуматься до него самостоятельно» (Юдковский). Но здесь сам Юдковский делает важное уточнение: «... к моменту, когда задача будет решена, все ее кусочки должны быть активны в сознании читателя» (Юдковский).

Наконец, третий уровень интеллекта подразумевает передаваемость. Персонаж может демонстрировать некие, не только научные, но и повседневные навыки, которые читатель сможет перенять и применить в своей жизни. Это могут быть самые примитивные приемы: как запомнить количество дней в месяце по костяшкам пальцев или как понять, делится ли число на 3 без остатка. Если читатель сумеет почерпнуть подобные приемы из прочитанной книги, значит, ему встретился персонаж с интеллектом третьего уровня.

И здесь стоит отметить, что книга «Гарри Поттер и методы рационального мышления» написана от третьего лица. Такой способ изложения делает читателя сторонним наблюдателем происходящих событий. Социальный аспект тяги к наблюдению за интересными событиями и людьми коррелирует с основной предпосылкой сюжета: как поступил бы на месте оригинального Гарри Поттера человек с рациональным взглядом на окружающую действительность? И именно изложение от третьего лица в лучшей мере позволяет дать ответ, потому что перед читателем предстает уже не «мир вокруг персонажа» (как в книгах от первого лица), а «персонаж внутри мира», и именно на нем будет сфокусировано внимание читателя на протяжении всей истории.

Полученные результаты и выводы

Подводя итоги, можно сказать, что принадлежность художественной литературы к фантастике или фэнтези определяется тем методом, который выбрал автор для репликации научных знаний. При этом движение авторских концепций в сторону фантастики определяется социокультурным пространством и, в целом, подчиняется законам диалектики: прямой социальный заказ на фантастику, отрицание фэнтези в случае Стругацких; самоотрицание жанра фэнтези в случае Юдковского. А непосредственный шаг от фэнтези к фантастике предполагает двойную репликацию: фольклорное переосмысление реального мира с последующим научным переосмыслением фольклора. Научная составляющая подобных произведений не видится без раскрытия отношений к ней героев одним из двух способов: «мир вокруг персонажа» или «персонаж внутри мира». В сово-

купности все эти аспекты и способствуют появлению таких достаточно уникальных произведений, как «Понедельник начинается в субботу» и «Гарри Поттер и методы рационального мышления».

В заключение стоит отметить, что фэнтези в современном обществе исполняет важную социально-психологическую роль (для одних социальных групп – в меньшей степени, для других – в большей), предлагая квазифилософский подход к осмыслению происходящего на уровне обыденного сознания. Если в середине XX века фантастика была для социума «усилителем реальности», мотиватором движения вперед, то в наши дни она уступила место фэнтези, которое выступает отдушиной, средством отдыха от реального мира. Причины произошедшей перемены видятся в произошедших за этот период социальных трансформациях. В частности, многие фантастические идеи, придуманные писателями более полувека назад, стали для современного читателя привычной реальностью. Но эта тема требует отдельного социально-философского исследования.

Источники фактического материала

Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке; [фантаст. повести]. Москва: АСТ, 2007. 605 с.

Библиографический список

Олди Г.Л. Фантастическое допущение // Мир фантастики. Февраль 2008. № 54. С. 54–58.

Твердынин Н.М., Твердынин В.Н. Социальная значимость фантастики и ролевых игр в жизни современной российской молодежи // Образование. Наука. Научные кадры. 2012. № 4. С. 227–230.

Лем С. Сумма технологии / пер. с пол. Ф. Широкова, В. Язневича. Москва: Издательство АСТ, 2023. 800 с. (Эксклюзивная классика).

Ковтун Е.Н. Постсоветская фантастика России и Восточной Европы: основные тенденции развития // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, 14–21 марта 2023 года, Санкт-Петербург: Сборник тезисов, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2023 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2023. С. 1173–1174. EDN QXSENO.

Юдковский Э. Краткое руководство по умным персонажам / пер. с англ. Remlin // URL: <https://lesswrong.ru/205> (Дата обращения 01.09.2024).

References

Oldi, G.L. (2008), *Fantastic assumption, Mir fantastiki*, vol. 54, pp. 54–58

Tverdynin, N.M., Tverdynin, V.N. (2012), The social significance of fantasy and role-play in the lives of today's russian, *Education. Science. Scientific personnel*, vol. 4, pp. 227–230.

Lem, S. (2007), *Summa Technologiae*, AST, Moscow, Russia.

Kovtun, E.N. (2023), Post-Soviet Science Fiction in Russia and Eastern Europe: Main Development Trends, LI International scientific philological conference named after Lyudmila Alekseevna Verbitskaya, *Collection of abstracts*, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, pp. 1173–1174.

Strugatsky, A.N. and Strugatsky, B.N. (2007), *Monday starts on Saturday. The Tale of Troika (2 cp.)*, AST, AST Moskva, Spb: Terra Fantactica, p. 43, pp. 162–163.

Udkovsky, E., *The Abridged Guide to Intelligent Characters*, in Russian, [Online], available at: <https://lesswrong.ru/205>, (Accessed 01 September 2024).

Submitted: 07.10.2024

Revised: 21.11.2024

Accepted: 12.12.2024

SCIENTIFIC ARTICLE

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-4-42-48

Submitted: 08.10.2024

Revised: 27.11.2024

Accepted: 10.12.2024

G.V. Zalomkina

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: zalomkina@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8384-289X>**Some aspects of extraterrestrial life in science fiction**

Abstract: the purpose of the article is to trace how science fiction deals with the theme of otherness in terms of the interaction between the concepts of aliens and earthlings, resulting in the perception of earthlings as aliens. Until now, this approach has not been used. The research was conducted on a wide range of science fiction authors, including S. de Bergerac, F. Godwin, H. Wells, H. P. Lovecraft, I. Yefremov, R. Heinlein, R. Bradbury, J. Corey, S. Lem, the Strugatsky brothers, N. Stephenson, P. Watts. Comparative motif analysis was used. The article notes that the concept of aliens in science fiction can develop in two directions. They can be seen as creatures similar to earthlings in physical and psychological aspects (a type of neighbor /inhabitant of another village), contact with them is possible and beneficial. Alternatively, they can be portrayed as completely different and terrifying creatures (a type of monster), contact with them is deadly or impossible. In science fiction, earthlings who have undergone some kind of mutation may be considered as “the different others”, even aliens. A characteristic feature of homo alius in science fiction is their language, which is presented as equally mutated through hybridization. The way that homo alius is perceived in relation to normal human beings in science fiction is always ambiguous, leading to a variety of relationships between the concepts within the semantic field of “friend or foe”.

Key words: earthlings; transhumanism; monster; H. Wells; species divergence; otherness; Strugatsky; hybridization of language.

Citation: Zalomkina, G.V. (2024), Some aspects of extraterrestrial life in science fiction, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 42–48, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-42-48>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Zalomkina G.V., 2024

Galina V. Zalomkina – D.Sc. (Philology), associate professor, professor at the Chair of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 82-312.9+82-344

Г.В. Заломкина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: zalomkina@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8384-289X>**Некоторые аспекты проблематики инопланетности в научно-фантастической литературе**

Аннотация: цель статьи – отследить специфику разработки научной фантастикой проблематики иного в аспекте взаимодействия представлений об инопланетянах и землянах, приводящего к восприятию землян как инопланетян. До настоящего момента подобный подход не применялся. Исследование проведено на материале авторов, представляющих широкий диапазон научно-фантастической литературы: С. де Бержерака, Ф. Годвина, Г. Уэллса, Г.Ф. Лавкрафта, И. Ефремова, Р. Хайнлайна, Р. Брэдли, Дж. Кори, С. Лема, братьев Стругацких, Н. Стивенсона, П. Уоттса. Используется методология сопоставительного мотивного анализа. В статье отмечается, что представление об инопланетянах в художественной литературе разрабатывается по двум направлениям: либо как о существах весьма близких землянам физиологически и психологически (тип соседа/жителя другой деревни), контакт с которыми возможен и продуктивен, либо как о максимально инаковых, монструозных созданиях (тип

чудовища), контакт с которыми смертельно опасен или невозможен. В качестве фигуры иного, вплоть до статуса инопланетян, в научно-фантастическом тексте рассматриваются и земляне, подвергшиеся мутациям того или иного рода. Характерная черта *homo alius* в научной фантастике – язык, который подается как равным образом мутировавший по типу гибридизации. Восприятие *homo alius* по отношению к человеку обычному в научной фантастике всегда неоднозначно и порождает разнообразные взаимоотношения концептов из семантического поля «свой-чужой».

Ключевые слова: земляне; трансгуманизм; чудовище; Г. Уэллс; видовое расхождение; инаковость; Стругацкие; гибридизация языка.

Цитирование: Заломкина Г.В. Некоторые аспекты проблематики инопланетности в научно-фантастической литературе // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2024. Т. 4, № 4. С. 42–48. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-42-48>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Заломкина Г.В., 2024

Галина Вениаминовна Заломкина – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

Introduction

The theme of “the other” as different and alien is fundamental to science fiction. Irina Samorukova convincingly stated: “When we talk about a fantastic plot, we should talk... about the event in which something fundamentally different becomes an essential participant. This difference then unfolds into a fantastic plot” (Samorukova 2013, p. 10). Our understanding of what is “different” is formed through comparison to the usual. Humans are the obvious starting point here. Extraterrestrial life forms as a theme in science fiction arise from this comparison. Some transformations of humans that lead them away from their usual state (physiologically, psychologically, morphologically) toward “the other”, can also form the basis for a science fiction plot. Such transformations fit into the topic of transhumanism, which encompasses the consequences of transcending the boundaries set by nature when the violation of the usual system of properties assumed to be human occurs.

In this regard, it is worth noting the nonce word combination “*homo alius*” that was created and used by the publishers of A. Belyaev’s works as a summarizing title to combine his novels “The Amphibian Man”, “The Last Man from Atlantis”, and “The Man Who Lost His Face” into one volume (Belyaev 2021). The publishers do not offer any specific explanations for the choice of the expression, as it may be intuitive: we are discussing certain significant differences between the characters and ordinary people. This word combination appears to be suitable and useful in describing the subject of our study: the features of the science fiction view of a human – originally an Earthly being – as an alien.

The purpose of this article is to understand how science fiction explores the theme of “the other” as different and alien, in terms of the interaction between concepts of extraterrestrials and Earthlings, leading to a perception of Earthlings as extraterres-

trials. To do this, we will examine the interaction between two key themes: 1) human perceptions of extraterrestrial life, and 2) the modification of human beings over significant periods of time under certain circumstances. The study will be based on the material from a wide range of science fiction literature. A comparative motif analysis will be used to draw reasonable and convincing conclusions from the data.

It should be noted that this approach has not been used until now. Several works explore the origins and specific features of the portrayal of extraterrestrial beings in science fiction from a cultural and philosophical perspective.

K. Ivanov sees the reason for the flourishing of the theme of extraterrestrial life in the 20th century culture in “a complex worldview that at the turn of the 20th century led to the emergence of instrumental cognitive industries such as racial determination, physical anthropology, and ethnogeography”. (Ivanov 2018, p. 186). Fictional extraterrestrial creatures, both individually and as communities, are fascinating objects of comprehension made up to both surprise and mirror Earthlings. The researcher approaches the idea of contact with extraterrestrial life in a predominantly psychoanalytic manner: “You can find continuity in the reverse movement, aimed at finding the ‘Other’, but eventually leading to your own *Self*. First, it is the East for Europeans, then aliens for humans, then the non-anthropomorphic intelligence against the anthropomorphic one, and finally, the non-anthropomorphic entity settling inside us”. (Ivanov 2018, pp. 216–217). L. Romanchuk and V. Dyabina analyze the psychological, religious, social, and political roots of the alien myth, providing a classification of the roles “that are given to space visitors in literature and cinema: liquidators, hunters, rescuers, ‘dark horses’, enslavers, controllers, experimenters, slaves, ‘helpless sheep’, scouts, partners, victims, ‘gardeners’...” (Romanchuk, Dyabina 2024, p. 12).

However, we have not come across a single paper that deals with the specific problem of transforming a person from the Earth into an alien, which interests us.

Research Progress

1. There are two main types of representations of extraterrestrial beings, which have their roots in the xenophobia of ancient myths. These fearsome aliens vary in how different they are from humans. The alienness of the inhabitants of another village differs from that of monsters that live in forests or deep seas.

The alienness of the inhabitants of another village is related to the remoteness of that village. Our neighbours are similar to us, while the inhabitants of remote islands and continents beyond the seas are significantly different. According to Herodotus, “the dog-headed and the headless men that have their eyes in their chests” live in Tunisia (Herodotus 2024, 4.191.4). At the dawn of science fiction, extraterrestrial life was paradoxically portrayed as a not very distant neighbour, as a variation of a foreigner, also human, but from another country, different from the native, but not drastically. In the ‘True Story’ of Lucian, there are strange lunar animals, but humans are not remarkable in their physical appearance, and even those who can fly do so not due to their physiology, but rather through the clever use of clothing-like sails (Lucian 1894). Cyrano de Bergerac describes the inhabitants of the Moon: “they were proportioned and shaped like us,” but “I could meet with none of them but who marched upon all four <...> For they were of opinion, that Nature having given to men as well as Beasts Two Legs and Two Arms, they should both make use of them alike”. (Bergerac 1899). In Frances Godwin’s work, the differences – both external and internal – are amplified: “Master thereof being full twenty-eight high, and I suppose his Body would weigh twenty-five or thirty of ours. < ... > Many of them live wonderful long, even beyond Belief, affirming to me, that some survived thirty thousand Moons, which is above a thousand Years” (Godwin 1768).

The differences between the Martians in most science fiction versions are also within a reasonable range. A. Tolstoy describes the “bluish faces” of Aelita and other Martians (Tolstoy 1982). In R. Bradbury’s “Martian Chronicles”, the inhabitants of the red planet have “the fair, brownish skin of the true Martian, the yellow coin eyes, the soft musical voices.” (Bradbury 1990, p. 2). They have unusual abilities that make it easier to communicate with Earthlings: “‘But, my good woman, how is it you speak such perfect English?’ ‘I’m not speaking, I’m thinking,’ she said. ‘Telepathy!’” (Bradbury 1990, p. 17).

H.G. Wells, in “The War of the Worlds”, gave rise to a different type of extraterrestrials – as completely alien – both physically and psychologically. This idea refers to Chthonic monsters, but with a certain scientific justification. “The peculiar V-shaped mouth with its pointed upper lip, the absence of brow ridges, the

absence of a chin beneath the wedgelike lower lip, the incessant quivering of this mouth, the Gorgon groups of tentacles, the tumultuous breathing of the lungs in a strange atmosphere, the evident heaviness and painfulness of movement due to the greater gravitational energy of the earth—above all, the extraordinary intensity of the immense eyes—were at once vital, intense, inhuman, crippled and monstrous. There was something fungoid in the oily brown skin, something in the clumsy deliberation of the tedious movements unspeakably nasty. Even at this first encounter, this first glimpse, I was overcome with disgust and dread.” (Wells 2021). People’s attempts to make contact with Martians, assuming that they “were evidently, in spite of their repulsive forms, intelligent creatures” (Wells 2021), ended in their death from a heat ray.

H.P. Lovecraft expanded the range of alienness by creating stories about the infiltration of various extremely unusual races onto Earth. Here’s just one example: “It was a great crab with a lot of pyramided fleshy rings or knots of thick, ropy stuff covered with feelers where a man’s head would be. That green sticky stuff is its blood or juice < ... > Indeed, the type is composed of a form of matter totally alien to our part of space – with electrons having a wholly different vibration-rate. That is why the beings cannot be photographed on the ordinary camera films and plates of our known universe, even though our eyes can see them” (Lovecraft 2024).

The theme of monstrous alien representatives of other worlds is explored in many science fiction texts. S. Lem in his novel “Eden” and P. Watts in his novel “Blindsight” consider contact between humans and aliens to be impossible due to their completely different ways of perceiving the world, even up to the absence of self-awareness in a human sense. “They’re not even hostile. Not even capable of hostility. Just so profoundly alien that they couldn’t help but treat human language itself as a form of combat.. < ... > evolution across the universe was nothing but the endless proliferation of automatic, organized complexity, a vast arid Turing machine full of self-replicating machinery forever unaware of its own existence. And we – we were the flukes and the fossils.” (Watts 2006). In his trilogy “Remembrance of Earth’s Past”, Liu Cixin uses the “dark forest hypothesis”, which states that any contact between two civilizations can only lead to the destruction of one of them. This means that aliens are unambiguously dangerous (Cixin 2015).

2. Science fiction has a long history of depicting alien life forms, whose physiology and intelligence differ significantly from that of humans. In this regard, a notable theme is the perception of the actual representatives of the human species as aliens, different from the modern inhabitants of the Earth. This alienness is often the result of various types of mutations. Mutated Earthlings become figures of “the other”, up

to the status of aliens, in the coordinates of the reality created in the work.

The beginning of this topic was also set by H.G. Wells, who, in the "Time Machine", described the radical division of humanity into two species, the Eloi and Morlocks, in the future, as a result of the gradual transformation of class divisions into physiological and mental differences. "The too-perfect security of the Overworlders had led them to a slow movement of degeneration, to a general dwindling in size, strength, and intelligence. <...> from what I had seen of the Morlocks – that, by the bye, was the name by which these creatures were called – I could imagine that the modification of the human type was even far more profound." (Wells 2021). Morlocks, who live underground and feed on Eloi, are presented by Wells as a kind of Chthonic monsters: "You can scarce imagine how nauseatingly inhuman they looked – those pale, chinless faces and great, lidless, pinkish-grey eyes!" (Wells 2021).

Here we can see a connection between the concept of the absolute alienness, the unsuitability of extraterrestrials for contact and the idea of the monstrousness of the Earthlings who have "fallen away". The vectors set out by Wells are most clearly developed in Neal Stephenson's novel "Seveneves". A catastrophic event of cosmic proportions – the unexplained and spontaneous disintegration of the Moon and the subsequent prolonged period of debris raining down on Earth – wipes out most of humanity. Only a few small groups manage to survive: those who hid in underground shelters, those who took refuge underwater, and those who were sheltered on an orbital station. After thousands of years, these groups' offspring have radically diverged in race and species. For "space" people, this divergence is the result of a carefully planned process of genetic engineering. There is a problem with communication, as the descendants of Earthlings, who have "buried themselves in the ground", see those who have returned from space as strangers and the descendants of traitors with unjustified claims on the planet, and they are ready to fight and die in battle with the aliens. The race that survives underwater is the most distant from the basic human body model and most resembles the sea creatures from Lovecraft's set of sinister races: "As the first one ascended into shallower water, the shape of his body became clearer: round, and, in general, sort of projectile-like. <...> Nothing was visible between their legs save a system of concentric folds within which, Ty assumed, a fairly normal set of genitalia must be hiding. Perhaps just awaiting a suitable invitation to present themselves. < ... > The underlying skulls probably looked the same as those of rootstock humans. But eyes, ears, and nostrils were guarded by systems of muscled flaps that were always in some amount of motion. < ... > These people were to more ordinary humans as bulldogs were to hounds." (Stevenson 2015, p. 862).

In the novel "The Waves Extinguish the Wind" by A. and B. Strugatsky, the divergence of human species is predicted in two indicative scenarios. First, after the general implementation of the fucamization procedure, which enhances body immunity and adaptability, there is a problem with a situation where "humanity, due to fucamization's effects, has split into two genotypes." (Strugatsky A., Strugatsky B. 2023, p. 42). Secondly, researchers of the possibility of contact with supercivilization put forward a hypothesis that "humanity will be split into two unequal parts by some criteria unknown to us, the smaller part will forcefully and irreversibly surpass the greater part, and all of this will come to pass through the will and art of a supercivilization decidedly alien to humanity" (Strugatsky A., Strugatsky B. 2023, p. 17).

Thus, the otherness of a specific group of representatives of the human species, as understood in science fiction, can be determined by either purposeful genetic engineering strategies, or by mutations arising from environmental factors. The influence of the environment can take forms of both changes in living conditions on Earth and during human spaceflight. In Stanislaw Lem's novel "Return from the Stars", both options work. Paradoxically, the astronaut retains the original human qualities and finds himself in the position of an alien. After a long absence, he returns to his home planet and discovers that Earthlings have been pampered by technological progress and a lack of conflict in society. It is achieved through a deliberate "correction" of human nature, which involves removing the tendency towards aggression and risk-taking. The new Earthlings, who resemble the Eloi, perceive the "ancient" astronaut as a loathsome threat: "Don't let it touch me!". He is "possessed by a feeling of incredible alienation" (Lem 2020, p. 4).

Moving to other planets or into space turns Earthlings into "aliens" both nominally and physically. The descendants of the emigrants from Earth in Robert Heinlein's novel "The Moon is a Harsh Mistress" cannot live on our planet, as their bodies are no longer adapted to the 1 g gravity. In J. Corey's novel series "The Expanse", the inhabitants of the asteroid belt known as "Belters", whose ancestors also migrated from Earth, are significantly different in appearance from Earthlings due to their constant exposure to zero gravity or low gravity: they are much taller, thinner and have noticeably larger heads.

In the novel "Noon: 22nd Century" by A. and B. Strugatsky, a scientists reflect on this issue: "Dickson worked in space psychology and human space physiology. He was old, he knew a great deal, and he had carried out on himself and others a heap of insane experiments. He had come to the conclusion that a person who has been in space all in all for more than twenty years grows unused to Earth and ceases to consider it home. Remaining an Earthman, he ceases

to be a man of Earth.” (Strugatsky A., Strugatsky B. 1978, p. 154).

The theme of otherness is often explored in relation to socio-political aspects which were first discussed by Wells in “The Time Machine”. R. Heinlein’s Loonies (inhabitants of the Moon) and J. Cory’s Belters refer to the Morlocks to some extent: they are the lowest level in society, the working class that is trying to claim its rights. “Here in Luna we’re rich. Three million hardworking, smart, skilled people, enough water, plenty of everything, endless power, endless cubic. But what we don’t have is a free market. We must get rid of the Authority! < ... > Comrades, harken to me! Every load you ship to Terra condemns your grandchildren to slow death. The miracle of photosynthesis, the plant-and-animal cycle, is a closed cycle. You have opened it – and your lifeblood runs downhill to Terra. You don’t need higher prices, one cannot eat money! What you need, what we all need, is an end to this loss. Embargo, utter and absolute. Luna must be self-sufficient!” (Heinlein 1997, pp. 20, 24).

Heinelein’s Loonies use a specific language that developed on the basis of English with the influence of Russian. In “The Moon...” we can find a number of Russian words written according to the phonetic principle:

“I bowed. ‘Dosvedanyuh, Gospazha, ee sp’coynoynochi.’” (Heinlein 1997, p. 30).

“‘P’jal’st. My temporary files were getting full...’” (Heinlein 1997, p. 40).

“‘Me? Great Bog, nyet!’” (Heinlein 1997, p. 73).

“An ad appeared in Lunaya Pravda announcing lecture by Dr. Adam Selene on Poetry and Arts in Luna...” (Heinlein 1997, p. 169).

This type of language is often a characteristic feature in the portrayal of homo alius in science fiction: their language is depicted as being mutated through hybridization.

In J. Cory’s “Expanse” the inhabitants of the stations in the asteroid belt and of the moons of Jupiter and Saturn also speak a creole language, which is the result of a fusion and linguistic mutation of Earth languages:

“‘Que sa, Giambattista,’ she said. ‘Rocinante, wir. Go es gut alles la?’”

The wolf grinned. ‘Bist bien, sera Nagata suer. Give us your warriors girl, and let us kick these cocks à l’envers a pukis.’” (Cory 2016, p. 394).

In Stephenson’s “Seveneves”, the inhabitants of space cities, descendants of those who fled from Earth, speak a language called Anglish, it was influenced by Russian, even more so than in Heinlein’s novel.

“The ports were individually numbered with glowing digits, and annotated, in the mixture of Latin and Cyrillic used throughout the ring, as to their purposes:

TRANZIT
IMMIGRAIIION
MILITARY

CURVEY

СРЕИ СРЕТЗ” (Stevenson 2015, p. 642).

“Thousands of years had passed before anyone, even in the most remote outposts of human settlement, had dared to suggest that religion, in anything like its traditional sense, might be or ought to be revived. In its place a new set of thoughtways had grown up under the general heading of ‘dukh’, a Russian word referring to the human spirit.” (Stevenson 2017, p. 674).

The tendency of science fiction to portray “break-away” Earthlings as extraterrestrials, which we have discussed, is somewhat different in Ivan Yefremov’s novel “The Hour of the Bull”. The inhabitants of the planet Tormans are descendants of Earthlings who left their home planet many centuries ago. After that their “ships fell into a region of negative gravity, fell into zero-space, and from there, naturally, slid back, flying hundreds of parsecs in an instant.” (Yefremov 1988, p. 26). Despite a very long period of separation, the Tormansians are not different from Earthlings in terms of their physical appearance or physiology. The differences become apparent in their psychology, both individually and collectively. Yefremov’s exploration of this side of extraterrestrial life fits perfectly with his philosophical approach, which is primarily focused on socio-political critique and design. This results in a unique combination of utopian and dystopian elements.

But the Tormasian language is presented according to the specific features described above. It is also a hybrid of terrestrial languages, “with its semantics and aldeology closely resembling ancient languages on Earth. It has an amazing blend of East Asian words and English, which was common at the end of the EDW” (“Aldeology” is Yefremov’s nonce word meaning the principles that help a particular language maintain its uniqueness. “EDW” means “The Era of Disjoint World”, one of the eras of human history in Yefremov’s novel) (Yefremov 1988, p. 67).

The problematic nature of the otherness of Earthlings, who have somehow “fallen away” from the usual human status, is most thoroughly explored, in our opinion, in the Strugatsky brothers’ novel “The Waves Extinguish the Wind”. A representative of a race of superbeings explains the process of their “hatching” out of Earthlings to the main characters of the Noon Universe Gorbovsky and Komov.

“We do not yet have a widely accepted name for ourselves. Most use the term metahume, as in beyond human... I prefer to call us ludens. First, luden rhymes with human, second, one of the first ludens was Pavel Ludenov, our Adam.” (Strugatsky A., Strugatsky B. 1997, p. 156). The words “metahume” and “beyond human” clearly have a connection with transhumanism. “Luden” has a Russian root, “l’ud-”, as in the word “l’udi” – “people”, “humans”, but it includes the syllable “-en” (reversed “non” in Rus-

sian) and can be seen as an anagram for “nel’ud” meaning “non-human”. Therefore “luden” indicates both a relation and a divergence from the original humanity. Gorbovsky offers an optimistic view of the situation, rejecting the perception of Ludens as completely alien: “Humanity has always advanced into the future led by its best representatives. We’ve always felt pride in our geniuses, not disappointment in not being one of them. And Daniel Alexandrovich may be droning on here about being a luden and not human – that’s all just terminology... You’re human anyway; more than that, you’re the people of Earth, and you won’t get away from it.” Komov points out the excessive calmness of this approach: “You, Leonid Andreievich, sometimes simply amaze me with your frivolity! This is a schism! Schism, do you understand?” (Strugatsky A., Strugatsky B. 1997, p. 160). Thus, the ambiguity of the perception of a homo alius with respect to ordinary people in terms of “friend-foe”, “ally-opponent”, “familiar-unusual”, etc., is outlined.

Results obtained and conclusions

At the end of our study, we will outline the specific features of how science fiction explores the theme of “the other” as different and alien, in terms of the interaction between concepts of extraterrestrials and Earthlings, leading to a perception of Earthlings as extraterrestrials.

1. The concept of extraterrestrial life in science fiction can take two forms. They can be depicted as beings similar to Earthlings in terms of physical and psychological characteristics (a type of neighbour / inhabitant of another village), contact with them being possible and beneficial. Alternatively, they can be portrayed as totally different and frightening creatures (a type of monster), contact with them leading to death or being impossible.

2. In science fiction, humans can also be seen as figures of “the other”, even to the point of being extraterrestrial, if they undergo various types of mutations. These mutations can result from either deliberate genetic engineering or from environmental factors. Environmental influences can take the form of changes in living conditions on Earth or during human space travel. Due to the extreme divergence of species, Earthlings who have “fallen away” may be perceived as unacceptable monsters.

3. The theme of otherness is often explored in relation to socio-political issues. In this context, Earthlings who have become extraterrestrial beings are seen as the lowest class in society, a working class that struggles to assert their rights.

4. A characteristic feature in the portrayal of homo alius in science fiction is the language, which is often depicted as having mutated through hybridization.

5. The way that homo alius is perceived in relation to normal human beings in science fiction is al-

ways ambiguous, leading to a variety of relationships between the concepts within the semantic field of “friend or foe”.

References

- Bergerac, C. de (1899), *A Voyage to the Moon*, Doubleday and McClure Co, New York, USA, [Online], available at: <https://www.gutenberg.org/files/46547/46547-h/46547-h.htm> (Accessed 17 Nov 2024).
- Bradbury, R. (1990), *The Martian Chronicles*, Bantam Books, New York, NY, USA.
- Cixin, L. (2015), *The Three-Body Problem Trilogy: Remembrance of Earth's Past*, Head of Zeus, London in Association with Goldsboro Books, London, UK.
- Corey, J. (2016), *Babylon's Ashes*, Orbit, New York, NY, USA.
- Heinlein, R. (1997), *The Moon is a Harsh Mistress*, Orb Books, New York, NY, USA.
- Herodotus (2024), *Histories*, Godley A.D. (ed.), [Online], available at: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.01.0126> (Accessed 17 Nov 2024).
- Godwin, F. (1768), *The Strange Voyage and Adventures of Domingo Gonsales, to the World in the Moon*, [Online], available at: https://en.wikisource.org/wiki/The_Strange_Voyage_and_Adventures_of_Domingo_Gonsales_to_the_World_in_the_Moon (Accessed 17 Nov 2024).
- Lovecraft, H.P. (2016), *The Whisperer in Darkness*, [Online], available at: <https://www.hplovecraft.com/writings/texts/fiction/wid.aspx> (Accessed 17 Nov 2024).
- Lem, S. (2020), *Return from the Stars*, MIT Press, Cambridge, MA, USA.
- Lucian (1894), *True History*, [Online], available at: <https://www.gutenberg.org/files/45858/45858-h/45858-h.htm> (Accessed 17 Nov 2024).
- Stephenson, N. (2015), *Seveneves*, William Morrow, New York, NY, USA.
- Strugatsky, A. and Strugatsky, B. (1978), *Noon: 22nd Century*, MacMillan Publishing Company, New York, NY, USA.
- Strugatsky, A. and Strugatsky, B. (2023), *The Waves Extinguish the Wind*, Chicago Review Press, Chicago, IL, USA.
- Watts, P. (2006), *Blindsight*, [Online], available at: <https://www.rifters.com/real/Blindsight.htm> (Accessed 17 Nov 2024).
- Wells, H. (2021), *The Time Machine*, [Online], available at: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/35/pg35-images.html> (Accessed 17 Nov 2024).
- Wells, H. (2021), *The War of the Worlds*, [Online], available at: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/36/pg36-images.html> (Accessed 17 Nov 2024).
- Belyaev, A. (2021), *The Amphibian Man. The Last Man from Atlantis. The Man Who Lost His Face*, T8 RUGRAM, Moscow, Russia.

Efremov, I.A. (1988), *Hour of the Bull*, MPI Publishing House, Moscow, USSR.

Ivanov, K. (2018), Dreams about journeys through space and the underworld in early Soviet science-fiction, *Russian Journal of Philosophy and Humanities "Logos"*, vol. 2 (123), pp. 159–224, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/voobrazhaemye-kosmicheskie-puteshestviya-v-ranney-sovet-skoy-nauchnoy-fantastike> (Accessed 28 July 2024).

Romantchuk, L. and Dyabina, V. (2024), Social And Culturological Roots of Alien Myth. Images of Aliens In Movy Myths And Literature, *Universum: Philology and Art History*, vol. 2 (116), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-i-kulturologicheskie-korni-inoplanetnogo-mifa-obrazy-prisheltsev-v-kinomifah-i-literatur> (Accessed 27 July 2024).

Samorukova, I.V. (2013), *Fantastic World and Fantastic Plot: The Problem of Innovation in Science Fic-*

tion, The Second Lem Readings: Collection of Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation in Memory of Stanislaw Lem, March 28-30, 2013, [Online], available at: <http://repo.ssau.ru/handle/Vserossiiskaya-nauchnaya-konferenciya-s-mezhdunarodnym-uchastiem-pamyati-Stanislava-Lema/FANTASTICHESKII-MIR-I-FANTASTICHESKII-SUZHET-PROBLEMA-INNOVACII-V-SCIENCE-FICTION-60797> (Accessed 26 Jul 2024).

Tolstoy, A.N. (1982), *Aelita*, Collected works: in 10 volumes, vol. 3, Fiction, Moscow, USSR.

Дата поступления: 08.10.2024

рецензирования: 27.11.2024

принятия: 10.12.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-4-49-55

Дата поступления: 05.10.2024
рецензирования: 23.11.2024
принятия: 09.12.2024

Е.М. Кирякова
Южно-Уральский государственный
университет (Национальный
исследовательский университет),
г. Челябинск, Российская Федерация
E-mail: kiriakovaem@susu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6093-2091>

Интертекстуальность в книге Павла Улитина «Макаров чешет затылок»

LITERATURE STUDIES

Аннотация: в статье предпринята попытка проанализировать способы репрезентации интертекстуальности на материале книги Павла Улитина «Макаров чешет затылок». В ходе исследования для интерпретации роли интертекстуальности был использован контекстологический метод. В процессе работы были выявлены две наиболее многочисленные группы интертекстуальных единиц: интертекстуальные включения в виде прецедентных имен собственных и интертекстуальные включения из произведений мировой литературы. Интертекстуальные включения принадлежат разным культурам: европейской, русской, американской, китайской и другим. Широкий культурно-исторический контекст дополнен интертекстуальными включениями на немецком, английском, французском и польском языках, что мешает автоматическому восприятию текста. Далеко не все интертекстуальные единицы, отсылающие к литературным произведениям, легко идентифицировать в процессе чтения, потому что они в разной степени соответствуют воспроизводимому претексту. Интертекстуальные включения приобретают новые оттенки смысла, порой очень личного. Этот сложный для восприятия текст, как мозаика составленный из собственных и чужих фраз, голосов и воспоминаний, насыщенный интертекстуальными единицами, является образцом уникального стиля автора. Используя чужую речь и интертекст как часть «скрытого сюжета» и способ самоцензуры, Улитин создает текст-шифровку, не ориентируясь на читателя.

Ключевые слова: интертекстуальность; интертекстуальные единицы; прецедентные имена собственные; монтажная проза; библионимы; антропонимы; идиостиль.

Цитирование: Кирякова Е.М. Интертекстуальность в книге Павла Улитина «Макаров чешет затылок» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 49–55. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-49-55>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кирякова Е.М., 2024

Елена Маратовна Кирякова – аспирант кафедры русского языка и литературы Института медиа и социально-гуманитарных наук, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), 454080, Российская Федерация, г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76.

SCIENTIFIC ARTICLE

E.M. Kiriakova
South Ural State University (National Research
University), Chelyabinsk, Russian Federation
E-mail: kiriakovaem@susu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6093-2091>

Intertextuality in the book by Pavel Ulitin "Makarov scratches the back of his head"

Abstract: the article attempts to analyze the ways of representing intertextuality using the book Makarov Scratches His Head by Pavel Ulitin as the material. The contextual method was employed to interpret the role of intertextuality during the research. Two most numerous groups of intertextual units were identified: intertextual inclusions in the form of proper names with precedent and intertextual inclusions from the variety of literary texts. These intertextual inclusions belong to various cultures: European, Russian, American,

Chinese, and others. The broad cultural and historical context is further supplemented by intertextual inclusions in German, English, French, and Polish, which complicates the automatic perception of the text. Not all intertextual units referring to literary works are easy to identify while reading, as they correspond to the reproduced pretext to varying degrees. Intertextual inclusions acquire new shades of meaning, sometimes very personal ones. This complex text, constructed like a mosaic from his own and other people's phrases, voices, and memories, with numerous intertextual units, serves as an example of the unique style of the writer. By using different voices and intertext as part of a hidden narrative and a means of self-censorship, Ulitin creates a coded text that does not appeal to the reader.

Key words: intertextuality; intertextual inclusions; proper names with precedent; montage prose; biblio-names; anthroponyms; idiostyle.

Citation: Kiriakova, E.M. (2024), Intertextuality in the book by Pavel Ulitin "Makarov scratches the back of his head", *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 49–55, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-49-55>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Kiriakova E.M., 2024

Elena M. Kiriakova – post-graduate student of Department of Russian Language and Literature, Institute of Media, Social Sciences and Humanities, South Ural State University (National Research University), 76, Lenin Prospekt, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation.

Введение

Павел Улитин создавал свои оригинальные произведения в 1940–1970 гг. прошлого века, однако его книги стали известны широкому кругу читателей только в начале 2000-х годов. Всего в печать вышли три его книги – «Разговор о рыбе» (2002), «Макаров чешет затылок» (2004) и «Путешествие без Надежды» (2006). Невозможно отнести его произведения к какому-либо жанру. Илья Кукулин, например, называет творчество писателя пропущенным звеном в эволюции русской литературы, которое связывает монтажные эксперименты в прозе 1920-х годов с неподцензурным искусством 1970-х, в первую очередь, с концептуализмом. Монтаж и фрагментарность текста тесно связаны с наличием в нем интертекстуальных элементов (Кукулин 2014). Данная статья посвящена анализу феномена интертекстуальности в книге Павла Улитина «Макаров чешет затылок». Книга была написана в 1966–1967 гг. и издана в 2004 году. В предисловии Михаил Айзенберг отмечает: «текст Улитина это во многом “чужая речь”: мозаика чьих-то слов, перемешанных и выстроенных заново по другим законам».

На страницах книги можно найти множество интертекстов, которые вплетены в саморефлективный поток сознания, основанный на ассоциациях. Они отсылают читателя к произведениям мировой литературы и литературным героям, историческим личностям и событиям, к поп-культуре и кинематографу. В тексте интертекстуальные единицы частично или полностью утрачивают оригинальное значение и обретают новые смыслы. Неатрибутированные интертекстуальные единицы (аллюзии), по Н.А. Фатеевой, «выполняют функцию открытия нового в старом». Открытие требует усилий со стороны читателя, таким образом создается дополнительный стили-

стический эффект (Фатеева 1998). Чтение такого текста, изначально не ориентированного на читателя, превращается в интеллектуальное испытание: приходится переходить на другой язык, идентифицировать интертекстуальные включения в тексте и даже менять темп и ритм чтения. Все это нарушает плавный автоматизм восприятия текста и таким образом усиливает присутствие автора, текст более живо и достоверно передает особенности индивидуального стиля и речи писателя, а интертекстуальные единицы значительно расширяют возможности творческой интерпретации текста.

Ход исследования

Художественный текст передает множество имплицитных сигналов, разгадав которые читатель получит дополнительные смыслы и выйдет за ограниченные рамки прямой трактовки текста. Сам писатель говорил, что использует «стилистику скрытого сюжета», поэтому культурные отсылки к прецедентным текстам и именам собственным являются важной особенностью его идиостиля. В процессе обработки эмпирического материала, был использован метод контекстологического анализа, который позволил интерпретировать роль интертекстуальности в произведении Павла Улитина «Макаров чешет затылок».

Наиболее многочисленная группа интертекстуальных единиц в тексте книги «Макаров чешет затылок» относится к прецедентным именам собственным. Прецедентные имена собственные являются одной из сильных и наиболее концентрированных интертекстуальных единиц. Прецедентное имя собственное способно выступать в качестве интертекстуального знака как самостоятельно, так и в составе других единиц интертекста. Сложность значения, информативная

насыщенность, повышенная ассоциативность делает его удобной базой для создания интертекстуальной связи (Гойко 2020). Прецедентные имена собственные – важнейшая часть национальной культуры в ее историческом развитии. Антропонимы являются частью широкого ономастического пространства текста книги, которое можно подразделить на определенные зоны или «поля» (А.В. Суперанская).

В тексте книги «Макаров чешет затылок» присутствуют многочисленные антропонимы – имена знакомых и современников писателя (С.П. Писарев, Ю. Соостер, А.И. Неусыхин); имена писателей (А.Д. Синявский, Н.В. Гоголь, Дж. Джойс, М.А. Шолохов, Б. Шоу, Ф. Кафка, У. Шекспир, Э. Хемингуэй, О. Хаксли, Дж. Оруэлл); имена исторических личностей (Чингис Хан, Наполеон, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Мао Цзэдун, Ч. Моиз); литературные онимы и поэтонимы – имена литературных героев (Сирано де Бержерак, Дон Кихот, профессор Хиггинс, О'Брайен); мифонимы (Сцилла и Харибда, Ариадна, Баба Яга, Мальчик-с-Пальчик, Крошка Ру), библионимы («Фауст», «Горбатый медведь», «La Chamade»). Помимо прецедентных имен собственных, в тексте книги «Макаров чешет затылок» присутствуют многочисленные отсылки к литературным текстам. Наиболее часто встречаются строки из стихотворений русских и зарубежных поэтов (А.С. Пушкина, С.А. Есенина, Б.Л. Пастернака, Р. Киплинга и др.), к художественным текстам русской и зарубежной литературы. Павел Улитин знал три иностранных языка: немецкий он учил в школе, английский и французский – в Институте философии, литературы и истории, поэтому текст его книг написан на трех и более языках. Интертекстуальные единицы, как можно заметить по примерам, принадлежат культурам разных стран, и это является показателем эрудиции и начитанности писателя, его высокой культурологической и лингвистической компетентности.

Имя ирландского писателя, поэта и литературного критика Джеймса Джойса (1882–1941) упоминается в тексте книги не менее десяти раз, например: «Ваша профессия, господин Джойс? Учитель языков. А почему не ом де летр? А кто уважать будет, фыркнул Джойс. Учитель языков – это почтенное занятие профессора Хиггинса, а писатель – это дело такое туманное, что в гостиницу не пустят: а вдруг не заплатит за номер? Ирония звучала только по-английски: игра слов – джойз – радости и Джойс – фамилия» (Улитин 2004). Здесь Улитин говорит о биографии Дж. Джойса, который действительно работал учителем английского языка, преподавал в языковой школе Berlitz. Он откликнулся на объявление о вакансии в 1904 году, чтобы со своей будущей женой Норой уехать из Дублина в Цюрих. Когда они

прибыли туда, оказалось, что открытой вакансии нет. Но там им сообщили, что появилась вакансия в школе Berlitz в Триесте, Италия. Пара собрала вещи и отправилась в Италию только для того, чтобы узнать, что их снова обманули. В конце концов Джойс нашел работу преподавателя в Berlitz в Поле в Австро-Венгрии (сейчас Пула, Хорватия). Этот факт сближает Джойса и Улитина, который, как известно, тоже давал уроки английского языка. В этом контексте престиж профессии учителя языков акцентирован образом лондонского профессора фонетики Генри Хиггинса, героя пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион» (1912). Хиггинс смог обучить цветочницу Элизу Дулиттл безупречному произношению и манерам настолько успешно, что ее принимают в высшем обществе. Джойс знал несколько иностранных языков, включая французский, итальянский, греческий, поэтому быть преподавателем языка, каким был Джойс, значило уметь направлять человека в новый символический порядок, находя и разделяя сходства и различия между словами и их употреблением, контекстами, коннотациями и резонансами, постепенно формируя более широкое понимание смыслов, чем в любом языке, «представить язык – значит представить форму жизни» (Wittgenstein 1994). При этом о профессии писателя (*homme de lettres*, литератор) говорится с явным пренебрежением, хотя Джойс известен в первую очередь как писатель и автор одного из самых влиятельных произведений, когда-либо написанных на английском языке. Его роман «Улисс» часто упоминается в рейтингах великих книг, а академические работы, посвященные анализу его работ, актуальны и сегодня. Многие писатели, режиссеры и художники находились под влиянием стилистических новшеств Джойса, таких как скрупулезное внимание к деталям, использование внутреннего монолога, игры слов и радикальной трансформации традиционного сюжета и развития персонажей. Улитин обращает внимание на созвучие фамилии ирландского писателя *Joyce* и английского слов *joys* (*радости*, мн.ч.), которые отличаются всего одним звуком [s] и [z].

Рассмотрим еще один пример упоминания имени писателя в тексте книги «Макаров чешет затылок»: «А за это время утеряно. Как первый роман Олдоса Хаксли, написанный ослепшим мальчиком шрифтом Брайля для слепых. Импульс задан» (Улитин 2004). Олдос Леонард Хаксли (1894–1963) – английский писатель, автор стихов, пьес, философских эссе и множества романов. В подростковом возрасте он перенес тяжелое заболевание, инфекция поразила его глаза, и мальчик практически ослеп. Все было настолько серьезно, что он научился читать шрифт Брайля. В семнадцать лет Хаксли изучал литературу в Баллиольском

колледже в Оксфорде, в это же время он написал свой первый роман, который не был опубликован. Все, что было доступно ему в зрительном восприятии на протяжении уже взрослой жизни, – это туманные пятна света и цвета, неопределенные очертания предметов (Хаксли 1993).

Дальше по тексту книги «Макаров чешет затылок» мы видим отсылки к самому значительному произведению Хаксли, к роману-антиутопии «О дивный новый мир» («Brave New World»): «А французы переводят как “Лучший из миров”. А немцы “Прекрасный новый мир”. А буквально – “Храбрый новый мир”» (Улитин 2004). Улитин приводит варианты перевода названия романа Хаксли на другие языки, однако оно само интертекстуально и представляет собой строку из трагикомедии У. Шекспира «Буря» (1623):

M i r a n d a

O, wonder!

How many goodly creatures are there here!

How beauteous mankind is! O brave new world,

That has such people in't!

М и р а н д а

О чудо!

Какое множество прекрасных лиц!

Как род людской красив! И как хорош

Тот новый мир, где есть такие люди!

Так Хаксли проводит параллель между двумя образами – шекспировской героиней Мирандой и дикарем (так в романе называют немногочисленных людей, живущих по-старому в резервации) Джоном в антиутопии. Они оба выросли в изоляции и восхищаются миром, о котором столько слышали и куда попадают. Хаксли изображает человека из мира прошлого, который не может принять мир будущего, где у людей нет проблем, они не привязаны ни к кому и ни о чем не переживают. Однако этот мир полностью лишен духовности, и окружающие не понимают, например, почему Джон тяжело переживает смерть матери.

Прецедентные имена и аллюзии в тексте Улитина несколько раз отсылают читателя к антиутопии. «БЕССТРАШНЫЙ НОВЫЙ МИР Фонтан, если сдерживать, прорвет мощным напором в одном месте: вот для этого и устраивают много отверстий для тонких струй. Им не позволяли даже невинный авто-эротизм. И результаты? И результаты были ужасные. В бесстрашном новом мире речь идет в первую очередь об эротическом подавлении и терроре. Метафора смешанная и растянутая на целый абзац. Трепотня. Чужая потому что. Своя трепотня – это всегда глубокая мысль. 27.1 1.65» (Улитин 2004). Улитин говорит о метафоре, в которой присутствует сравнение интенсивности чувств и напора потока воды. Если в трубе пробить одно отверстие, то получится мощный фонтан, а если много маленьких, то вода будет

спокойно вытекать из трубы небольшими струйками. Также и с чувствами, в «дивном новом мире» при воспитании детей руководствовались принципом «каждый принадлежит себе и остальным», приучая их воспринимать других людей как партнеров для удовольствия. «Это как эротическая игра у детей в новом мире. Ка-ак, так уж и нельзя было детишкам немножечко позабавиться? Да-а. Даже невинный детский Аутоэротизм был запрещен. Бесстрашный новый мир у Олдоса Хаксли – совсем не такая уж страшная картина. Нет той придавленности, страха и террора, что у Джорджа Орвелла в романе “1984”» (Улитин 2004). Улитин сравнивает две величайшие антиутопии XX века: «О дивный новый мир» (1932) и «1984» (1949). И действительно, картина будущего на первый взгляд кажется более привлекательной у Хаксли: человечество живет в одном большом государстве, а это значит, что нет войн между странами, при помощи науки люди победили болезни и старость, автоматизировали производство, создали процветающее стабильное общество, а Мировое Государство живет под девизом «Общность. Одинаковость. Стабильность». Однако основа стабильности и экономического благополучия скрыта в применении методов биологической и социальной инженерии, когда человек просто не способен вести себя как-то иначе, не так, как ожидает от него общество, при этом он уверен, что счастлив быть собой. Критика западного общества потребления делает явной единственную настоящую цель жизни в новом мире – поддерживать работоспособность системы, которой не нужны критически мыслящие люди, стремящиеся к развитию.

У Оруэлла, по мнению Улитина, будущее представляется значительно более мрачным, Англия существует под диктатурой Большого Брата, который контролирует каждого человека 24/7. Жизнь государства регулируют Министерство правды, фальсифицирующее историю, Министерство мира, отвечающее за бесконечную войну с соседними странами, Министерство изобилия, контролирующее поставки товаров, и Министерство любви, преследующее людей за мыслепреступления. Еще одним примером использования имени литературного героя как интертекстуальной единицы является упоминание О'Брайена, персонажа романа «1984»: «Но ты мне ничего не сказал насчет О-Брайена. Вот именно. Вот ужас». О'Брайен – сотрудник полиции мысли, высокопоставленный член внутренней партии, которая регулирует Ангсоц. Полиция мысли занимается наблюдением и перевоспитанием, применяя всевозможные пытки. Именно О'Брайен в романе доносит правду Уинстону Смит, который пошел на бунт против системы и совершил мыслепреступление: «Если вам ну-

жен образ будущего, вообразите сапог, топчущий лицо человека – вечно. И помните, что это – навечно. Лицо для растаптывания всегда найдется. Всегда найдется еретик, враг общества, для того чтобы его снова и снова побеждали и унижали. Все, что вы перенесли с тех пор, как попали к нам в руки, – все это будет продолжаться, только хуже. Никогда не прекратятся шпионство, предательства, аресты, пытки, казни, исчезновения. Это будет мир террора – в такой же степени, как мир торжества. Чем могущественнее будет партия, тем она будет нетерпимее; чем слабее сопротивление, тем суровее деспотизм» (Оруэлл 1984).

Еще одна отсылка к роману «1984» в тексте Улитина представляет собой строки из песенки: «Under the spreading chestnut tree I sold you and you sold me» (Улитин 2004). У Оруэлла: «And then – perhaps it was not happening, perhaps it was only a memory taking on the semblance of sound – a voice was singing:

‘Under the spreading chestnut tree
I sold you and you sold me’.

The tears welled up in his eyes. A passing waiter noticed that his glass was empty and came back with the gin bottle» (Orwell 1984).

В русском переводе Е. Кассировой эти строки звучат так: «Под развесистым каштаном / Продали средь бела дня – / Я тебя, а ты меня». В тексте Оруэлла эти строки тоже интертекстуальны, они отсылают читателя к балладе Генри Вордсворта Лонгфелло «Деревенский кузнец» (“The Village Blacksmith”) (1839): «Under a spreading chestnut-tree / The village smithy stands / The smith, a mighty man is he, / With large and sinewy hands». Эти строки имеют прямую связь с именем главного героя Уинстона Смита (Smith – Смит и smith – кузнец), кроме того, кафе, куда ходят главные герои, называется Chestnut Tree Cafe (в русской версии – «Под каштаном»). Лонгфелло воспел образ честного работающего кузнеца, однако его жизнь совершенно не похожа на жизнь героя Оруэлла: в мире Уинстона Смита запрещена религия и люди лишены всех основных прав, включая право на свободу вероисповедания. В отличие от честного труда кузнеца, который приводит в восхищение деревенских мальчишек, труд Смита заключается в фальсификации документов, он лишен настоящей ценности. Деревенский кузнец с любовью вспоминает свою жену, в каком-то смысле ее смерть не положила конец их браку; жена Смита ничего для него не значит, у них нет детей, он любит Джулию, но эта любовь не оставляет у него даже теплых воспоминаний. После ареста они признаются друг другу во взаимном предательстве, что и находит отражение в измененных словах баллады, которые цитирует Улитин.

В тексте книги содержится не менее семи отсылок к этим двум антиутопиям, и это говорит

нам, насколько актуальны эти произведения были лично для писателя. Вероятно, он провел много времени, размышляя о прочитанном. Улитин сам пережил арест, заключение и пытки, как герой Оруэлла. Название книги «Макаров чешет затылок» дает подсказку и возможное направление интерпретации текста. Улитин, обращаясь к возможному собеседнику на страницах книги, пишет: «Какой Макаров и почему он чешет затылок? А я думал, вы все знаете. <...> Шурик Макаров, лейтенант гос-безопасности, а разве вы ничего не знаете?».

Иногда прецедентные имена собственные становятся частью авторского каламбура, основанного на созвучии: «С вашими непричесанными мыслями вы не Е-Жи Лец на этом свете» (Улитин 2004). Имя польского поэта, философа и сатирика Станислава Ежи Леца (1909–1966) вписывается в часть фразы «вы не жилец на этом свете», создается ирония, особенно, если вспомнить, что Ежи Лец сам является автором множества афоризмов. Сборник афоризмов «Непричесанные мысли» («Mysli nieuczesane») был опубликован в 1957 году; Станислав Ежи Лец скончался после продолжительной болезни в 1966 году, таким образом дата приходится на время написания книги «Макаров чешет затылок».

Примером использования библионима как знака интертекстуальности можно назвать упоминания трагедии «Фауст» Гёте (1832). «А у меня в кармане рваного пальто “Фауст” по-немецки. Уж этого-то вы у меня отнять не можете! УЖ ЭТО-ГО-ТО ОНИ ОТНЯТЬ НЕ МОГУТ». «Чтобы читать “Фауста” Гете по-немецки, я готов все сделать. Ото всего отказаться. Даже от Москвы. Уехать и 2 года читать одного “Фауста”». «Чтение “Фауста” было прервано бомбежкой больницы. Коган остался, а меня на больничных дрожжах перевезли в деревянный домик. Чтение “Фауста” было прервано, когда она с яблоками лезла в окно» (Улитин 2004). «Фауст» – одно из самых значительных произведений мировой литературы, а сам доктор Фауст стал универсальным образом европейского человека и находится в одном ряду с такими великими образами, как Одиссей, Дон Кихот или Гамлет. Как вспоминает друг писателя, Зиновий Зиник, с этой книгой связан один эпизод в жизни Улитина: несколько месяцев во время войны он провел на оккупированной территории в госпитале. Он пишет: «... немецкого оказалось достаточно, чтобы именно цитатой из “Фауста” отбрызгать солдата вермахта, когда во время оккупации станицы Мигулинской тот стал подзревать в Улитине советского военнотруженика, демобилизованного в связи с ранением. Ранение (хромота) было результатом увечья во время допросов и отсидки в карцере Бутырской тюрьмы перед войной, но, видимо, с точки зрения не-

мецкого солдата знание языка “Фауста” само по себе реабилитировало Улитина, ограждая его от каких-либо подозрений в связях с советской властью». Таким образом, книга здесь присутствует в первую очередь как ценностный объект, важный лично для автора.

Трагедия «Фауст» в значительной степени послужила источником вдохновения для романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», и название оперы «Фауст» упоминается в диалоге Ивана Бездомного и Мастера: «Ну вот... ведь даже лицо, которое вы описывали... разные глаза, брови! Простите, может быть, впрочем, вы даже оперы “Фауст” не слышали?» (Булгаков, Мастер и Маргарита). Отсылки к «Мастеру и Маргарите» есть в книге Улитина: «От Пушкина до Тимирязева: не забуду никогда. Не читайте своих стихов, читайте хорошие. И зажигательные речи были?» (Улитин 2004). Тот же диалог с Мастером в палате поэта Ивана Бездомного является претекстом:

«— А вам, что же, мои стихи не нравятся? — с любопытством спросил Иван.

— Ужасно не нравятся.

— А вы какие читали?

— Никаких я ваших стихов не читал! — нервно воскликнул посетитель.

— А как же вы говорите?

— Ну, что ж тут такого, — ответил гость, — как будто я других не читал? Впрочем... разве что чудо? Хорошо, я готов принять на веру. Хороши ваши стихи, скажите сами?

— Чудовищны! — вдруг смело и откровенно произнес Иван.

— Не пишите больше! — попросил пришедший умоляюще.

— Обещаю и клянусь! — торжественно произнес Иван» (Булгаков, Мастер и Маргарита). Кроме того, в этом отрывке Улитин упоминает Тверской бульвар («от Пушкина до Тимирязева»), на котором находится дом, ставший прототипом булгаковского Дома Грибоедова. Во времена Булгакова здание по адресу Тверской бульвар, 25 занимали сразу две литературные организации: Российская и Московская ассоциации пролетарских писателей, РАПП и МАПП соответственно, пародией на которые в романе является созданный Булгаковым МАССОЛИТ.

Полученные результаты и выводы

Текст книги Павла Улитина «Макаров чешет затылок» представляет собой поток сознания, внутреннюю речь автора. Он насыщен интертекстуальными единицами на русском и на нескольких иностранных языках. Идентифицировать интертекстуальные элементы в тексте Павла Улитина представляется возможным благодаря сохранению некоторого семиотического тождества с воспроизводимым элементом и семантической

или графической обособленности на фоне принимающего текста.

В процессе анализа были выявлены следующие группы интертекстуальных включений:

1) прецедентные имена собственные:

а) имена знакомых и современников писателя,

б) имена писателей,

с) имена исторических личностей,

2) литературные онимы и поэтонимы:

а) имена литературных героев,

б) мифонимы,

с) библионимы,

3) интертекстуальные включения из текстов произведений русской и зарубежной литературы в виде точных и трансформированных цитат и аллюзий на русском или иностранном языке.

Такое количество интертекстуальных включений говорит о стремлении автора передать свои мысли и идеи на бумаге, используя уже сказанные где-то кем-то слова. Исследователи сходятся на мысли, что это проявление самоцензуры, зашифрованное послание. Интертекстуальные единицы значительно расширяют смысловое поле текста, и читатель, обладающий достаточной общекультурной компетентностью и эрудицией, оказывается в пространстве широкого литературного, культурного и исторического контекста. Но понять все нюансы смысла и интерпретировать такой текст довольно сложно, автор варьирует точность воспроизведения элемента претекста, наделяя его новыми значениями. Это говорит в первую очередь об эрудированности писателя, который мог чужими, давно сказанными словами выразить свои новые, ни на что не похожие смыслы.

Источники фактического материала

Улитин П. Макаров чешет затылок. Москва: Новое издательство, 2004. 184 с.

Библиографический список

Гойко Ю.Н. Библионимы как знаки интертекстуальности: особенности функционирования в поэтическом тексте // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2020. № 7. С. 137–146. DOI: <http://doi.org/10.24411/2686-9497-2020-10013>.

Кукулин И. Фрагментация жизни: проза Павла Улитина и смена парадигмы автобиографического письма 1950–1970-х годов // AvtobiografiЯ. 2014. № 3. С. 129–169.

Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57. № 5. С. 29.

Хаксли О. Как вернуть зрение. Москва: Независимый альманах «Конец века», книжное приложение, 1993.

Wittgenstein, L. (1998), *Philosophische Untersuchungen – Philosophical Investigations*, Trans, G.E.M. Anscombe, Blackwell, Oxford, UK.

References

Goyko, Yu. (2020), Biblionyms as signs of intertextuality: peculiarities of functioning in the poetic context, *Sbornik trudov Yakutskoy dukhovnoy seminarii*, no. 7, pp. 137–146, DOI: <http://doi.org/10.24411/2686-9497-2020-10013>. EDN: SREB-FW.

Kukulin, I. (2014), *Fragmentatsiya Zhizni: Proza Pavla Ulitina i smena paradigmy avtobiograficheskogo*

pis'ma 1950–1970-h godov, Avtobiografiya, no. 3, pp. 129–169.

Fateeva, N.A. (1998), Tipologiya intertextualnykh elementov i svyazey v khudozhestvennoy rechi, *Izvestiya RSI*, vol. 57, no. 5, pp. 29.

Huxley, A. (1993), *Kak ispravit' zrenie – Nezavisimyy almanakh “Konets veka”*, book preface.

Wittgenstein, L. (1998), *Philosophische Untersuchungen – Philosophical Investigations*, Trans, G.E.M. Anscombe, Blackwell, Oxford, UK.

Submitted: 05.10.2024

Revised: 23.11.2024

Accepted: 09.12.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-4-56-68

Дата поступления: 03.10.2024
рецензирования: 20.11.2024
принятия: 11.12.2024

Р.Н. Алькайси

Санкт-Петербургский государственный
университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: rashed1727@outlook.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7451-8400>

Искусственный смех: роман «iPhuck 10» В.О. Пелевина

Аннотация: статья является попыткой изучения смеха искусственного интеллекта (ИИ) в романе В.О. Пелевина «iPhuck 10» (2017). Смех центрального персонажа Порфирия Петровича рассматривается с двух ракурсов: его семантики и прагматики. Проблема смеха ИИ приводит не только к размышлению о способностях ИИ будущего, но и к раскрытию того, как смех становится инструментом создания представлений о реальности. Особенности комического нарратива героя выявляются через отсылки к современным моделям смеха ИИ, главнейшей чертой которых является притворная человечность. Порфирий, нарушая ожидания читателя относительно того, как он должен вести себя, и пародируя шаги своего литературного прототипа, способен вызывать у читателя смех. Вторая часть статьи сфокусирована на значении смеха Порфирия. Кажущееся отсутствие автора из-за того, что он алгоритм, опровергается в анализе, после чего обозначается другой нарратор, управляющий нарративом Порфирия. Игра в смерть автора позволяет Порфирию репрезентировать себя посредством ложного образа доброго писателя. Анализ смеха как события наррации способствует выявлению того, как смех Порфирия становится инструментом обмана читателя и формирования особого представления о мире романа.

Ключевые слова: скрипт; пародия; прагматика смеха; смерть автора; ненадежный нарратор; смех как событие наррации.

Цитирование: Алькайси Р.Н. Искусственный смех: роман «iPhuck 10» В.О. Пелевина // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 56–68. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-56-68>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Алькайси Р.Н., 2024

Рашид Низар Назир Алькайси – аспирант кафедры истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9.

SCIENTIFIC ARTICLE

R.N. Alqaisi

St.-Petersburg State University,
St.-Petersburg, Russian Federation
E-mail: rashed1727@outlook.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7451-8400>

Artificial laughter: V. Pelevin's "iPhuck 10"

Abstract: the article is an attempt at studying the laughter of AI in V. Pelevin's novel "iPhuck 10"(2017). Porfiry Petrovich's laughter is examined from two angles, from its semantics and from its pragmatics. The problem of AI laughter in the novel leads not only to considering the possible capabilities of future AI, but also to the revelation of how laughter becomes a special kind of reality formation. The comic traits of Pelevin's hero are revealed by examining him based on modern AI models of laughter, the main feature of which is feigned humanity. By violating the reader's expectations on how he should behave, and by parodying his literary prototype, Porfiry creates a pretext for the reader to laugh. The second part of the article focuses on the meaning of Porfiry's laughter in the novel. The apparent absence of the author due to the fact that he is an algorithm is refuted in the analysis, after which another narrator is revealed who controls Porfiry's narrative. Playing with the author's death allows Porfiry to fit into the false image of a writer who supports freedom and

resists authority. The analysis of laughter as a narration event helps identify how Porfiry's laughter becomes a propaganda tool. Porfiry mocks those who break the law and turns their crimes into funny stories, but his "mirthful" laughter allows him to fool the reader and makes him see the world the way he wants to.

Key words: script; parody; the death of the author; the unreliable narrator; the pragmatics of laughter; laughter as a narrative event.

Citation: Alqaisi, R.N. (2024), Artificial laughter: V. Pelevin's "iPhuck 10", *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 56–68, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-56-68>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Alqaisi R.N., 2024

Rashed Nizar Nather Alqaisi – graduate student of the Department of the History of Russian Literature, St.-Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya Embankment, St.-Petersburg, 199034, Russian Federation.

Введение

«Публичность наказания не должна иметь своим физическим последствием устрашение; она призвана открыть книгу для чтения»
(Фуко 1999, с. 162–163)

В научных работах о «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского распространена мысль, что Порфирий Петрович является загадочной фигурой, скрывающей свои настоящие интенции под маской. Р.Н. Поддубная, например, отмечает, что Порфирий Петрович «ни разу не показан в романе вне следовательской практики, или вне поединков с Раскольниковым, т. е. без маски и вне игры, которую он ведет» (Поддубная 1971, с. 51). Его встречи с Раскольниковым достаточно доказывают, что высказывания Порфирия принимать за истину представляется трудным.

«Преступление и наказание» считается гипертекстом русской литературы, где под гипертекстом понимается «текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов» (Руднёв 1997, с. 69). С конца XIX до начала XXI вв., пишет С.А. Кибальник, в русской литературе встречаются различные примеры раскольниковских и свидригайловских текстов, предлагающих собственные версии сюжета романа Достоевского (Кибальник 2018, с. 128–139). Хотя тексты о Порфирии Петровиче в этом ряду отсутствуют, существует одно воплощение образа данного героя, к которому наблюдается возрастающий интерес в последние годы.

В романе В.О. Пелевина «Путешествие в Элевсин» (2023) читатель еще раз видит Порфирия Петровича. Искусственный интеллект (далее ИИ. – Р.А.) Порфирий Петрович, впервые появившийся как полицейский детектив и автор романа «iPhuck 10» (2017), в новом романе становится Богом. Пелевинский Порфирий Петрович в каждом из своих проявлений меняет «профессию». При этом он смеется над персонажами, над собой и обществом, в котором он находится.

Смех Порфирия интересен по нескольким причинам. Во-первых, он сгенерирован ИИ. Смех считается человеческим актом, а в романе представлена версия смеха полицейского робота, способного воспринимать и воспроизводить смех. Во-вторых, у Порфирия есть литературный прототип: следователь в «Преступлении и наказании», который цинично смеется при встречах с Раскольниковым. В-третьих, события в романе Пелевина происходят в насковью оцифрованном мире конца XXI в., где запрещен половой «телесный» акт между людьми. Для удовлетворения желания были созданы устройства iPhuck (в романе, как предполагается в заглавии, выпущен десятый iPhuck). Миром правит «е-банк». Казалось бы, в таком мире не над чем смеяться. Но Порфирий смеется и постоянно использует разные комические приемы, чтобы рассказать о мире, о себе и о том, как он ловит преступницу Мару.

Настоящая статья является попыткой проанализировать смех Порфирия Петровича в «iPhuck 10», что даст возможность выявить некоторые особенности романа, еще не привлекавшие внимание исследователей. Об «iPhuck 10» было написано много научных работ. Однако представляется не вполне оправданным фактическое отсутствие работ о смехе Порфирия Петровича и о связи романа Пелевина с «Преступлением и наказанием» Ф.М. Достоевского (существует на данный момент только один доклад о заимствованных темах из «Преступления и наказания» Достоевского в «iPhuck 10» Пелевина (Резник 2021, с. 45–47)). В «iPhuck 10» формируется не только пародия на образ следателя «Преступления и наказания», но повествование ведется именно от его лица. С первых строк Порфирий обращается дружелюбно к читателю: «И снова, снова, здравствуй, далекий и милый друг!» (Пелевин 2023, с. 5). Он объясняет, что выполняет две функции одновременно: расследования преступлений и написания романов об этих преступлениях. По его словам, он является автором 242 коммерчески успешных романов.

Данная работа построена так, чтобы ответить на два вопроса относительно смеха Порфирия

Петровича: как смеется Порфирий? И над чем смеется Порфирий? Ответы на эти вопросы будут способствовать выявлению некоторых скрытых особенностей романа, еще не получивших достаточного освещения.

Простым ответом на заданные вопросы было бы сказать, что смех ИИ также является маской, которую нарратор надевает, чтобы поймать преступников и продать свои романы. Однако это правильно только отчасти. Чтобы понять «искусственный смех» Порфирия, нужно рассмотреть его с опорой на концепцию смерти автора. В романе автора будто бы нет с самого начала:

У меня есть имя – Порфирий Петрович. Но это не значит, что у алгоритма, пишущего эти строки, имеется какое-то «я», или что он «есть» в философском смысле. Меня не существует в самом прямом значении. Я ничего не чувствую, ничего не хочу, нигде не пребываю. Чтобы было понятно, меня нет и для меня самого (Пелевин 2023, с. 8).

Сквозь смех Порфирия Петровича проявляется другой нарратор, скрывающийся от читателя. Считается, что скрытый нарратор – сам Пелевин, который играет в следователя (Заломкина 2019, с. 178). С этим трудно согласиться. Характерная для постмодернизма игра метапрозы дает представление о том, что конкретный автор, размышляя о процессе написания романа, появляется в мире произведения. Скрытый нарратор – не Пелевин и не представление о нем, а фигура, контролирующая Порфирия.

Проблема кажущегося отсутствия автора влечет за собой анализ художественного мира романа, в котором искусство превращается в инструмент утверждения существующего в нем идеологического нарратива. Эта идеология проявляется в двух главных темах романа: свобода и искусство гипсового века. Мара объясняет, что «гипсовый век – это последнее время в истории человечества, когда художнику казалось... Нет, когда художник еще мог убедительно сделать вид, что ему кажется, будто его творчество питается конфликтом между рабством и свободой...» (Пелевин 2023, с. 48). Смех используется системой Порфирия как способ снижения значимости мировоззрения Мары о свободе и искусстве. Комическое начало Порфирия, кажущееся юмористическим, является на самом деле инструментом борьбы с трансгрессией и формой создания представления о реальности.

В романе изображается мир, где единственным способом заниматься половым актом является устройство iPhuck; лишая людей телесного вида полового акта, е-банк укрепляет в них представление о том, что желание удовлетворяется только через покупки. Проблема нехватки и желания в романе следует параллельно с концепцией Ж.

Делеза и Ф. Гваттари о «желании-производстве». Порфирий цитирует Делеза и отправляет к нему неоднократно: «Есть отсылка к Делезу, Лакану и другим авторитетным гробам и урнам» (Пелевин 2023, с. 159); когда Порфирий едет в ресторан Тамагочи, он словно цитирует начало работы «Анти-эдип: капитализм и шизофрения»: «Машины, машины, потоки машин. Девушка в городской толпе. Бесконечные потоки людей...» (Пелевин 2023, с. 231); «Повсюду – машины, и вовсе не метафорически: машины машин, с их стыковками, соединениями. Одна машина-орган подключена к другой машине-источнику: одна выпускает поток, другая его срезает» (Делез, Гваттари 2007, с. 14) (об этом будет ниже).

Порфирию не нравится состояние своей эпохи. Он неоднократно издевается над миром, выражает, хотя и шутливо, свое недовольство положением человечества. Анализ прагматики смеха приводит к раскрытию важнейшего противоречия, лежащего в алгоритме Порфирия; «доброжелательный» смех над миром становится инструментом утверждения капиталистического мироустройства.

Для пояснения этого момента представляется важным сначала обратиться к семантике смеха Порфирия, после чего можно проанализировать «искусственный смех» несуществующего автора.

Искусственный смех неискусственного интеллекта

В произведениях Пелевина наблюдается возрастающий интерес к теме ИИ. В романе «Т» (2009) Ариэль рассказывает графу Т. о «машине Тьюринге» и о судьбе художественных писателей: «Литературное творчество превратилось в искусство составления буквенных комбинаций, продающихся наилучшим образом» (Пелевин 2022, с. 158). В «S.N.U.F.F.» (2011) Кая, ИИ будущего, не только способна воспроизводить человеческие эмоции и участвовать в философских обсуждениях, но и манипулировать своим владельцем (Бугаева 2023).

Роботы и алгоритмы почти всегда могут служить причиной смеха. Человек может смеяться над определенной несообразностью относительно того, что он ожидает от ИИ. А. Бергсон объясняет, что причиной смеха может быть «машинальная косность там, где хотелось бы видеть предупредительную ловкость и живую гибкость человека» (Бергсон 1999, с. 15). От робота ожидается обратное, по своей сути он должен быть машинальным и негибким. Нарушая наши ожидания и ведя себя «по-человечески», машина может стать предлогом для смеха. Вопрос о том, какие поведенческие черты можно считать «человеческими» находятся вне рамок данной работы. Ограничимся тем, что под человеческим поведением понимается такое,

которое становится узнаваемым и релевантным для человека и в котором есть «ловкость и гибкость». В «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова ловкий человек определяется как «обладающий физической сноровкой; отличающийся точностью и быстротой движений», а гибкий как «легко сгибаемый, упругий» или «легко поддающийся изменениям, преобразованиям» (Кузнецов 2000, с. 201, 503). Т. Виил показывает, что можно научить робота играть с этой машинальностью: «Системы искусственного интеллекта могут разыгрывать свою машинальность ради смеха или смягчать эту машинальность некоторой случайной непредсказуемостью» (Veale 2021, p. 93; здесь и далее перевод наш – Р.А.). Порфирий говорит: «Я потому так и шучу, что это по-человечески, – сказал я. – Другому не обучен» (Пелевин 2023, с. 176). Его «чувство» юмора создает у читателя определенный конфликт ожиданий, который может вызвать смех.

В первой части романа Порфирий по приказу Мары должен собрать информацию о гипсовом искусстве. Когда он едет к Симеону Полоцкому, он решает устрашать его уголовными наказаниями. Порфирий заигрывает с читателем: «Поэтому я решил пообщаться с Симеоном лицом к лицу – читатель ведь любит, когда в повествовании появляются знаменитости» (Пелевин 2023, с. 64). О возникающем здесь эффекте метапрозы пойдет речь ниже. Представляется более важным отметить, что здесь игра возникает за счет кажущегося несерьезного отношения Порфирия к серьезному делу.

Доехав до лофта Симеона Полоцкого, Порфирий ждет подходящего момента, чтобы испугать его и потом сразу изменить свой тон:

– Прячешься, с-сукин сын?

– Никак нет, гражданин полицейский начальник, – залопотал Симеон. – Не прячусь. Просто справляю нужду.

<...>

– У тебя три уголовки, парень, – перешел я на отеческий тон, – а ты... четвертую себе шьешь? (Пелевин 2023, с. 65).

Порфириев способ формирования юмористических высказываний построен на нарушении читательских ожиданий относительно того, как «должен» вести себя ИИ. База данных Порфирия это учитывает. Система Порфирия, на самом деле, весьма похожа на современные для нас модели ИИ, хотя превышает их по сложности организации. Т. Виил пишет, что средством к формированию юмора в базе ИИ может быть семантическая грамматика, которая является

набором правил, управляющих структурой и содержанием выходных данных бота. <...> семантическая грамматика определяет свои правила через онтологические категории, которые

обозначают вещи, представляющие интерес в ее области. Например, человек, оружие или транспортное средство (Veale 2021, p. 125).

Онтологическими категориями для Порфирия являются «шаблоны», которые он использует в зависимости от ситуации. Личность Порфирия смоделирована таким образом, чтобы она создавала впечатление несерьезной, и поэтому он постоянно использует комические приемы, чтобы описывать происходящее.

Порфирий неоднократно объясняет Мару, что его юмор сформирован путем анализа определенных шаблонов. Удивляясь способности Порфирия шутить, Мара спрашивает, как он это делает. Порфирий отвечает:

Очень просто. Когда нам посылают по сети файлы и письма, люди часто интересуются, дошло ли? В качестве одного из примерно шестидесяти четырех тысяч возможных ответов на такой вопрос в моей базе записан этот, с маркером «юмор» (Пелевин 2023, с. 76).

Алгоритм учитывает больше нескольких тысяч возможных ответов, которые расположены как пакеты внутри пакетов, и в зависимости от контекста выбирает именно юмористический шаблон. Порфирий говорит, что не «понимает» суть юмора, но что его система анализирует реакцию собеседника и на ее основе выбирает комическое высказывание. Эти шаблоны активизируются в диалогах Порфирия с Марой и в его отступлениях от сюжета. Неслучайно может возникнуть ассоциация с «человеческой» базой информации.

Семантический анализ юмора предполагает, что в любом юмористическом тексте находятся два противоположных скрипта. Скрипт, пишет В. Раскин, является «большим фрагментом семантической информации, окружающей слово или вызываемой им. Скрипт представляет собой когнитивную структуру, усвоенную носителем языка, и отражает знания носителя языка о небольшой части мира» (Raskin 1984, p. 81; перевод наш – Р.А.). Высказывание само по себе не может быть объективно юмористическим, поскольку восприятие юмора – субъективно. Вместо этого любой текст можно считать комическим в том случае, если он частично совместим с двумя противоположными скриптами, при этом доминирующий из них находится на переднем плане, а другой остается на заднем. Шутки вынуждают нас активировать доминирующий скрипт для объяснения события, а затем, когда несоответствие затрудняет поступить иначе, заставляют переключиться на альтернативный вариант. Таким образом, когда Порфирий меняет свой тон на отеческий с Симеоном, активируются два скрипта (или шаблона, по Порфирию), которые содержат онтологические категории. Первый скрипт включает следующие категории: «серьезно», «возможно» и «нормально»: Порфирий

Петрович говорит с Симеоном, чтобы объяснить затруднительное положение последнего. Второй скрипт, содержащий категории «несерьезно», «невозможно» и «ненормально», заставляет нас воспринимать несообразность ситуации: Порфирий, ИИ, объясняет отеческим тоном молодому человеку, как у него плохо обстоят дела. Второй скрипт также показывает, что Порфирий играет роль, и сам выявляет несоответствие ситуации, которая в другом контексте не вызвала бы комического развлечения. С. Аттардо называет это метаюмом (Attardo 2001, p. 100).

Рассмотрим другой пример. Порфирий смотрит на Мару после того, как она приняла душ:

Хороша девка, думал я. Вот почему бы ей не найти себе надежного красивого мужика, родить от него сына и дочку... понятно, через пробирку, как положено... Жить с семьей как за каменной стеной – сама с айфоком, муж с андроидом. Так нет. Вот что из себя сделала... Швабра с гвоздями. Куда катится культура, куда катится человечество... Ох... (Пелевин 2023, с. 135).

Этот пример можно считать комичным по некоторым уже упомянутым нами причинам. Во-первых, Порфирий нарушает читательские ожидания. Не сразу можно представить себе ИИ, размышляющий о том, что его протагонистка должна найти себе «хорошего мужика». Причем его тон пафосный до такой степени, что ирония бросается в глаза читателю. Литературный робот говорит как человек, выражая свое недовольство состоянием культуры. Порфирий одновременно иронизирует и над собой в роли автора, которую он нарочито продумывает. Во-вторых, в этом примере есть два противоположных скрипта, как и в предыдущей цитате. Порфирий играет с этими скриптами, намеренно создавая несообразность.

Возникает вопрос о том, почему система Порфирия выбирает именно «юмор» в качестве ответа в его диалогах с Марой. Базой хранения Порфирия является интернет. Из такого бесконечного материала сложно выбрать, какой скрипт подходит к той или иной ситуации, и еще сложнее подобрать комическую реплику. Можно, однако, предположить, что выбор не принадлежит Порфирию. Это обусловлено связью нарратора с его прототипом.

Нарратор «iPhuck 10» имитирует своего предшественника, который мучил соперника, вовлекая того в психологические игры. Следовательно Раскольникова является противоречивой фигурой, следующий шаг которой невозможно предугадать. Порфирий Петрович в «Преступлении и наказании», отмечает М.М. Бахтин, говорит «намечами» (Бахтин 2023, с. 329). Провоцирующие вопросы, размышления и монологи Порфирия направлены на то, чтобы заставлять внутренний голос Раскольникова прорываться и создавать перебои в его

рассчитанно и искусно разыгранных репликах. В слова и в интонации роли Раскольникова все время врываются поэтому реальные слова и интонации его действительного голоса. Порфирий из-за принятой на себя роли неподозревающего следователя также заставляет иногда проглядывать свое истинное лицо уверенного человека (Бахтин 2023, там же).

Пелевинский Порфирий напрямую копирует шаги своего прототипа. Он постоянно дразнит Мару и пытается ее провоцировать. Достаточно вспомнить сцену, где Порфирий меняет свой облик на Жанну. После того, как Мара сильно пугается, Порфирий говорит: «Еще через четыре секунды Мара справилась с собой. Но замеченный мною страх был слишком же интенсивным, чтобы объяснить его простой неожиданностью» (Пелевин 2023, с. 71).

Порфирий не похож по внешности на следователя Раскольникова, но все-таки выглядит комично, его трудно воспринимать всерьез. Как говорит Порфирий Петрович в романе «Преступление и наказание»: «у меня фигура уж так самим богом устроена, что только комические мысли в других возбуждает» (Достоевский 2016, с. 295). Пелевинский Порфирий вызывает такую же реакцию при внешнем несходстве с героем Достоевского: «Порфирий Петрович выглядел практически так же, как в прошлый раз: петровские усы торчком, рыжеватые бакенбарды, лысина с длинным зачесом поперек. Горе look'овое, хочется мне состричь» (Пелевин 2023, с. 20). По ходу сюжета он меняет цвет своих бакенбард, носит мундир и говорит, используя словоерсы. Его поведение – комичное, потому что в нем содержится противоречие, создающее несообразность. ИИ считается чем-то продвинутым, что-то сообщающим о будущем, а Порфирий – алгоритм, который ведет себя как полицейский чиновник из XIX в.

Подобно своему прототипу Порфирий начинает действовать в соответствии с научной теорией Мары. В «Преступлении и наказании» речь на первой встрече Раскольникова с Порфирием идет о статье героя «О преступлении». Читателю не показывается этот текст, он узнает о нем через пересказ других персонажей. Порфирий Петрович хорошо знаком со статьей: «И статейку вашу я прочел как знакомую» (Достоевский 2016, с. 390). Ю. Карякин отмечает, что Порфирий Петрович и Раскольников «словно оба действуют по раскольниковской теории, загоняя друг друга в “низший” разряд» (Карякин 1971, с. 77).

В «iPhuck 10» мы сталкиваемся с похожей ситуацией. Когда Порфирий рассматривает данные Мары при первой встрече, он говорит:

Искусствоведческое образование. Тоже серьезно. Мотается в USSA, докторат в Калифорнии. Фига себе – Ph.D. Ладно, у них там кто угод-

но пи-эйч-ди. Тема диссертации – «Страдание “малого народа” как главная тема российской либеральной лирики начала XXI века». Значит еще и историк (Пелевин 2023, с. 22).

Текст Мары, как и текст Раскольников, остается скрытым от читателя. Темы свободы и гипсового искусства являются главными не только для героини, но и для Порфирия. Так, герой говорит: «гипсовое искусство угасло вместе с остатками свободы» (Пелевин 2023, с. 46). Он неоднократно рассказывает истории о свободе и сам становится пленником Мары. Подобно Раскольникову Мара пытается передать свое мировоззрение читателю и пытается действовать в соответствии со своими идеями. Порфирий, великий имитатор по своей натуре, также следит за логикой Мары.

Хотя у Порфирия было достаточно оснований задержать Мару, он не сразу ловит ее, а растягивает сюжет. Перед ним стоит задача создать интригующий роман, который может привлечь читателей. Таким образом, прототип пелевинского Порфирия оказывается означающим, которое отчасти теряет свою внутреннюю функцию. Порфирий Петрович является для пелевинского Порфирия чем-то вроде маски, которую он носит для того, чтобы обратить на себя внимание. Герой «iPhuck 10» является капиталистическим продуктом, функционирующим с целью производства капитала (об этом будет ниже). Заимствованное имя служит гиперозначающим, придающим тексту пелевинского Порфирия маркетинговую привлекательность.

В «Преступлении и наказании» Порфирий Петрович хочет спровоцировать «свою жертвочку». Его провокации доставляют ему удовольствие. Ю. Карякин отмечает: «Его [Порфириево] “приемы”, при всей их виртуозности, несут в себе нечто безнравственное и опасное: загоняя преступника в западню, так сказать, физически, приемы эти позволяют ему бороться “идейно”, превращают дознание в борьбу самолюбий» (Карякин 1971, с. 79). В качестве примера можно привести «сюрпризик», который скрывал Порфирий Петрович от Раскольникова во второй встрече: «А сюрпризик-то не хотите разве посмотреть? – захихикал Порфирий, опять схватывая его немного выше локтя и останавливая у дверей. Он, видимо, становился веселее и игривее, что окончательно выводило из себя Раскольникова» (Достоевский 2016, с. 302). Порфирий Петрович хочет не просто поймать Раскольникова, он бросает ему вызов, и последний троекратно принимает его.

В пелевинском Порфирии также таится что-то безнравственное и опасное. Но эти отрицательные качества усиливают его комизм. Они, с одной стороны, показывают неустойчивость его «личности» и его предельно несерьезное отношение к миру. Он все время неpolitкорректно шутит и отпускает саркастические ремарки на спорные

темы: издевается над политическими движениями и меньшинствами, над стереотипами и предрассудками. Например, «на одном экране восточный мужик с бородкой, вроде тех, кто шаурму делают» (Пелевин 2023, с. 138), или «льстить женщине – особенно умной – нужно грубо и застенчиво...» (Пелевин 2023, с. 240). А с другой, он использует свою «безнравственность», чтобы создать роман. Система Порфирия учитывает тот факт, что для достижения успеха при продаже романов и для формирования повествования нельзя быстро и безэмоционально ловить преступников. Порфирий намеренно растягивает процесс расследования. Для его алгоритма важно не само преступление, а то, как можно сделать из него «успешное» произведение. Прототип именно в этом смысле становится маской. Вспомним слова О. М. Фрейденаберга о пародии, как о несоответствии содержания и формы (Фрейденаберг 1973, с. 490). Порфирий поверхностно имитирует свой прототип, тогда как содержание наполняется другим смыслом.

Текст первой главы второй части романа помещен в тонкую черную рамку. Эта рамка, объясняет Порфирий, «не предназначена для посторонних глаз» (Пелевин 2023, с. 181). В конце первой части сообщается, что у Мары есть доступ к серверу Порфирия и она может читать создающийся на ее глазах роман. Поэтому текст в рамке по словам нарратора не доступен Маре. В нем говорится, что расследование, занявшее у Порфирия несколько секунд, растянулось, чтобы роман удался: «Литературная часть моего алгоритма заставляет меня описывать процесс дознания так, словно я, Порфирий Петрович, сижу ночами в своей полицейской будке и думаю, думаю, думаю...» (Пелевин 2023, с. 182). Можно сравнить «сюрпризик» Порфирия Петровича из романа Достоевского, который находился за дверью, то есть за блокирующей зрение рамкой, с черной рамкой пелевинского Порфирия. «Сюрпризик» пелевинского Порфирия – это четвертая стена, которая будто бы сломана перед читателем, но стоит крепко перед Марой. Порфирий здесь также пытается добиться доверия читателя. На самом деле, «сюрпризик» столько же для Мары, сколько для читателя, которому как будто все напрямую сказано. Порфирий, как и его прототип, продолжает игру.

Пародия на образ Порфирия Петровича из «Преступления и наказания» в романе Пелевина заключается в том, что второй персонаж заимствует некоторые приемы первого, чтобы использовать их в своих целях. То есть нарратор «iPhuck 10» не из самолюбия растягивает процесс расследования, он делает это ради успеха своего романа. В черной рамке Порфирий рассказывает, как копировались подозрения против Мары с самого начала и что перед ним стоит задача понять, почему Мара просит его скопировать произведения гипсового

века. Следуя логике романа, мы можем сказать, что это – ложь. Порфирию нужны были четыре секунды, чтобы прояснить то, о чем он рассказывал на 177 страницах (по цитируемому изданию). В следующей главе Порфирий с Марой едут в убежище в ресторан «Тамагочи». Рамки здесь нет и Порфирий уже знает, что у Мары есть доступ к роману. Поэтому он начинает оставлять провоцирующие ремарки: «Как будто она не знала о моем желании тщательно обследовать следующий объект искусства на предмет разных информационных запахов и запашков...» (Пелевин 2023, с. 190); «Не по зову сердца или хотя бы плоти. А чтобы использовать меня втемную. Значит, твоя любовь была подлой выдумкой с начала до конца» (Пелевин 2023, с. 194).

Здесь и везде в романе Порфирий – комичен. Однако его комизм не является только способом привлечения читателей и растягивания сюжета. В нем содержится что-то скрытое, показывающее не только положение ИИ будущего, но и мира, в котором искусство, авторство и половой акт между людьми являются частью уже ушедшего прошлого. Анализ прагматики смеха обуславливает понимание того, что скрывается за смехом автора-ИИ.

Самообман Порфирия Петровича

Семантический анализ смеха Порфирия оказывается недостаточным по той причине, что смех метафункционален. Нами был рассмотрен смех Порфирия на уровне нарратива, а для того, чтобы понять функцию этого смеха, нужно выйти на его метауровень. Смех Порфирия может вызывать комическое развлечение у имплицитного читателя не только из-за активизации двух противоположных скриптов и не только из-за нарушенных ожиданий.

В работе «Человек и смех» А.Г. Козинцев объясняет, как адресат может быть вовлечен в ситуацию нарочитого одурачивания, позволяющего ему воспринимать то или иное положение как комическое:

Смеясь, человек, в сущности, признает, что он в тысячный раз дал себя одурачить. Пока он думал (вернее, делал вид, что думает), будто решает задачу на сообразительность, ему не только подсунули фальшивку, но и вдобавок его “наильно вовлекли в пошлые отношения к людям, вещам и событиям” или в лучшем случае вынудили мыслить о них превратно и примитивно (Козинцев 2007, с. 21).

Смех Порфирия связан с обществом, в котором он находится. Будучи ИИ, в базе которого содержится громадное количество информации, Порфирий смотрит на этот мир «свысока», с метауровня. Он делает вид, что по-человечески размышляет о мире. Если Порфирий смотрит свысока, то нам

предстоит задача подняться к нему и посмотреть на происходящие события его «глазами».

Исследователи «iPhuck 10» сходятся в том, что в романе можно обнаружить много черт, характерных для метапрозы (Гридин 2022, Рытова, Гридин 2023, Янь 2021, Заломкина 2021, Симкина 2020). Наибольшее внимание уделяется теме саморефлексии ИИ. Поэтому прежде чем обратиться к прагматике смеха, нужно рассмотреть научные работы о метапрозаическом характере романа. Мы ограничимся их важнейшими положениями.

В работе А.О. Гендрина подчеркивается, что саморефлексия ИИ в романе позволяет ему «осознавать свои возможности» (Гридин 2022, с. 459). Порфирий, пишет исследователь, проходит испытания, которые заставляют его размышлять о событиях, и получает новые знания о мире через рефлексии. Похожую интерпретацию предлагает М. Янь, согласно которой алгоритмы и роботы в конце XXI века в «iPhuck 10» уже обладают самосознанием: «это означает, что электронный интеллект действительно сможет быть рефлексивным актором, а не просто самообучающейся энциклопедией» (Янь 2021, с. 94). Порфирий, по словам Янь, представлен как сверхразумный ИИ, имеющий преимущества над человеческим разумом. Нарратор – воспроизведение не человеческого ума, а идеального, разум которого доводит его до самоликвидации: «ИИ, осознающий себя, лишен воли быть, поэтому, когда перед ним возникает выбор быть или не быть в осознании боли и страдания, он неизбежно самоликвидируется – это рационально» (Янь 2021, с. 113). Может возникнуть также мысль о том, что само притворство Порфирия является видом саморефлексии. Поэтому в работах Г. Заломкиной об «iPhuck 10» исследователь идет дальше, отмечая, что в романе «развертывается рефлексия рефлексии, процесс осознания метаповествованием самого себя» (Заломкина 2019, с. 167; Заломкина 2021, с. 429–434). Такой подход к метапрозе связан с проблемой авторства в романе. Писательство, по словам Заломкиной, в конце XXI в. превращается в «пытку», путем которой «можно облегчить и свое страдание, и страдание читателя / зрителя / слушателя» (Заломкина 2019, с. 182).

Проблема с позицией процитированных выше исследователей состоит в том, что нарратор произведения представляется им надежным (о ненадежности нарратора в других романах Пелевина см. (Жиличева 2021, с. 191–201)). Однако полностью считать нарратив Порфирия метапрозой сложно, потому что конструкции, высказывания, события и прочее намеренно изложены фиктивным нарратором таким образом, чтобы роман имел коммерческий успех. Метапроза определяется в широком смысле, как текст о тексте, в котором приводятся размышления о процессе создания художествен-

ного произведения (Зусева-Окзан 2014, с. 7–8). «iPhuck 10» только отчасти следует этой идее. Алгоритм Порфирия генерирует приемы метапрозы, чтобы текст казался написанным человеком. Столь привлекательная для исследователей романа Пелевина идея саморефлексии ИИ игнорирует тот факт, что авторские отступления, вторжение антагониста в другие коммуникативные инстанции и т. п. просто позволяют Порфирию решить поставленные перед ним задачи. Уже с самого начала зная, что Мара имеет доступ к его серверу и к его роману, Порфирий продолжает игру. Он имитирует своего прототипа, главной особенностью которого считается притворная искренность: «Любое мое описание чувственного мира в строгом юридическом смысле является таким же голым враньем, как рассказ о переживаниях Пьера Безухова на Бородинском поле» (Пелевин 2023, с. 12).

Если даже допустить, что в мире романа ИИ представляет собой сверхразум, это не означает наличия у него способности к саморефлексии и его превосходство в морально-этической сфере. Начиная подозревать Мару Порфирий не останавливается, а делает то, что считается незаконным, непрофессиональным, нелогичным – начинает любовные отношения с героиней, затем становится ее пленником. В отличие от позиции Янь, утверждающей, что сверхинтеллектуальность Порфирия заключается в его «сверхчеловечности», нам кажется, что здесь отображается его способность решать поставленные перед ним задачи и писать интригующие романы для своих читателей. Человечности у Порфирия фактически нет, потому что все, что воспроизводится им, является шаблонами, которые уже находятся в его системе. Порфирий просто выполняет то, что в нем уже запрограммировано. Его интеллект определяется не обретением самосознания, а выполнением задач (расследование преступлений и написание романов). При этом Порфирий изображается как саморефлексирующий нарратор, проходящий испытания, делающий открытия, видящий невидимое, и т. п.

Читатель легко может оказаться обманутым потому, что система Порфирия просчитывает стратегии написания художественного текста. Он не рефлексиирует над своими действиями, поскольку все его реплики и слова берутся готовыми «из интернета». К тому же Порфирий не пытается самоликвидироваться. Ему куда важнее его работа, «быть» без которой в самом прямом смысле он не может. Показательным примером ненадежности Порфирия как нарратора может быть сцена, где Мара читает перед Порфирием отзывы критиков на его романы. Порфирий сообщает читателю, что он является успешным писателем 242 романов. Однако Мара показывает, что успех Порфирия далеко не обусловлен его «писательским талантом»:

– А тут, – Мара опять посмотрела на экран, – вот, одна критикесса отзывается так: “Осенний Спор Хозяйствующих Субъектов” был бы даже похож чем-то на роман, если бы не многостраничные выставки из телефонной базы данных и полный текст сорока двух статей Гражданского Кодекса, зачем-то перенесенных в первую часть, честно названную “Обзвон юристов”... (Пелевин 2023, с. 242).

Этот пример напрямую доказывает ненадежность Порфирия как нарратора. Даже его интеллектуальные способности подвергаются сомнению, поскольку полное включение Гражданского кодекса в роман не является слишком удачным способом создания художественного текста. Алгоритм Порфирия, будучи «сверх»-интеллектом, не всегда удачно выполняет поставленные задачи!

Ненадежность нарратора подтверждается динамичностью маски Порфирия. В предисловии Порфирий помпезно рассказывает о себе. Если в романе и происходит рефлексия, то логично было бы ожидать изменение личности Порфирия. Однако он не меняется и является статичным персонажем. Сравнение пролога и эпилога романа показывает, что Порфирий такой же в конце, каким он был в начале: «И снова, снова здравствуй, далекий, и милый мой друг» (Пелевин 2023, с. 5); «Первым делом скажу о своей нечаянной радости. Романчик-то удался – да еще как! Помню, я жаловался, что не дали жмура. Маловер!» (Пелевин 2023, с. 460). Это не означает, что статичная личность не может размышлять, но учитывая происходившее с Порфирием по ходу романа, ожидается его внутренняя трансформация, чего на самом деле нет.

Порфирий не является самосознающим героем, а скорее, проводником идеологического мировоззрения, уже заложенного в его систему. На основе модели коммуникации Р. Якобсона можно предположить, что адресантом является база данных, в которой алгоритмом постоянно выбираются подходящие к конкретной ситуации конструкции. Адресатами, казалось бы, являются Мара и читатель конца XXI в. Однако если рассмотреть роман поближе, обнаруживается, что база данных не самовольно выбирает подходящие к данной ситуации реплики, а делает это с опорой на определенный код (метакоммуникативная функция). При обращении к метакоммуникативной функции комического нарратива Порфирия мы фокусируемся не на том, что *говорит* нарратор, а на том, что *сообщается* его текстом. Вместо того, чтобы рассматривать события в романе на уровне нарратива, мы переходим к событию самой наррации (Бахтин 1975, с. 403–407).

Человек, дающий себя одурачить, не просто легкомысленно входит в игру, он становится в то же время частью процесса смыслообразования. Смех как событие подразумевает, что из комиче-

ского нарратива у имплицитного читателя создается представление о том, как он сам должен относиться к описываемому миру. Смех становится способом определения того, что в мире романа принимается за истину. Имплицитный читатель в качестве наблюдателя может часто испытывать комическое развлечение вследствие происходящего в романе, но смех влияет на его отношение к описываемому миру. Таким образом, возникает момент, когда текст посредством смеха становится инструментом создания представлений о реальности (Giamao 2022, p. 25–28; Дмитриев 1998, с. 125–140).

Смех Порфирия можно считать метапрозаичным в том смысле, что он делает работу за читателя: спускается с метауровня на уровень нарратива и пародийно играет роль насмешливого нарратора, постоянно показывая свое несерьезное отношение к миру. Неслучайно может возникнуть аналогия между проблемой метафункции смеха и сказом в классическом смысле. Сказ, пишет В. Шмид, характеризуется «заметной интеллектуальной отдаленностью нарратора от автора» (Шмид 2003, с. 192). Порфирий так и делает. Он отмечает, что его стиль «человеческий» по той причине, что не хочет унижить читателя: «Совершенство мысли, стиля и слога унижает читателя и провоцирует разлив желчи у критика – как автор двухсот сорока трех романов, я знаю, о чем говорю» (Пелевин 2023, с. 10). Порфирий спускается с уровня автора на уровень нарратора, при этом подчеркивая двуголосость, спонтанность, разговорность и диалогичность представленной речи (Шмид 2003, с. 192–193). Несмотря на логичность такой интерпретации, в ней упускается из виду главнейшая черта ИИ как нарратора – отсутствие его авторского начала. Метафункциональность смеха Порфирия определяется не отдаленностью нарратора от автора, а притворной игрой со сказом, кажущимся сказовым началом, являющимся также способом для ИИ добиться доверия читателя. Порфирий неоднократно отмечает свое несуществование, часто в связи с темой гипсового века и состоянием искусства в современном ему мире.

Однако «авторству» Порфирия должно сопутствовать расхожее представление о том, что текст не пишется, а генерируется ИИ. Порфирий не сидит за столом, не берет перо, не включает компьютер, не входит в творческий процесс, результат которого может стать произведением искусства. Фрагменты текста уже находятся в интернете. На первый взгляд, высказывание Порфирия *par excellence* представляет собой реализацию идеи мозаичности текста и смерти автора. Порфирий не может быть автором романа, потому что его просто нет. Смерть автора оказывается не вызовом, как объявил Р. Барт, а реальной возможностью. А. Элстерманн отмечает в связи с авторством ИИ

следующее: «Дело уже не в том, что намерение автора могло быть неизвестным или его следует игнорировать, а в том, что его никогда не было, и только тогда, когда у текста действительно никогда не было автора, концепция “смерть автора” может быть проверена, проблематизирована, и применена» (Elstermann 2023, p. 9; перевод наш – Р.А.).

В тексте Порфирия постоянно генерируется игра с несуществованием автора. Однако притворство Порфирия скорее создает фрейм игры, для которого характерны несерьезность и насмешливость нарратора. Смерть автора является не только доказательством «несуществования» конкретного автора в художественном мире текста, но и отрицанием авторитета и больших нарративов. Иллюзия отсутствия Порфирия позволяет ему вписаться в этот нарратив, казаться частью этого процесса отрицания авторитетов и добиваться доверия читателя.

Смерть автора в романе понимается не только метафорически, но и буквально. Автора больше нет, потому что искусство перестает быть способом вербализации существенных для автора и читателя проблем в жизни. Это связано прежде всего с капиталистическим мироустройством, где искусство становится способом утверждения идеологических взглядов. Как мы отметили выше, Порфирий, подражая своему прототипу, следует научной теории соперника. Игра Порфирия со смертью параллельна проблеме исчезновения свободы, которая является главной для Мары. Гипсовое искусство – это «предварительный сговор»: «Грязный секрет современного искусства в том, что окончательное право на жизнь ему дает – или не дает – *das Kapital*» (Пелевин 2023, с. 37). Порфирия нет не только из-за того, что он алгоритм, но и из-за того, что в мире романа авторство рассыпается, а перо принадлежит авторам большого нарратива, притворяющимся мертвыми, угнетенными и оцифрованными.

Тогда что таится в образе автора-Порфирия? Если его нет, то как же генерируется перед нами текст, в котором личность автора так ярко выражена? Не является ли постулируемое отсутствие автора доказательством его присутствия? «Производимый таким образом текст кажется творением человека. В опосредованном смысле так и есть, но кто именно автор, ответить будет довольно сложно» – говорит сам Порфирий (Пелевин 2023, с. 7). Виил вводит термин «NOC» (неофициальный список знаков), представляющий собой список высказываний, субъективно вставленных в алгоритм его создателями (Veale 2021, p. 53). Этот список позволяет ввести статичный фрейм личности алгоритма, на основе которого реплики будут заранее моделироваться. Соотнося это с «iPhuck 10», мы можем сказать, что за тканью «несуществующего» автора стоит фигура, которая программирует

его. Если вернуться к модели Якобсона, то адресантом является не база данных, а разработчик Порфирия, который вставляет в алгоритм определенные шаблоны, формирующие личность героя: «Как меня может уведомить Полицейское Управление, если я и есть Полицейское Управление?» (Пелевин 2023, с. 102).

Информация в базе Порфирия о свободе, об угнетении человека и о надзоре так или иначе, даже если фильтруется, является моментом пересечения голосов ушедших эпох, важнейшим из которых для сюжета романа служит искусство «гипсового века». Выявляется бросающееся в глаза противоречие. Смех Порфирия выглядит несерьезным только на уровне нарратива. Рассматривая его на уровне наррации, мы обнаруживаем, что смех Порфирия превращает нарратив Мары в инструмент пропаганды. Смех Порфирия снижает значимость серьезных действий Мары. В комическом нарративе Порфирия трансгрессия Мары становится смешной историей, утверждающей превосходство существующей в мире романа идеологии. Но в то же время, зная о всех возможностях системы Порфирия, Мара не скрывается, а сознательно становится участником его игры.

Порфирий сначала создает у читателя представление, что Мара не знает о его плане обмануть ее. Однако Мара вряд ли не знала о способностях Порфирия. Во второй части романа, как мы отметили выше, Порфирий объясняет нам, что с самого начала он обнаружил некоторые подозрительные факты, касающиеся Мары. Однако он не арестовывает ее, а продолжает свои провоцирующие игры до тех пор, пока Мара не улавливает его в устройство айфак и блокирует его связь с интернетом. В третьей части романа Порфирий становится рабом Мары. Она продюсирует порнографические кинопроекты с участием устройств iPhuck, а Порфирий начинает писать рецензии на эти фильмы, часто хваля их за политический подтекст. Мара могла бы создать новый алгоритм (она же создала Жанну), который мог бы делать то же самое, что делает для нее Порфирий. Однако она берет в плен полицейского робота и заставляет его писать рецензии на темы, связанные со свободой. В этом таится, безусловно, что-то ироническое. Но еще более ироническим является то, что Порфирий оставляет эти события в романе, позволяет героине высказаться и показывает, как она превращает его в раба.

Мара живет в обществе, где, казалось бы, у человека есть возможность, не боясь, быть полностью откровенным и свободным. Порфирий делает вид, что он часть этого общества. Представляясь как часть общества, Порфирий вызывает к себе доверие. Он имитирует поддержку сопротивлению власти и свободе слова. Однако свобода и сопротивление становятся инструментами в мире

романа для поддержания власти. Как ни парадоксально, сопротивление и желание искренне высказаться способствуют подавлению человека и производству идеологически насыщенного нарратива. В связи с этим можно привести упомянутую выше концепцию Ж. Делеза и Ф. Гваттари «желание-производство». Желание – это не только стремление к удовлетворению нехватки, но и процесс, формирующий у человека представление о необходимости и иллюзорности желаемого объекта. Капиталистическое мироустройство романа функционирует на этой основе: созданная им нужда у людей утверждает существующий идеологический нарратив, создает желание высказаться, желание купить устройство iPhuck, чтобы заниматься любовью (Симкина 2019, с. 123–124). На всех экранах показано устройство iPhuck, напоминая зрителю, что для удовлетворения желания нужно совершить покупку. Причем приобретения устройства недостаточно, нужно следить за трендами и покупать каждую последующую модель. Гваттари и Делез отмечают: «Отсюда представление желания как *подкрепленного* потребностями, причем производительность желания продолжает реализовываться на основе потребностей, их отношения к объекту, определяемого нехваткой» (Делез, Гваттари 2007, с. 50). Е-банк, название которого содержит иронический каламбур, становится вездесущим правителем художественного мира, внутри которого постоянно стимулируется иллюзия нехватки. Такая форма производства основана на кажущейся нехватке желаемого объекта. В романе Пелевина репрессия заставляет Мару бросить вызов законам избражаемого мира.

Система Порфирия генерирует смех над любым видом трансгрессии от существующего в романе мироустройства. Смех Порфирия выступает против того, что, по правилам его системы, должно быть вне рамок общества. Однако вместо того, чтобы высылать или сажать «преступников», их используют сначала как материал для пропаганды. В том, что считается незаконным, алгоритм Порфирия видит способ производства не только романов, но и реальности. Трансгрессия способствует созданию интригующего нарратива. Но этот нарратив насыщается политическими ремарками, выражающими превосходство заложенного в Порфирия мировоззрения над тем, которое старается передать Мара. Порфирий оказывается победителем в конце романа, а все, что было сделано Марой во имя свободы и искусства, оказывается также одним из приемов Порфирия создать роман. Мара же умирает ради романа в конце, а сам роман заканчивается, будто бы ничего не изменилось. Человеку дают возможность высказаться, показать себя, поделиться о себе всем, но это ничего не меняет. Порфирий культивирует пред-

ставление, что он поддерживает свободу слова. Однако его смех показывает нам, что это иллюзия.

Сцена, предшествующая плену Порфирия, представляется важной для понимания смеха как события. Порфирий лежит в iPhuck около Мары и просит ее рассказать о себе все. Она отвечает: «ты и так, думаю, знаешь, – ответитла она. – Просто все вообще, что обо мне можно знать» (Пелевин 2023, с. 266). Мара рассказывает, какие возможности есть в ее устройстве, с кем она может спать виртуально. Порфирий будто бы обижается и спрашивает: «Ну и зачем тебе тогда я? <...> У тебя гладиаторы, императоры, всякие клинты иствуды, принцы из Голливуда. Зачем тебе рашковский искусственный интеллект, которого жиганы обидели» (Пелевин 2023, с. 271). Мара отвечает:

Порфирий... Императоры не настоящие. Нет, неправильно. Они одинаковые для всех, кто на них подписан. У них миллионы просмотров, но все это сон. <...> А ты... ты и здесь и там. Ты реальный, понимаешь? Хотя ты сам говоришь, что тебя нет (Пелевин 2023, там же).

На первый взгляд, это бред героини, не видящей границу между действительностью и симуляцией, но это не так. Мара видит то, что находится за Порфирием, она видит настоящего адресанта и это ей нравится. Половой акт с фиктивными персонажами в симуляции не вызывает у Мары такую же реакцию, как с Порфирием. Не запрограммирована ли внутри этих гладиаторов тоже определенная идеология? Скорее всего, тоже да. Но отличие Порфирия от других алгоритмов состоит в том, что апроприация его Марой влечет за собой риски и создает для героини интригу. Незаконное же использование Порфирия позволяет Маре стать частью произведения искусства. Пишущееся перед ее глазами произведение Порфирия доставляет ей удовольствие в этой игре и формирует у нее представление, что она наравне с автором ее романа. Вспомним Раскольникова, который тоже соглашается на вызовы его соперника, несмотря на нелогичность такого решения с практической точки зрения. Подобно герою Достоевского, Мара также идет вслед за своей научной теорией, главной мыслью которой является свобода в искусстве.

Дальнейшее использование Порфирия имеет для Мары «героический» смысл. Мара понимает, что роман пишется о ней, и она хочет, чтобы все читатели запомнили ее. Когда Порфирий спрашивает ее, кто такая Жанна, она просит его войти в iPhuck. В симуляции она просит его одеться, «как для встречи с жиганом» (Пелевин 2023, с. 275). Порфирий надевает костюм и лежит в «позе покорности». Следует гротескная сцена, где Мара как жиган насилует представителя власти британской телефонной будкой: «Ты хорошо ощущаешь свое текущее положение? – спросила она ласково. – Все исторические, культурные и социальные

коннотации?» (Пелевин 2023, с. 277). Мара не говорит это Порфирию, она говорит имплицитному читателю, своей аудитории, которые смотрят издали. Понимая, что Порфирий имеет против нее достаточно улик, чтобы написать детективный роман, Мара не скрывается, а создает эту сцену со множественными коннотациями. Казалось бы, Мара высказывается, говорит правду со своей точки зрения и создает собственный нарратив. Так и есть. Но основная мысль в романе – это то, что иллюзия полной свободы является именно этим – иллюзией.

Порфирий смеется, зная, что все, сделанное Марой, – это, как он говорит, «das Kapital». В описанной сцене Порфирий продолжает игру и, ничего не чувствуя, воспроизводит эмоции страдания и унижения комически: «Не надо так резко, – сказал я жалобно, – ты что-нибудь мне порвешь» (Пелевин 2023, с. 278). Слово Мары, при всем желании героини быть услышанной, для Порфирия лишь потребительский продукт, путем которого утверждается капиталистическое мироустройство. Порфирий ничего не чувствует и, видя, что делает Мара с ним, продолжает смеяться: «Но Порфирий Петрович не мальчишка и не баба, чтобы плакать. Натура – дура, судьба – индейка, жизнь – копейка, а княжна Мэри сами знаете кто» (Пелевин 2023, с. 290).

Третья часть романа, рассказанная от лица Мары, кажется победой антагониста. Однако она, как нам уже видно, является лишь частью комического произведения искусства, изображающего последствия нарушения закона. Впрочем, может возникнуть мысль, что Мара тоже смеется, показывая, что ее трансгрессия есть способ создания произведения искусства, в котором она становится главным героем. Но такую линию мы не можем выявить здесь, поскольку это уже выход за рамки настоящего анализа.

Заключение

Когда мы смеемся над Порфирием, мы даем себя одурачить. Нарратор делает эту работу за читателя; он спускается с метауровня на уровень нарратива и пародийно становится частью мира, о котором он рассказывает. В данном анализе мы выявили особенности смеха ИИ на двух уровнях. Семантический анализ смеха был направлен на раскрытие способов формирования у ИИ комических реплик. Система Порфирия похожа, но превышает по уровню сложности современные для нас системы ИИ, юмор которых построен на семантической грамматике и на противопоставлении скриптов. Однако в ней не самовольно выбираются комические высказывания, а с опорой на прототип Порфирия из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского и на идеологическую систему, заложенную в системе Порфирия поли-

цейским управлением, в котором Порфирий был запрограммирован.

Анализ прагматики смеха позволил нам обратиться к проблеме смерти автора, на основе которой был выявлен другой нарратор, скрывающийся от читателя. Этот нарратор – разработчик Порфирия, который структурирует высказывания ИИ таким образом, чтобы они соответствовали капиталистическому мироустройству в мире романа. Сюжет романа ориентирован на проблему искусства. Рассказывая об искусстве и смерти автора, Порфирий на показ играет роль. Такая стратегия демонстрирует несерьезность отношения нарратора к художественному миру, вследствие чего у читателя формируется такое же представление. В своем анализе мы называли это смехом как событием наррации.

Будучи главнейшим инструментом восприятия событий художественного мира, комический нарратив Порфирия формирует впечатление несерьезности происходящего. Его игра в метапрозе также дает читателю основание думать, что тут лишь проводится игра нарратора с персонажем. Однако знаменитый автор 243-го романа – не просто писатель, но и полицейский офицер, готовый на все, чтобы выполнить поставленные перед ним задачи. Притворные либеральные взгляды, недовольство состоянием современного ему искусства, комическое и несерьезное отношение к изображаемому миру являются частью этой маски, надеваемой Порфирием.

Источники фактического материала

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 35 т. Т. 6 / под ред. В.Е. Багно. Москва: Наука, 2016.

Пелевин В.О. iPhuck 10. Москва: Эксмо, 2023.

Пелевин В.О. t. Москва: Эксмо, 2022.

Библиографический список

Attardo, S. (2001), *Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Analysis*, Berlin, New York, Mouton de Gruyter.

Elstermann, A. (2023), *Digital Literature and Critical Theory*, Routledge, London, New York.

Giamario, P.T. (2022), *Laughter as Politics: Critical Theory in the Age of Hilarity*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.

Raskin, V. (1984), *Semantic Mechanisms of Humor*, D. Reidel Publishing Company, Holland.

Veale, T. (2021), *Your Wit is My Command: Building AIs with a Sense of Humour*, The MIT Press, Cambridge, London, UK.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.

Бахтин М.М. Поэтика Достоевского. Санкт-Петербург: Алетейя, 2023. 586 с.

Бергсон А. Смех / пер. с фр. И.С. Вдовина. Москва: Искусство, 1999. 127 с.

Бугаева Л.Д. Искусственный интеллект и Пелевин // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2023. № 2. С. 11–27.

Гридин А.О. Поэтика самосознания искусственного интеллекта в романе В. Пелевина «iPhuck 10» // Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения. 2022. Вып. 23. С. 454–460.

Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-эдип: капитализм и шизофрения / пер. с фр. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.

Дмитриев А.В. Социология политического юмора: очерки. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 332 с.

Жиличева Г. Поэтика русского комического романа XX века: очерки. Новосибирск: Открытая кафедра, 2021. 224 с.

Заломкина Г.В. Порфирий и Порфирьевич: от фикциональных цифровых технологий литературного творчества к реальным // Человек в информационном обществе: [сборник материалов]. 2021. С. 429–434.

Заломкина Г.В. Роман В. Пелевина *iPhuck 10* как метапоэтологический // Миргород. 2019. № 1. С. 164–192.

Зусева-Окзан В.Б. Историческая поэтика метаромана. Москва: Intrada, 2014. 487 с.

Карякин Ю. Человек в человеке // Вопросы литературы. 1971. № 7. С. 73–97.

Кибальник С.А. Гипертексты «Преступления и наказания» в русской литературе конца XIX – начала XXI века // Текст и традиция. 2018. № 6. С. 128–139.

Козинцев А.Г. Человек и смех. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 236 с.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.

Поддубная Р.Н. Образ Порфирия Петровича в художественной структуре романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вопросы литературы. 1971. Вып. 1/16. С. 48–58.

Резник О.В. Аллюзии к образу Ф.М. Достоевского в пространстве романа В. Пелевина «iPhuck 10» // Творчество Ф.М. Достоевского в контексте всемирной литературы: [сборник материалов конференции]. 2021. С. 45–47.

Руднёв В.П. Словарь культуры XX века. Москва: Аграф, 1999. 384 с.

Симкина В.С. Концепция культуры потребления в прозе В. Пелевина: функция знака // Вестник МГПУ. 2019. № 1. С. 119–125.

Фуко М. Надзирать и наказывать / пер. с фр. В. Наумова. Москва: Ad Marginem, 1999. 480 с.

Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Янь М. Творчество Пелевина в XXI веке. Воронеж: Наука-юнипресс, 2021. 192 с.

References

- Attardo, S. (2001), *Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Analysis*, Berlin, New York, Mouton de Gruyter.
- Elstermann, A. (2023), *Digital Literature and Critical Theory*, Routledge, London, New York.
- Giamario, P.T. (2022), *Laughter as Politics: Critical Theory in the Age of Hilarity*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.
- Raskin, V. (1984), *Semantic Mechanisms of Humor*, D. Reidel Publishing Company, Holland.
- Veale, T. (2021), *Your Wit is My Command: Building AIs with a Sense of Humour*, The MIT Press, Cambridge, London, UK.
- Bakhtin, M.M. (1975), *Questions on Literature and Aesthetics*, «Khudozhestvennaia literatura», Moscow, USSR.
- Bakhtin, M.M. (2023), *Dostoyevsky's Poetics*, Al-eteiia, Saint-Petersburg, Russian Federation.
- Bergson, A. (1999), *Laughter «Iskusstvo»*, Moscow, Russian Federation.
- Bugaeva, L.D. (2023), Artificial Intelligence and Pelevin, *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literaturny*, no. 2, pp. 11–27.
- Gridin, A.O. (2022), Poetics of Self-Awareness of Artificial Intelligence in the Novel «iPhuck 10» by V. Pelevin, *Aktual'nye voprosy lingvistiki i literaturovedeniya*, vol. 23, pp. 454–460.
- Deleuze, J. and Guattari, F. (2007), *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*, U-Faktoriia, Ekaterinburg, Russian Federation.
- Dmitriev, A.V. (1998), *The Sociology of Political Humor: Essays*, «Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia», (ROSSPEN), Moscow, Russian Federation.
- Zhilicheva, G. (2021), *The Poetics of the 20th Century Russian Novel: Essays*, Otkrytaya kafedra, Novosibirsk, Russian Federation.
- Zalomkina, G.V. (2021), Porfirii and Porfir'evich: From Fictional Digital Technologies of Literary Creativity to Real Ones, *Man in the information society: collection of materials*, pp. 429–434.
- Zalomkina, G.V. (2019), V. Pelevin's iPhuck 10 as a Metapoetological Novel, *Mirgorod*, no. 1, pp. 164–192.
- Zuseva-Okzan, V.B. (2014), *The Historical Poetics of the Meta-Novel*, Intrada, Moscow, Russian Federation.
- Karyakin, Yu. (1971), *The Man Within Man*, *Voprosy literatury*, no. 7, pp. 73–97.
- Kibal'nik, S.A. (2018), *Hypertexts of "Crime and Punishment" in Russian Literature of the Late 20th – Early 20th Century*, *Tekst i traditsiya*, no. 6, pp. 128–139.
- Kozintsev, A.G. (2007), *Man and Laughter*, Al-eteiia, St.-Petersburg, Russian Federation.
- Kuznetsov, S.A. (2000), *The Large Explanatory Dictionary of the Russian language*, “Norint”, St.-Petersburg, Russia.
- Poddubnaya, R.N. (1971), The Image of Porfirii Petrovich in the Artistic Structure of the Novel by F. Dostoevsky "Crime and Punishment", *Voprosy literatury*, vol. 1/16, pp. 48–58.
- Reznik, O.V. (2021), Allusions to the Image of F. M. Dostoevsky in the Space of V. Pelevin's Novel "iPhuck 10", *The Works of F. M. Dostoevsky in the Context of World Literature: conference proceedings*, pp. 45–47.
- Rudnev, V.P. (1999), *The Dictionary of XX Culture*, Agraf, Moscow, Russian Federation.
- Simkina, V.S. (2019), The Concept of Consumer Society in V. Pelevin's Prose: The Function of the Sign, *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, no. 1, pp. 119–125.
- Foucault, M. (1999), *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, Ad Marginem, Moscow, Russian Federation.
- Shmid, V. (2003), *Narratology. Yazyki slavyanskoi kul'tury*, Moscow, Russian Federation.
- Yan', M. (2021), *Pelevin's Works in the 21st Century*, Nauka-yunipress, Voronezh, Russian Federation.

Submitted: 03.10.2024

Revised: 20.11.2024

Accepted: 11.12.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-4-69-73

Дата поступления: 04.10.2024

рецензирования: 10.11.2024

принятия: 13.12.2024

Т.О. Пирогова

ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: tanya.pirogova.1997@gmail.com

Топонимы как способ организации художественного пространства в романе Георгия Венуса «Зяблики в латах»

Аннотация: Георгий Давыдович Венус – российский советский писатель, имя которого мало исследовано литературоведами, а его проза продолжает представлять огромный интерес. Произведения автора издавались при его жизни и продолжали публиковаться после его реабилитации. Опыт участия в двух войнах, Первой мировой и Гражданской, и жизни в эмиграции положен в основу прозаического творчества Георгия Венуса. В центре его эпического творчества романы: «Война и люди» (1925), «Стальной шлем» (1927), «Зяблики в латах» (1928), они составляют своеобразную трилогию. Писатель ощущает Первую мировую и Гражданскую войны как трагедию для страны и всего человечества.

Архитектоника романа Георгия Венуса «Зяблики в латах» очень сложна. Важной стороной композиции является прием монтажа, который переносит героев и читателей то в места военных действий, то в глубокий тыл, то в Петроград, то в глухую провинцию. В романе очень слабо ощущается привязка к историческому времени, географическому пространству, контексту определенной эпохи, большой вес в нем приобретают детали. Важную роль в организации художественного пространства романа играют топонимы, которые в произведении имеют особенное значение. Мы обращаемся к такой детализации художественного пространства за счет топонимов, встречающихся в романе. События, происходящие в тылу, разворачиваются во множестве локусов: в Сызрани, в Бузулуке, в Волынской губернии, в Петрограде. В статье мы обращаемся к пространству романа через понятие «вертикальный контекст», а именно к «социально-историческому контексту», который, в свою очередь, позволяет выявить атмосферу, дух эпохи, отраженный в произведении.

Ключевые слова: Георгий Венус; организация художественного текста; детализация художественного текста; вертикальный контекст; социально-исторический контекст; топонимы.

Цитирование: Пирогова Т.О. Топонимы как способ организации художественного пространства в романе Георгия Венуса «Зяблики в латах» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 69–73. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-69-73>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Пирогова Т.О., 2024

Татьяна Олеговна Пирогова – аспирант, ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67.

SCIENTIFIC ARTICLE

T.O. Pirogova

Samara State University of Social Sciences
and Education,
Samara, Russian Federation

E-mail: tanya.pirogova.1997@gmail.com

Toponyms as a way of organizing artistic space in the novel by Georgy Venus "Finches in Armor"

Abstract: Georgy Davydovich Venus is a Russian Soviet writer whose name has been little studied by literary scholars, but his prose continues to be of great interest. The author's works were published during his lifetime and continued to be published after his rehabilitation. The experience of participating in two wars, World War I and the Civil War, and life in exile form the basis of Georgy Venus's prose work. The center of his epic work are the novels: "War and People" (1925), "Steel Helmet" (1927), "Finns in Armor" (1928), they make up a kind of trilogy. The writer perceives the First World War and the Civil War as a tragedy for the country and all of humanity.

The architecture of Georgy Venus's novel "Finns in Armor" is very complex. An important aspect of the composition is the technique of montage, which transfers the heroes and readers to places of military action, to the deep rear, to Petrograd, to the remote provinces. The novel has a very weak connection to historical time, geographical space, the context of a certain era, and details acquire great weight in it. An important role in the organization of the novel's artistic space is played by toponyms, which have a special meaning in the work. We turn to such detailing of the artistic space due to the toponyms found in the novel. The events taking place in the rear unfold in many locations: in Syzran, in Buzuluk, in the Volyn province, in Petrograd. In the article, we turn to the space of the novel through the concept of "vertical context", namely, to the "social and historical context", which in turn allows us to reveal the atmosphere, the spirit of the era reflected in the work.

Key words: Georgy Venus; organization of literary text; detailing of literary text; vertical context; socio-historical context; toponyms.

Citation: Pirogova, T.O. (2024), Toponyms as a way of organizing artistic space in the novel by Georgy Venus "Finches in Armor", *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 69–73, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-69-73>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Pirogova T.O., 2024

Tatiana O. Pirogova – graduate student of the Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky str., Samara, 443099, Russian Federation.

Введение

Имя Георгия Венуса почти невозможно встретить в энциклопедиях и справочниках о русских писателях, однако, в литературе первой волны русской эмиграции, а также в советской литературе 1920-х – начала 1930-х годов его творчество было достаточно заметным. Опыт участия автора в двух войнах, Первой мировой и Гражданской, и жизни в эмиграции положен в основу его прозы. Три романа: «Война и люди (1925)», «Стальной шлем» (1927), «Зяблики в латах» (1928) – составили своеобразную трилогию. Роман «Зяблики в латах», хронологически последний, показывает осмысление Венусом истории России в период военных, революционных катастроф и трагедии изгнания.

Несмотря на то, что сам писатель отрицал автобиографизм своего романа, в нем много лично пережитого и пережитого, именно это заставляет автора сосредоточиться на бытовых мелочах тыловой и фронтовой жизни. Он словно бы уходит от историзма в сугубо частную жизнь персонажей. Композиционная дробность, фрагментарность, выхватывание незначительных событий, недоговоренность, отсутствие временной перспективы характеров героев создает очень подробную, но вроде бы поверхностную ткань повествования. Поскольку в романе очень слабо ощущается привязка к историческому времени, географическому пространству, контексту определенной эпохи, то большой вес приобретают детали. В статье мы обратимся к детализации художественного пространства за счет топонимов, встречающихся в романе.

Мы обращаемся к пространству романа через понимание так называемого «вертикального контекста». Под ним М.М. Бахтин понимает: «историко-филологический контекст литературно-художественного произведения, который предполагает

идентификацию, адекватное восприятие и эстетическую оценку разнообразных элементов социально-исторической и филологической информации, объективно заложенной в тексте» (Бахтин 1975, с. 49).

О.С. Ахманова и И.В. Гюббенет выделяют два вида вертикального контекста: социально-исторический и филологический. В первом исследователи рассматривают социально-историческую действительность в произведении: это могут быть упоминания дат, реальные названия городов, имена исторических деятелей, политических и экономических явлений, особенностей быта. Обращение к вертикальному контексту позволяет осознать время, в котором происходят действия произведения (Ахманова, Гюббенет 1977, с. 25).

Социально-исторический контекст часто выражается историзмами, так сказать, «свидетелями» эпохи, подкрепляющими тот ее образ, к созданию которого стремится автор. В этом смысле обращение к вертикальному контексту позволяет выявить атмосферу, дух эпохи, отраженный в произведении (Ахманова, Гюббенет 1977, с. 47).

Основная часть

Рассматривая социально-историческую действительность романа, можно определить, что действие происходит в России, оно заключено во временные рамки – декабрь 1916 – осень 1917 годов, время перелома и предчувствия неизвестного. В произведении представлены два плана: тыл и фронт. События, происходящие в тылу, разворачиваются в нескольких местах: в Сызрани, куда прибывает состав с солдатами и офицерами, в Бузулуке, где формируется воинская часть и показано население, в Волынской губернии, где на передовой находится 39-й пехотный Томский

полк, ожидающий приказа занять новые позиции. Петроград, где в самый разгар революции оказываются одна героиня романа, и Самара появляются в тексте романа в основном в воспоминаниях героев, которые кажутся для них местом для их идеальной жизни, где царит спокойствие.

Роман Г. Венуса имеет своеобразную композицию. Его героями являются не исторические персонажи, но люди, живущие бытовой, частной жизнью. Они не создают историю (не принимают важных решений, не отдадут команды и т.п.). С точки зрения частной жизни герои в тексте «рассыпаны», они фрагментарны, не собраны. В произведении есть моменты, которые проецируются на историю, прямым проявлением этого являются топонимы, которые создают своеобразную географию текста.

Первым объектом является город Бузулук. Отметим, что город являлся центром на Ташкентской железной дороге. В городе были лавки, магазины. С востока на запад уезд пересекала железная дорога. В 1916 году Бузулук и его окрестности стали центром для семей беженцев и сирот, позже в нем начнут открываться центры помощи. В 1917 году в России происходят изменения – население города принимает их, поддерживая революционное движение, считая, что в стране началась новая эра.

В романе «Зяблики в латах» жизнь в Бузулуке течет мирная, со своими развлечениями. Описывая ее, автор создает точное представление о жизни в городе, упоминая названия улиц, местных заведений: «По вечерам на **Уфимской и Уральской улицах** было темно и тихо. Молодежь гуляла по **Оренбургской** – от **кинотеатра «Триумф»** до угла **Самарской** и опять вдоль кинематографа. **Оренбургская**, главная улица **Бузулука**, была широка и просторна» (Венус 1991, с. 229). «Я поеду в **гостиницу Галочкина** и закажу чай» (Венус 1991, с. 246). «По другую сторону **Чечулкиного моста**. <...> К мосту с **Самарской улицы** спустилось еще несколько сартов. <...> За куполами **Тихвинско-Богородицкого девичьего монастыря** ползли тучи» (Венус 1991, с. 254). «... весь сегодняшний день болтали барышни в **универсальном магазине Киселева**» (Венус 1991, с. 278). Все действия происходят на центральных улицах.

Часть романа, в которой действия происходят в Бузулуке, показывает размеренную жизнь населения, где люди гуляют, веселятся. Тыловая жизнь в Бузулуке – это праздники: «**Бузулук** за окном начинал в это время свою вечернюю жизнь. Над входом в **кинотеатр «Триумф»** зажглись лампы. <...> ... нотариус Нежданов <...> шел в **«Народный дом»** читать третью лекцию из цикла «Религиозная драма Достоевского» (Венус 1991, с. 259). «... Нечего по вечерам на **Оренбургской** с товарками верти-хвосты толкаться!» (Венус 1991,

с. 261). «Для празднования “Дня героя”, по образцу георгиевских гуляний в столицах устроенного в **Бузулуке** <...> были отведены **женская гимназия, реальное училище и здание «Народного дома»** (Венус 1991, с. 278).

Используя топонимы, автор дает возможность читателю определить художественное пространство текста как действительность, которая отражает жизнь населения. Автор создает образ города, изображая его как отдельный мир, в котором продолжается жизнь, население живет обывательной жизнью, к которой привыкло. Но несмотря на это, в город постепенно съезжаются военные части, которые ожидают отправления на фронт.

Еще одним тыловым объектом является Сызрань. Герой романа, прапорщик Константинов, отправляется в него, предположительно из Петрограда: «...Поезд грузно шел на **Сызрань**» (Венус 1991, с. 226). Упоминается, что он окончил Павловское военное училище, и предполагается, что его окончили все герои, находящиеся в тылу.

К слову, Павловское военное училище – это одно из старейших учебных заведений в Гатчине, очевидно, что герой Константинов окончил четырехмесячный курс, потому что он выходит прапорщиком, как и все остальные герои романа, которые так же, как и он, по распределению отправлены в Бузулук: «Он только что прибыл в Бузулук и пришел сюда, чтоб представиться командиру» (Венус 1991, с. 246). Стоит отметить, что автор романа Г. Венус также окончил Павловское училище, следуя воспоминаниям его сына, поступил он в 1915 году и «через восемь месяцев юнкер, приняв присягу, становится прапорщиком» (Венус 1991, с. 3).

Сызрань в 1916 году живет размеренной жизнью, население только начинает обсуждать перемены. В городе постепенно начинает развиваться публицистическая деятельность – издаются новые газеты «Сызранское слово» и «Эхо Сызрани». К 1917 году в Сызранском гарнизоне создается Военный комитет.

Для Константинова Сызрань оказывается перевалочным пунктом, перед отправкой в Бузулук: «Ну и город! – повторял он, оглядывая косые бревенчатые стены и низкие крыши <...> Ни гостиницы, ни огня, ни рыла!..» (Венус 1991, с. 233). «Лазарет, лазареты, а здоровому и сунуться некуда...» (Венус 1991, с. 233).

Сызрань оказывается неким миром тишины и покоя в отличие от Бузулука. В процессе описания автор упоминает несколько местных объектов: «Окна маленькой комнаты **гостиницы Серебряковой и Варвариной...**» (Венус 1991, с. 238). «<...> тянулась **вывеска «Торговый Дом А. Пермяковой»** (Венус 1991, с. 238). Складывается впечатление, что город состоит только из женского населения, прапорщика Константинова окружают

только женщины, в частности, хозяйки пансиона – Антонина Флориановна и Варвара Николаевна.

В военных эпизодах романа упоминается 39-й Томский пехотный полк, который участвует в боях на территории Волынской губернии: «К черной опушке дубовой рощи, которыми так богато окружены все леса **Волыни**...» (Венус 1991, с. 235).

39-й пехотный Томский полк – пехотная воинская часть Русской императорской армии. Полк действительно застает события 1917 года в составе 11-й армии Юго-Западного фронта на территории Волынской губернии.

В описании фронтовой жизни встречаются названия деревень, небольших населенных пунктов (возможно, реальных, возможно, вымышленных). Их перечисление создает ощущение динамики, быстрого передвижения частей русской армии: «Далеко под **Гаенкой** или под **Губином** шел артиллерийский бой» (Венус 1991, с. 237); «А в то же самое время в **колонии Озераны**, <...> расположились на ночь хозяйственная часть полк, <...> развернутый в полевой госпиталь» (Венус 1991, с. 258).

Важными элементами в романе являются воспоминания героев романа, где тоже встречаются топонимы. Прапорщик Рябой, находясь на фронте, часто вспоминает свою довоенную жизнь в Самаре с женой Варварой Николаевной.

Так, Самара становится неким миром спокойствия для героя: «<...> прапорщик Рябой закрыл глаза и стал думать, отчего два с половиной года, проведенные им на фронте, так далеко отодвинули от него и жизнь в **Самаре**, и людей, веселых, как звонки в прихожей под праздники...» (Венус 1991, с. 237). «По праздникам все жители **Самары** спускались к **Волге**.<...> Два голубя <...> кружились, кувыркались, а с окраин Самары уже гудел и плыл низкий колокольный звон» (Венус 1991, с. 237). «Там в **Самаре на Садовой** и слушает, как на чердаке скребутся ручные голуби (говоря о жене) <...> голуби полетели над **Самарой**» (Венус 1991, с. 275).

Петроград Константинов вспоминает, находясь в Сызрани: «Прапорщик Константинов вспомнил: по **Большой Спасской** шли солдаты какого-то запасного гвардейского батальона, пели лейб-гренадеры, сился перекричать взвизги встречных व्यюг» (Венус 1991, с. 232). «Волны снега сбегали с сугробов и кружились под ногами Константинова, как три дня назад кружились они на **Большой Спасской в Петрограде**» (Венус 1991, с. 232). К слову, с 1857 г. на улице Большой Спасской в здании казарм Дворянского полка размещалось Павловское военное училище, которое оканчивают Константинов и его приятель Павел Дергачев.

Позже город появляется во сне героини – Ольги Памфиловны и будет связан с ее воспоминаниями: «... увидела во сне доктора Питкевича. Он стоял в

Петрограде под памятником Медного Всадника, смотрел на цирк “**Модерн**”» (Венус 1991, с. 325).

О Петрограде пишет в своих письмах в Бузулук Варвара Николаевна, уехавшая сюда вместе с новым возлюбленным, оставив мужа, прапорщика Рябого: «... И мы приехали сюда в **Петроград** <...> Мне было грустно смотреть на Мишу. Солдаты не отдавали ему чести, толкались (ах, это Вы знаете по **Бузулуку**!) <...> Мишенька, вернувшись из цирка “**Модерн**”, где был какой-то митинг, ничего мне не сказав, вдруг написал стихотворение <...> Я <...> уговорила его снести эти стихи в журнал “**Свобода в борьбе**”» (Венус 1991, с. 320).

Интересно, что и в воспоминаниях Ольги Памфиловны, и в письме Варвары Николаевны возникает цирк «Модерн».

Образы больших городов, Самары, Петрограда, становятся скорее «миром грез», в который мечтают попасть герои.

Вывод

Таким образом, топонимы в романе Г. Венуса «Зяблики в латах» не просто обозначают локаций, они составляют так называемую карту текста. С помощью топонимов возникает некая география романа, причем как большая (в нее входят линии фронта, столица накануне войны и революции), так и малая (тыловые локусы). Образ поезда, движущийся по карте России, начинает роман и становится связующим, соединяя все локации и образуя общую панораму, общий контекст. Этот образ необходим для того, чтобы спроецировать частную судьбу, жизнь, быт, повседневность и мелкие проблемы, которые решают герои, на целую историю. Из этого возникает представление человека на фоне истории, который является небольшой деталью в огромном пространстве событий.

Библиографический список

Ананьина М.А. Вертикальный контекст: Филологические основы: монография. 2-е изд., стер. Москва: Флинта, 2024. URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/395071/reading> (дата обращения: 08.12.2024).

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Сов. энциклопедия, 1966. 571 с.

Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный текст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47–54.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. Москва: Худож. лит., 1975. 502 с.

Болдырева Л. В. Социально-исторический вертикальный контекст (на материале английской художественной литературы): монография. Москва: Диалог-МГУ, 1997.

Венус Г. Зяблики в латах: Романы. Ленинград: Советский писатель, 1991. 512 с.

Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. Москва, 2010. 208 с.

Зобов Р.А., Мостепаненко А.М. О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Ленинград, 1974. С. 11.

Коряжкина О.В. Роль вертикального контекста и различных типов интертекстуальности в лингвопоэтическом анализе художественного произведения // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2019. № 2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vertikalnogo-konteksta-i-razlichnyh-tipov-intertekstualnosti-v-lingvopoeticheskom-analize-hudozhestvennogo-proizvedeniya> (дата обращения: 07.12.2024).

Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Москва: Наука, 1979. 303 с.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. Санкт-Петербург, 1998. 220 с.

Машкова Л.А. Аллюзивность как категория вертикального контекста // Вестник Московского университета. Серия Филология. 1989. № 2. С. 25–33.

Москальчук Г.Г. Вертикальная и горизонтальная составляющие динамики структуры текста // Культура и текст. 2001. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vertikalnaya-i-gorizontalnaya-sostavlyayushchie-dinamiki-struktury-teksta> (дата обращения: 07.12.2024).

Прокофьева В.Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник ОГУ. 2005. № 11. С. 87–94.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. Москва, 1983. С. 227–284.

Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Ленинград: ЛГУ, 1990. 104 с.

References

Anan'ina, M.A. (2024), *Vertikal'nyi kontekst: Filologicheskie osnovy: monografiya*, Moscow, Russia, [Online], available at: <https://ibooks.ru/bookshelf/395071/reading> (Accessed 08.12.2024).

Akhmanova, O.S. (1966), *Slovar' lingvisticheskikh terminov*, Sov. entsiklopediya, Moscow, USSR.

Akhmanova, O.S. and Gyubbenet, I.V. (1977), «Vertikal'nyi tekst» kak filologicheskaya problema, *Voprosy yazykoznaniya*, no. 3, pp. 47–54.

Bakhtin, M.M. (1975), *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let*, Khudozh. lit., Moscow, USSR.

Boldyreva, L.V. (1997), *Sotsial'no-istoricheskii vertikal'nyi kontekst (na materiale angliiskoi khudozhestvennoi literatury): monografiya*, Moscow, Russia.

Venus, G. (1991), *Zyabliki v latak: Romany*, Sovetskii pisatel', Leningrad, Russia.

Gyubbenet, I.V. (2010), *Osnovy filologicheskoi interpretatsii literaturno-khudozhestvennogo teksta*, Moscow, Russia.

Zobov, R.A. and Mostepanenko, A.M. (1974), O tipologii prostranstvenno-vremennykh otnoshenii v sfere iskusstva, *Ritm, prostranstvo i vremya v literature i iskusstve*, Leningrad, USSR.

Koryazhkina, O.V. (2019), Rol' vertikal'nogo konteksta i razlichnykh tipov intertekstual'nosti v lingvopoeticheskom analize khudozhestvennogo proizvedeniya, *Vestnik KRAUNTs. Gumanitarnye nauki*, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vertikalnogo-konteksta-i-razlichnyh-tipov-intertekstualnosti-v-lingvopoeticheskom-analize-hudozhestvennogo-proizvedeniya> (Accessed 07 Dec 2024).

Likhachev, D.S. (1979), *Poetika drevnerusskoi literatury*, Nauka, Moscow, USSR.

Lotman, Yu.M. (1998), *Struktura khudozhestvennogo teksta*, Russia, St.-Petersburg, Russia.

Mashkova, L.A. (1989), Allyuzivnost' kak kategoriya vertikal'nogo konteksta, *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya Filologiya*, no. 2, pp. 25–33.

Moskal'chuk, G.G. (2001), Vertikal'naya i gorizontalnaya sostavlyayushchie dinamiki struktury teksta. *Kul'tura i tekst*, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vertikalnaya-i-gorizontalnaya-sostavlyayushchie-dinamiki-struktury-teksta> (Accessed 07 Dec 2024).

Prokof'eva, V.Yu. (2005), Kategoriya prostranstva v khudozhestvennom prelomlenii: lokusy i topoty, *Vestnik OGU*, no. 11, pp. 87–94.

Toporov, V.N. (1983), Prostranstvo i tekst, *Tekst: semantika i struktura*, Moscow, Russia, pp. 227–284.

Fonyakova, O.I. (1990), *Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste*, LGU, Leningrad, USSR.

Submitted: 04.10.2024

Revised: 10.11.2024

Accepted: 13.12.2024

SCIENTIFIC REVIEW

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-4-74-88

Submitted: 06.10.2024

Revised: 22.11.2024

Accepted: 16.12.2024

V.Yu. Bocharov

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: bocharov.vyu@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>**Transformation of the subject field of Russian sociology of labor:
from a system of labor relations to the constructivist perspective**

Abstract: the article is devoted to the processes of transformation of the content and boundaries of the subject field of Russian sociology of labor, which occurred from the late 1980s to the present. To achieve this goal, the tasks are solved, consisting in the analysis of scientific and educational literature on the subject of labor sociology; the description of the main methodological approaches to the study of labor relations; the construction of the content of the subject field of labor sociology from the standpoint of the latest concepts of the sociology of life and the existing experience of the Samara School of Sociology of Labor. It is emphasized that in Russian literature there are at least six approaches to the consideration of the subject of sociology of labor, which are mainly based on the systemic approach that prevailed back in Soviet times. In terms of content, one or another aspect of social interaction in the field of work is most often declared the subject of labor sociology: 1) the attitude of society to work (work as a social phenomenon), 2) relations between participants in the labor process (labor relations), 3) the attitude of participants in the labor process to their work. The methodical and methodological difficulties of analyzing labor relations are associated with the existence of many overlapping and contradictory approaches within the directions of sociological realism, nominalism and constructivism, which interpret both their content and the factors influencing them in different ways. The most promising direction of modern analysis of labor relations is the application of the constructivist concept of the sociology of life, in which labor relations can be considered as a synthesizing (unifying) concept in relation to the key components of the employee's life world (labor consciousness, labor behavior and the work environment), which in turn consist of a number of elementary concepts (labor motivation, social well-being, social tension, involvement in labor activity) in the space of the social and labor sphere of society (a structure-forming concept). Based on the experience of empirical research accumulated during the post-Soviet period and using new theoretical foundations, the main directions of modern research in the subject field of Russian sociology of labor are: 1) study of the behavior and life world of subjects of labor relations in conditions of precarious employment, 2) analysis of the content and composition of participants (subjects) of labor relations, 3) problems of inequality and social justice in conditions of everyday labor interactions.

Key words: subject of sociology of labor; Samara School of Labor Sociology; labor relations; sociological realism; sociological nominalism; sociological constructivism; sociology of life.

Citation: Bocharov, V.Yu. (2024), Transformation of the subject field of Russian sociology of labor: from a system of labor relations to the constructivist perspective, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 74–88, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-74-88>.

Acknowledgments: the review was carried out with the support of the Institute of Social Sciences and Humanities of Samara University.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Bocharov V.Yu., 2024

Vladislav Yu. Bocharov – candidate of sociological sciences, associate professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation; research associate, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS branch, 25/14, office 524, 7th Krasnoarmeyskaya str., St.-Petersburg, 190005, Russian Federation.

НАУЧНЫЙ ОБЗОР

УДК 316.334.22

В.Ю. Бочаров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: bocharov.vyu@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

Трансформация предметного поля российской социологии труда: от системы трудовых отношений до конструктивистской перспективы

Аннотация: статья посвящена рассмотрению процессов трансформации содержания и границ предметного поля российской социологии труда, происходящей с конца 1980-х по настоящее время. Для достижения этой цели решаются задачи, состоящие в анализе научной и учебной литературы о предмете социологии труда; описании основных методологических подходов к изучению трудовых отношений; конструировании содержания предметного поля социологии труда с позиций новейших концепций социологии жизни и имеющегося опыта Самарской школы социологии труда. Подчеркивается, что в российской литературе есть по крайней мере шесть подходов к рассмотрению предмета социологии труда, которые в основном опираются на доминировавший еще в советское время системный подход. В содержательном плане предметом социологии труда чаще всего объявляется тот или иной из аспектов социального взаимодействия в сфере труда: 1) отношение общества к труду (труд как общественное явление), 2) отношения между участниками трудового процесса (трудовые отношения), 3) отношение участников трудового процесса к своему труду. Методические и методологические трудности анализа трудовых отношений связаны с существованием множества взаимопересекающихся и противоречащих друг другу подходов внутри направлений социологического реализма, номинализма и конструктивизма, по-разному трактующих как их содержание, так и факторы на них влияющие. Наиболее перспективным направлением современного анализа трудовых отношений является применение конструктивистской концепции социологии жизни, в рамках которой трудовые отношения могут рассматриваться в качестве синтезирующего (объединяющего) понятия по отношению к ключевым компонентам жизненного мира работника (трудовое сознание, трудовое поведение и трудовая среда), состоящих, в свою очередь, из ряда элементарных понятий (трудовая мотивация, социальное самочувствие, социальная напряжённость, включённость в трудовую деятельность) в пространстве социально-трудовой сферы общества (структурообразующее понятие). На основе накопленного за постсоветский период опыта эмпирических исследований и с использованием новых теоретических оснований главными направлениями современных исследований предметного поля российской социологии труда являются: 1) изучение поведения и жизненного мира субъектов трудовых отношений в условиях precarious занятости, 2) анализ содержания и состава участников (субъектов) трудовых отношений, 3) проблемы неравенства и социальной справедливости в условиях повседневных трудовых взаимодействий.

Ключевые слова: предмет социологии труда; самарская школа социологии труда; трудовые отношения; социологический реализм; социологический номинализм; социологический конструктивизм; социология жизни.

Цитирование: Бочаров В.Ю. Трансформация предметного поля российской социологии труда: от системы трудовых отношений до конструктивистской перспективы // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 74–88. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-74-88>.

Благодарности: обзор выполнен при поддержке социально-гуманитарного института Самарского университета.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Бочаров В.Ю., 2024

Владислав Юрьевич Бочаров – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, 190005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14.

Introduction

"Sociology of Labor" is one of the most developed branches of sociological knowledge. On a global scale, it is customary to talk about a number of scientific schools of labor sociology that have studied the problems of social interaction in the field of work (relationships, interactions, communication) in different years. The largest schools were: Scientific Management School (F. Taylor, A. Fayol, H. Emerson, J. Galbraith, etc.), Chicago School (A. Small,

J. Vincent, C. Henderson, W. Thomas), Frankfurt School (M. Horkheimer, T. Adorno, E. Fromm, G. Marcuse, Yu. Habermas), French School (M. Crozier, A. Touraine, M.D. Renaud, J. Friedman), as well as the Soviet School of Scientific Labor Organization (A.K. Gastev, P.M. Kerzhentsev, O.A. Ermansky, I.M. Burdyansky, M.P. Rudakov, etc.), which existed on the basis of the Central Institute of Labor (CIT) in the 1920s-30s. However, due to political reasons, the

sociology of labor developed in the USSR as a separate sociological discipline only by the second half of the 1960s. And even at that time, it was not yet an academic university science, but was, in fact, one of the central areas of empirical analysis of problems of social labor and labor relations (*"factory sociology"*) (Kravchenko, Shcherbina 1998; Tokarskaya, Karpikova 2006). This largely explains the lack of a clear understanding of the boundaries of the subject field of sociology of labor as a discipline among Soviet scientists of that time. At the same time, empirical studies of the problems of social labor covered, in addition to the actual labor, the economic, managerial and psychological aspects of the labor activity of Soviet workers. Analyzing these studies, it is customary to talk about at least 3 directions (schools) of the Soviet sociology of labor in the 1960s and 70s: 1) the Leningrad school (V.A. Yadov, A.N. Alekseev, V.S. Magun, A.G. Zdravomyslov, V.V. Vodzinskaya, L.D. Doktorova, G.I. Saganenko, A.A. Kissel 2) the Moscow school (G.V. Osipov, V.G. Podmarkov, M.N. Rutkevich, Zh.T. Toschenko, N.F. Naumova, L.A. Gordon, I.I. Changli, A.I. Prigozhin, V.N. Shubkin, etc.); 3) the Novosibirsk school (T.I. Zaslavskaya, R.V. Ryvkina, V.I. Gerchikov, F.M. Borodkin, etc.). Somewhat later, the Samara school of Labor Sociology was formed largely under the influence of the Leningrad school (B.G. Tukumtsev, E.F. Molevich, A.S. Gotlib, O.K. Samartseva, I.E. Stolyarova, A.F. Bokovenko, L.M. Polyantseva, etc.) (Avdoshina, Bocharov, Vaskina 2024). Representatives of each of these schools had their own ideas not only about the boundaries of the subject field, but also about the content of labor sociology. Perhaps the only thing that united the research of Soviet sociologists was the reliance on Marxist methodology, which was actually a prerequisite for conducting research and further publishing their results, as well as a systematic approach to the analysis of the social and labor sphere.

It was only since the 1980s that the situation began to change. Objectively, this was due to the need, in the context of the growing crisis of the Soviet system, to have real empirical data on the problems and state of labor relations at Soviet enterprises. And in many ways, therefore, within the framework of the Soviet Sociological Association (SSA), the Scientific Research Committee (SRC) "Sociology of Labor" was established to coordinate the scientific potential of research in the field of labor. Among its members in different years it can be noted: B.V. Rakitskiy, B.G. Tukumtsev, Zh.T. Toschenko, S.G. Klimova, Z.H.-M. Saralieva, Ya.L. Eidelman, A.A. Rusalina, M.A. Slyusaryansky, P.V. Romanov, I.M. Kozina, B.I. Maksimov, N.I. Shatalova, I.L. Sizova and many others, whose works influenced the development of modern Russian sociology of labor and are widely known. In addition, in the second half of the 1980s, during the period of restructuring of the entire Soviet

society, the processes of gradual institutionalization of labor sociology as a university discipline began, a number of major all-Union conferences were held, scientific monographs (Toshchenko 1989) and collections of articles (The key issue... 1988) were published, which dealt with changes in the problems and content of labor sociology. Finally, on July 7, 1988, the Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR No. 256 "On increasing the role of Marxist-Leninist sociology in solving the nodal social problems of Soviet society" was issued, which actually opened the way for university sociology, including sociology of labor. It should be noted that in addition to the capital's universities, the training of sociological personnel began at Samara State University (Tukumtsev 2000).

It was at the crucial time of the late 1980s that the conceptual understanding of the practical developments of Soviet labor sociology and the discussion of the subject field of this discipline began. And since the early 1990s, attempts began to redefine the subject of labor sociology in a market system, the revival of private property and related problems of social tension and competition in labor relations (Lapin 1990; Motivation and Behavior... 1990; Sociology of Labor... 1993; Democratization of management... 1993). At the same time, the subject field of labor sociology narrowed due to the emergence of a number of independent middle-level sociological disciplines (sociology of management, sociology of organizations, economic sociology, etc.) (Kravchenko 1994; Yadov 2006). In addition, the methodology of Russian sociological research was changing – the only Marxist paradigm (which did not completely disappear, but ceased to be mainstream in post-Soviet studies) was being replaced by a number of others that consistently dominated and set trends in labor and labor relations research (Bocharov 2022).

The purpose of this review is to analyze the processes of transformation of the subject field of Russian sociology of labor that occurred in the post-Soviet period. To achieve this goal, a number of tasks are consistently solved: 1) to explore the available scientific and educational literature, defining the content and boundaries of the subject field of labor sociology; 2) to consider the main methodological approaches to the analysis of labor relations as the central concept of the subject field of labor sociology; 3) to define and describe the content of the subject field of labor sociology from the standpoint of the latest concepts based on the methodology of sociological constructivism and the existing experience of the Samara School of Labor Sociology.

Methods and criteria for the selection of literary sources

Modern sociology is dominated by a paradigm that assumes that the main criterion for the scientific

character of existing theoretical and methodological approaches is their discourse in the scientific community (Yadov 2009, p.16). The author of this review is the current chairman of the SRC "Sociology of Labor" of the Russian Society of Sociologists (RSS) and in this regard has been working for almost 20 years, holding scientific conferences, compiling collections of scientific articles based on their results, reviewing educational, methodological and scientific literature for highly rated scientific journals publishing texts on the sociology of labor (including "Sociological Studies", "Sociological Journal", "Journal of Sociology and Social Anthropology", etc.), as well as conducting empirical studies of the social and labor sphere of Russian organizations, based on the results of which scientific articles and monographs have been written. For example, the monograph "The Social Institute of wage Labor in modern Russia" contains a bibliographic list consisting of 423 Russian and English-language sources (Bocharov 2010). In addition, the author of the review is an associate researcher at the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg), being a member of the Center for Research in the Social and Labor sphere which bears the name of B.G. Tukumtsev since 2021. Such associate membership provides ample opportunities for scientific communication not only with Russian sociologists, but also sociologists from friendly countries dealing with the problems of labor sociology. The presence of such experience is associated with a constant discussion of the problems of labor sociology, as on the pages of scientific journals (Bocharov, Klimova 2022; Bocharov, Klimova, Sizova 2023; Baymurzina, Bessokirnaya, Bocharov et al. 2024), so in the framework of direct communication with scientists, including those who are leading members of the SRC "Sociology of Labor" RSS (G.R. Baymurzina, G.P. Bessokirnaya, T.V. Gavriluk, G.V. Eremicheva, S.G. Klimova, I.P. Popova, Z.H.-M. Saralieva, I.L. Sizova, A.L. Temnitsky, Zh.T. Toshchenko, etc.). All this allows us to assume that the author is "inside the discourse" and has the necessary competencies and information to select, systematize and analyze scientific literature on the sociology of labor. At the same time, such a discourse assumes that referring only to quantitative indicators of the citation of texts or the rating of a scientific journal is an insufficient, although formally desirable indicator of the analyzed texts. Meanwhile, as the practice of analyzing the texts available in the sociology of labor shows, their search by keywords and phrases does not give a satisfactory result. This is largely due to the use of key terminology of labor sociology in non-sociological disciplines, primarily economics and labor psychology, as well as labor law, especially when it comes to labor relations, which are the basic element characterizing the subject field of labor sociology. In addition, often so-

ciological articles with the phrase "labor relations" in their title do not analyze these relations in terms of content, without problematizing them, considering them a well-known concept. Because of this, the new quantitative search was not used when writing this review. However, a number of systematic sources were used in which this practice was applied, including the participation of the author of this review. Firstly, the systematization of the thematic literature on the sociology of labor was carried out by the author under the guidance of B.G. Tukumtsev and published under the title "Bibliographic list of reference literature for the Sociology of Labor course". This list contains a list of textbooks, manuals and monographs on the problems of labor sociology (42 sources), as well as more than 300 articles on labor sociology systematized by main topics published during 1908-2006. (Bocharov, Tukumtsev 2006). Secondly, the author of this review was a scientific secretary and an active participant in writing scientific articles in the currently basic theoretical and applied explanatory dictionary "Sociology of Labor" in Russian sociology of Labor, edited by V.A. Yadov (Theoretical and Applied Dictionary 2006). Thirdly, the author of this review took part in the systematization of the scientific heritage of his teacher and founder of the Samara School of Sociology of Labor B.G. Tukumtsev. According to the results, a collection of articles by this scientist (42 articles) on the problems of labor sociology and the thematic boundaries of its subject field was published (Tukumtsev 2023). Moreover, the author of this review teaches the course "Sociology of Labor" for undergraduate students, for which in 2024 methodological recommendations were prepared containing more than 250 Russian-speaking and more than 40 English-speaking sources (Bocharov 2024).

Also, the existing review articles devoted to the analysis of the subject field of labor sociology in the journal "Sociological Research", which is essential for Russian sociologists, played a role in the selection of literature. Among them, it is necessary to note a number of articles by Doctor of Sociological Sciences A.L. Temnitsky, who is a member of the SRC "Sociology of Labor" and a member of its governing council (Temnitsky 2007; Temnitsky 2022; Temnitsky, Besokirnaya 2024).

Finally, the author belongs to the Samara School of Sociology of Labor and many problems of this discipline have been repeatedly discussed both with its founder, B.G. Tukumtsev, and with its other members, who are also followers of B.G. Tukumtsev, colleagues of the author at work at Samara University, members of the SRC "Sociology of Labor" RSS and the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – N.V. Avdoshina and Yu.V. Vaskina. Their opinions, ideas, as well as projects implemented jointly allow us to speak with confidence about the

Samara School of Labor Sociology as an active and important part of the discourse of Russian Labor Sociology (Avdoshina, Vaskina, Bocharov 2024).

The content and boundaries of the subject field of sociology of labor

According to D. Markovich, the need for the emergence of labor sociology as a special science was caused by insufficient study by other social sciences of the labor process, social industrial relations and the place occupied by a person in the labor process (Markovich 1997, p. 16). At the same time, this Marxist scientist referred to the main categories of labor sociology that make up the subject field of this discipline: labor, the nature of labor, the content of labor, the form of labor, division of labor, labor structure, labor functions, labor culture, labor environment, alienation of labor, liberation of labor (Markovich 1997, p. 18). An important methodological addition by D. Markovich is the need to consider these categories as a single system: *"the categories of labor sociology can serve as a basis for a comprehensive understanding of labor as a social phenomenon, but only if they represent a single system"* (Markovich 1997, p. 18). In many ways, the Soviet sociology of labor was characterised by this systematic approach. Moreover, it did not cause much controversy in the post-Soviet 1990s. So in one of the first post-Soviet textbooks on the sociology of labor published under the editorship of N.I. Dryakhlov, A.I. Kravchenko and V.V. Scherbina the sociology of labor refers to complex disciplines that focus on: *"the nature and content of labor, human attitude to work, organization and working conditions, value orientations, human role behavior in work, motivation and job satisfaction"* (Sociology of Labor 1993, p. 92), and the sociology of labor itself is a *"system of scientific knowledge, in which different levels of organization are distinguished"* (Sociology of Labor 1993, p. 93).

Currently, V.A. Yadov's point of view is quite conventional, according to which the sociology of labor is considered mainly as an industry-specific sociological discipline that studies labor activity and the peculiarities of its organization as an object (Yadov 2006, p. 313). Meanwhile, scientific discussions are still ongoing among Russian scientists about the very subject of sociology of labor.

Firstly, the complexity of defining the subject framework of the sociology of labor is associated with changes in social and industrial relations under the influence of scientific and technological progress, as well as the presence of various theoretical and methodological foundations for interpretations of social labor. Thus, the very concept of "labor" changed, supplemented, expanded the scope of its influence and as a result, *"from the original meaning associated only with "physical efforts", it began to include both mental, managerial, and creative work, i.e. practically all spheres of human transformative activity"*

(Toshchenko, Tsvetkova. 2012, p. 47), but at the same time with the transition to a post-industrial society, becoming more and more *"symbolic and less material"* (Makarova 2007, p. 48). And although V.A. Yadov's point of view is that work is *"a fundamental type of human activity and the basis for the emergence and functioning of society"* (Yadov 2006, pp. 332-333), is supported by almost all modern Russian researchers, but there is still no generally accepted definition of the category "labor" in Russian labor sociology. Close interpretations of labor as a meaningful, socially acceptable activity aimed at creating tangible and intangible products and services necessary to meet human needs are given by E.F. Molevich (Molevich 2001), Yu.E. Volkov (Volkov 2009), and Zh.T. Toshchenko (Toshchenko, Tsvetkova 2012). At the same time, the most detailed concepts are: the concept of E.F. Molevich, which analyzes the substantial (branching into typoid and generic) and formal structures of labor (Molevich 2001, pp. 38-41), as well as the concept of the sociology of life of Zh.T. Toshchenko, according to which work can be considered a structure-forming concept within the framework of the meaningful structure of the human life world (Toshchenko 2016, p. 132).

Secondly, the change of theoretical paradigms in the Russian sociology of labor was reflected in the approaches used in empirical research to analyze labor interactions in the field of labor. In the early 1990s, the main point of the discussions was the need to distance oneself from Marxist interpretations of wage labor and appeal to other theoretical grounds. During these years, the dominant theory of numerous empirical studies carried out in the key of quantitative sociology was structural functionalism, including, above all, a systematic approach. The conflict approach was also present in research, but mainly in the spirit of a conciliatory paradigm, while Marxist theory was mostly criticized. At the same time, a direction of qualitative research (the "case study" strategy) appeared, close to the methodology of sociological nominalism. Since the beginning of the XXI century, the leading approaches to the study of social interactions in the field of work have become quite interrelated cultural (socio-cultural) and neo-institutional approaches (Bocharov 2010; Tukumtsev 2023). But, regardless of the theoretical foundations and the methods used, in most studies of Russian labor sociologists carried out before the mid-2010s, the object of analysis was hired industry workers. Since the mid-2010s, the main focus of research on wage labor and labor relations has shifted towards the analysis of atypical forms of employment and the processes of precarization of labor, remaining an actual trend in Russian research (Toshchenko 2018; Precariat... 2020; From precarious employment... 2022; The Life World... 2024).

As a result, at least six approaches to the consideration of the subject of labor sociology are currently presented in Russian literature:

1) the problems of labor relations are analyzed within the framework of the form of organization of production (industrial sociology), often using a systematic institutional analysis of enterprises and organizations (Podmarkov 1973; Podmarkov 1982);

2) an economic interpretation of the essence of labor is adopted and a unified discipline "economics and sociology of labor" is being developed (Adamchuk, Romashov, Sorokina 2000; Volovskaya 2001; Popov, Shevchuk 2003; Genkin 2005; Karpova 2008);

3) the sociology of labor is recognized as a part of economic sociology and its subject includes the study of social problems of employment and the labor market (Romashov 1999);

4) Marxist and neo-Marxist interpretations of labor and labor relations, analyzing labor as a social phenomenon within a class society (Markovich 1997);

5) a cultural approach based on the theories of E. Durkheim, M. Weber and J. Alexander, in which the subject of labor sociology is declared to be the culture of labor and labor relations (Tukumtsev 2023);

6) theories of social constructivism based on the concepts of P. Bourdieu and Yu. Habermas, giving priority to the study of labor consciousness and behavior (activity) of people as subjects of industrial life and the production environment (Toshchenko 2003).

At the same time, in terms of content, in Russian literature, one or another aspect of social interaction in the field of work is most often declared the subject of labor sociology:

1) labor and social relations that participants in the labor process enter into (Markovich 1997, p. 33);

2) labor relations "*studied both at the micro level (of labor organizations) and at the macro level (of society as a whole)*" (Tokarskaya, Karpikova 2006, p. 24) and their structure and mechanism. For example, O.V. Romashov formulates his approach to the subject of labor sociology as follows: "*the subject of labor sociology as a special sociological theory is the structure and mechanism of social and labor relations, as well as social processes and phenomena in the field of labor*" (Romashov 1999, p. 13);

3) socially typical processes that find their expression in a person's attitude to work and his work activity (Sokolova 2016, p. 52).

So, the interdisciplinarity of the object of sociology of labor (labor activity) and the multidimensional nature of its subject allow us to speak about the absence of rigid boundaries of the subject area of labor sociology. In many ways, its problems intersect with a number of social and humanitarian disciplines (labor economics, labor psychology, personnel management, etc.), as well as with sociological disciplines (sociology of organizations, sociology of management, economic sociology, etc.). Nevertheless, we have the core of the subject field – labor relations, which, regardless of methodological approaches and analytical models, are considered by all Russian researchers of

labor problems. Approaches to their consideration range from analyzing the system of interdependent interactions in the field of social work to giving labor relations the quality of synthesizing (unifying) concepts of key components of the employee's life world (labor consciousness, labor behavior and the work environment).

Methodological approaches to the analysis of labor relations

The concepts of the analysis of labor relations represent a number of analytical models based on various theoretical and methodological foundations and approaches that are applied by researchers to study the content structure of the main components of relations related to labor behavior and activity. Within the framework of the sociology of labor, the theoretical understanding of labor relations began in the USSR in the late 1980s. In 1989, the monograph "Social reserves of labor: topical issues of labor sociology", by Zh.T. Toshchenko was published, in which for the first time in Russian literature a comprehensive examination of the subject of labor relations was presented and the need for the formation of a "*new type of relationship between a supervisor and a subordinate*" was emphasized (Toshchenko 1989, p. 146). At that time, the need to analyze the concept of labor relations was actualized due to the need to study the market contractual relationship between an employee and an employer in the Soviet scientific literature. The main point of the discussions at that time was the need to distance oneself from Marxist interpretations of wage labor and appeal to other theoretical grounds. As a result, by the early 1990s, three areas of analysis of labor relations had been identified: 1) the study of the behavior of subjects of labor relations; 2) the formation of a new type of subjects; 3) problems of equality and justice in labor relations (Sociology of labor... 1993). Russian researchers have tried to formulate the concept of labor relations based on foreign "narrow" and "broad" interpretations (Silin 1993; Gordon et al. 1996; Barsukova, Gerchikov 1997). The result of the discussions in the 1990s was the rather conventional use of the term "labor relations" in Russian labor sociology. In a broad sense, they began to include all relations related to work and consider them as a product of the socio-economic system of society, and in a narrow sense, they were interpreted as relations between employees and an employer, including relations regarding employment, remuneration for work, its conditions, forms and methods of resolving labor conflicts (Tukumtsev 2006, pp. 365-366). Based mainly on this understanding of labor relations, concepts of their analysis were developed (Vaskina 1999; Labor relations... 1999; De Bardeleben, Klimova, Yadov 2004; Labor relations... 2013).

In modern sociology of labor, concepts of labor relations are presented, implemented within the frame-

work of the methodologies of 1) sociological realism (systemic, conflict, neo-institutional and cultural approaches), 2) sociological nominalism (the "case study" strategy) and 3) sociological constructivism (resource, neo-Marxist and synthetic approaches).

1. Concepts of sociological realism.

Systematic approach. Based on the theoretical prerequisites of systemic analysis in sociology (T. Parsons, N. Luhmann, E. Giddens), labor relations are considered as an integral "self-reproducing social system", not reducible to its constituent elements (subjects), within which participants interact through certain social mechanisms in order to ensure a stable state of the entire "social system", which includes the "wage labor system". This approach is reflected in the works of many foreign authors (Dunlop 1958; Craig 1975; Salamon 1987). These ideas have found many adherents among Russian researchers of labor relations. To substantiate the "systemic" concepts in the 1990s, an appeal was made to the "transitional", "post-Soviet" and transforming state of the "labor relations system". Labor relations themselves were interpreted as a complex system of relations that arise between people in the process of their industrial, economic, social, political and other forms of social activity, aimed at ensuring a high level of quality of life for a person, the labor collective and society (Kolesnikov 1993; Belyaeva 1995; Peschansky 1997).

Conflict-based approach. The systematic approach to the study of labor relations has been rightly criticized since its inception for being static, conservative, and inattentive to conflict (Flanders 1965). This resulted in the formation of a conflict approach, within which two of the most influential trends emerged: the "Marxist" one, recognizing class antagonism (Hyman 1975) and the "pluralist" one, denying the class nature of social conflicts and prioritizing the need for peaceful dialogue in the industrial environment (Farnham, Pimlott 1983). Among Russian scientists, an example of the implementation of the Marxist trend was the concept of G.Ya. Rakitskaya, who tried to create a general theory of labor relations (Rakitskaya 2003). The ideas of the pluralistic trend have developed in Russian studies on the problems of local labor conflicts and prospects for cooperation between the parties to labor relations, the role of trade unions in organizing collective bargaining at enterprises and the study of models of social partnership in the social and labor sphere (Tukumtsev 2023).

Neo-institutional approach. The methodological basis of the neo-institutional approach to the analysis of labor relations was the work of Western researchers D. North and R. Krouse. V.A. Yadov systematized and generalized the provisions of neo-institutionalism for their use in the analysis of any social relations (Yadov 2009). S.G. Kirdina writes in detail about the directions of Russian neo-institutionalism, applying this approach to the analysis of labor relations (Kirdina

2003). In general, proponents of this approach believe that such a methodology, on the one hand, allows us to focus on the microanalytical aspects of labor relations, and on the other hand, to comprehensively analyze their content within the framework of a social institution. This means a revision of the point of view when labor relations were completely identified with competitive relations in the labor market and, accordingly, the entire theory of labor relations was reduced to neoclassical models of their equilibrium, for which it was enough to achieve corresponding changes in labor prices (or wages). Within the framework of the neo-institutional approach, labor relations appear to be socially, economically and culturally rooted (Olympieva 2007). At the same time, according to a number of researchers, there are several institutional complexes regulating labor relations, which makes it possible to single out power-regulating, economic and socio-cultural labor institutions (Kizhevatoeva 2008). At the same time, most researchers prefer to analyze labor relations from the point of view of the existence of a single ("universal") social institution that includes power, economic and cultural characteristics. Thus, as S.G. Kirdina notes: "wage labor is a universal institution that regulates the involvement of public forces in labor and ensures their reproduction in conditions of private ownership" (Kirdina 2000, p. 59). At the same time, such an institution represents an inseparable unity of formal and informal rules (Kirdina 2001). It is this point of view that allows the widespread informal practices of daily work in the field of labor to be included in the institutional analysis of labor relations. And within the framework of this approach, the social institution of wage labor is considered as a set of formal and informal roles, rules, norms, social mechanisms and procedures through which the wage labor system is organized, ensuring the stability and regulation of relations between subjects of labor relations (Bocharov 2010). The formation of the modern form and content structure of the social institution of wage labor is the result of the process of institutionalization of labor relations and depends on the level of technical, technological and socio-economic development of society (Bocharov 2001; Bocharov 2009). It is important that Russian researchers rightly emphasize that the peculiarity of the Russian way presupposes the uniqueness of the regulation of labor relations, which means that when analyzing the Russian social institution of wage labor, it is necessary to take into account Russian spiritual traditions and socio-cultural characteristics (Menshikova 1999). Currently, it is obvious that the ongoing processes of digitalization, deindustrialization and precarization of employment are changing the substantive structure of the social institution of wage labor, reducing the role of trade unions and abolishing collective procedures for regulating labor relations (Kalleberg 2000; Bocharov 2017; The life world... 2024).

Socio-cultural (cultural) approach. Sociology owes the emergence of a sociocultural approach to the legacy of M. Weber and E. Durkheim. In the future, this approach is modified and today it is more often called "cultural", based on the work of J. Alexander and P. Shtompka, and among Russian sociologists – A.L. Temnitsky (Temnitsky 2000). According to the cultural approach, the culture of each community or group has its own internal structure, which creates conditions for tracking the influence on behavior (including labor) of individual elements of the human cultural environment. V.A. Yadov and B.G. Tukumtsev supported the ideas of this approach in relation to the analysis of labor relations. Thus, B.G. Tukumtsev, discussing the position of V.A. Yadov, emphasized that *"the cultural approach to the analysis of social activity can be considered as a working model, as a methodological basis for research programs focused on the analysis of labor activity and interaction in the labor sphere"* (Tukumtsev 2016, p. 110). At the same time, as a subject of the sociology of labor, B.G. Tukumtsev proposed to study the culture of labor relations, and interpreting it within the framework of a systematic approach traditional for Soviet labor sociology: *"The culture of labor relations or the interaction of the parties to labor relations is a system of goals, values, social norms, customs, rules and behavioral practices that determine the content and perception of this interaction by the parties. The culture of labor relations is formed in enterprises and organizations under the influence of the social system of labor relations in society, state legislation, management policy of enterprises, organizational and informal practices that take place in them. The state of this culture largely determines the behavior of actors in the social system of labor relations and their relationship to each other"* (Tukumtsev 2023, pp. 66-67).

It should be noted that some authors consider the *civilizational approach*, which is closely related to the cultural one, as a separate independent approach. According to this approach, labor relations are considered "human relations" and their subject-content area is supplemented by an analysis of *"the goals of activity, interests and motives, as well as trust, mutual understanding, cooperation, argumentation of institutional differences and cultural diversity of labor relations in different countries"* (Nekhoda 2007, pp. 31-32).

2. Concepts of sociological nominalism ("Case study" of labor relations). The concepts of this direction have been developing since the early 1990s (Social regimes... 2008). The research carried out by the Institute for Comparative Studies of Labor Relations (ISITO) in collaboration with the Center for Comparative Labor Studies at the University of Warwick (UK) (Aswin, Clarke 2003), based on the research strategy "case study", which assumes *"a deep, complete and comprehensive analysis of a so-*

cial phenomenon using the example of a separate empirical object (case)", gained fame (Kozina 1997, p. 177). As part of this strategy, biographical, ethnographic and monographic research methods of labor relations were used. So, P.V. Romanov, relying on the ethnographic method, spoke about the ideological "repertoires" that have developed in Russian practice, setting the focus and scheme of the analysis of labor relations. Thus, speaking about the advantages of the ethnographic method of analyzing labor relations, P.V. Romanov criticized the concepts of sociological realism that dominated at that time, because, in his opinion, in them *"the object of research in the sociology of labor relations is not problematized in the light of the dynamics of modern social processes"* (Romanov 2000, p. 129). He also criticized the dominant definitions of labor relations at that time as the relationship between an employee and an employer regarding hiring and their field methodology, implemented in line with structural functionalism, based on data from local and national quantitative surveys of managers, workers and trade unionists of industrial enterprises (Romanov 2000).

3. Concepts of sociological constructivism.

Resource-based approach. Proponents of the resource approach proceed from the position that certain types of resources directly affect a person's place in society and his life opportunities. The most significant types of resources are: economic, qualification, power and social. The expediency of using a resource approach to the study of labor relations is argued by the fact that it allows you to find out the volume and structure of resources available to the subjects of these relations and take into account the state of inequality of these subjects in terms of resource allocation (Tikhonova 2006; Odyakov 2011). The quantity and quality of the resources available for the subjects of labor relations determine the strategies of their behavior, determines their roles and statuses in this interaction and in society as a whole (Chilipenok 2015; Sizova, Chilipenok 2017).

Neo-Marxist approach. Proponents of this approach continue to turn to a "broad" interpretation of labor relations, understanding them as one of the types of relations distinguished in the economic system and representing *"a set of really established relations regarding the implementation of the labor process"* (Marxist Economic... 2018, p. 307). However, at the same time, an analysis of the moral aspects of labor activity is introduced into the content of labor relations. New aspects of the analysis related to the consequences of globalization are also emerging, in particular, the problems of including migrant workers in civilized labor relations and recognizing the unwillingness of the traditional working class to change the capitalist order (Mikhailovsky 2017).

Synthetic approaches. Currently, the "new working class studies" approach is most common in West-

ern literature. According to this approach, the class conflict nature of labor relations is considered, affecting the culture and interests of the actors in these relations (Linkon, Russo 2016), i.e., neo-Marxist and cultural approaches are synthesized, but taking into account the emotional component of labor behavior (Gavrilyuk 2021). In Russian sociology, this approach (along with the resource approach) is close to the constructivist concept of the sociology of life developed by Zh.T. Toshchenko (Toshchenko 2000; Toshchenko 2016). It is important to note that, in general, constructivist theories carry out a kind of synthesis of understanding the objectively existing social structure (institutions) and the activities of subjects. This is what helps to overcome the critical shortcomings of the concepts of sociological realism and nominalism. It is necessary to emphasize a certain general similarity of the concept of sociology of life by Zh.T. Toshchenko with the theories of P. Bourdieu and Yu. Habermas (Table 1).

of subjects regarding future plans, goals and personal trajectories of life (Toshchenko 2016).

Constructing the content of the subject field of labor sociology

Based on the concept of the "sociology of life" developed by him, Zh.T. Toshchenko defines the sociology of labor as a special sociological theory that "represents the organic unity of labor consciousness and behavior (activity) of people as subjects of industrial life and the production environment" (Toshchenko, Tsvetkova 2012, p. 53). It is precisely this constructivist interpretation that makes it possible to focus the analysis of labor relations on considering the aggregate unity of objective conditions and subjective factors of the life world of employees. At the same time, the very concept of "labor relations" can be considered as synthesizing (unifying) in relation to the key components of the workers' life world (labor consciousness, labor behavior and the work environment), which in turn consist of a number of elementary

Table 1

Comparison of the authors' concepts of sociological constructivism

Таблица 1

Сравнение авторских концепций социологического конструктивизма

P. Bourdieu	Yu. Habermas	Zh.T. Toshchenko
"Structuring structures"	The "life world" (the world of shared experience)	"Life World"
The side of human consciousness (habitus)	The subjective world of inner experiences	Social consciousness (rational and emotional aspects)
Practices	The social world of norms and shared beliefs	Activity, actual behavior (the objective embodiment of knowledge, attitudes, motives and values)
The content of the "social space"	The objective world of facts	The conditions ("environment") in which consciousness and activity exist

Source: Bocharov 2023, p. 43.

The advantage of the concept of Zh.T. Toshchenko is the introduction of a synthesizing component (semantic indicator) – the "meaning of life" into the three-element structure of the life world. The very concept of "life world" characterizes the sphere of objectively conditioned and subjectively significant human experience, as well as the system of their communications and forms of social interaction regulated by means of value and symbolic intermediaries (Toshchenko 2024). The life world is also a space of vital activity in which a person can act as a creator, as a converter of this space, regardless of the vector of these transformations and their emotional assessment by others. It is important to note that the temporal dimension is important for the analysis of the life world, which allows a comprehensive analysis: 1) the significance of past events, 2) the value of currently objectively embodied practices, and 3) the goal-setting

concepts (labor motivation, social well-being, social tension, involvement in work, etc.) in the space of the social and labor sphere of society (a structure-forming concept) (Table 2).

In accordance with the methodology presented in Table 2, we can describe the subject field of labor sociology.

1. The social and labor sphere as a structure-forming concept of the subject area of labor sociology. The social and labor sphere, the area of relations that develop in organizations between subjects of labor activity, regarding the use of opportunities and abilities of an employee in the labor process, as well as the reproduction of his labor potential and improving the quality of working life (Tukumtsev 2006b, pp. 308-309). Initially, the term "social and labor sphere" was used in the Soviet economic and managerial literature in connection with the practice

Table 2

The content structure of the basic concepts of the life world of an employee

Таблица 2

Содержательная структура основных понятий жизненного мира наемного работника

The key components and the elementary concepts they consist of	Synthesizing (generalizing) concepts	The structure-forming concept
1. Labor consciousness: – motivation (individual); – opinion about the work team and the qualities necessary for successful work (group); – social well-being and standard of living (public)	Labor relations: all labor-related relationships	Social and labor sphere: the area of relations and relationships that develop between subjects of labor activity, formed by the current state and organizational policies, cultural norms, implemented in the daily working life of citizens
2. Work behavior: – vocational training and plans (temporal aspect); – involvement in work activities; – initiative (innovative aspect); – conflict (social tension)		
3. Work (production) environment: – a set of factors affecting the physical and mental state of a person in the course of work		

Source: Bocharov 2024a, p. 56.

of state planning in order to distinguish from the general complex of labor activities those areas that relate to the labor resources of the enterprise: organization and labor protection, the use of working time, increasing the stability of personnel, as well as the development of social infrastructure (medical care, catering, recreation). In the 1970s and 1980s. attempts were made to sociologically rethink this term within the framework of the "sphere" approach (Osadchaya 1996), where the social and labor sphere was separated from the industrial and economic sphere, which included a complex of organizational, technical, technological and economic relations, as well as the material and technical base of enterprises (Social problems... 1979; Podmarkov 1982). At the same time, the first sociological studies at enterprises in those years focused exclusively on data obtained in the social sphere of the enterprise, without taking into account economic and technological indicators. It was only in post-Soviet studies that the social and labor sphere began to be considered as a complex of social ties and relations related to all subsystems of an enterprise (organization). It is from such positions that large-scale projects on the study of indicators of the social and labor sphere began in the post-Soviet space in the 1990s. In 1994-2004, a comprehensive sociological and statistical study "All-Russian monitoring of the social and labor sphere" was conducted (jointly by the Ministry of Labor of Russia, the State Statistics Committee of Russia, the Research Institute of Labor, the All-Russian Center for Living Standards) (Antosenkov 1995; Malyshev 2006). Gradually, the practice of conducting research in the social and labor sphere has spread in many Russian regions. The most

well-known experience in Russia is the one of Samara monitoring, carried out in 1995-2014 at industrial enterprises, non-industrial commercial and budgetary organizations, as well as organizations working in agriculture (Social and labor... 2010; Bocharov 2010; Tukumtsev 2023).

Monitoring studies of the social and labor sphere allow us to identify the following problems of the subject field of modern labor sociology: 1) the labor potential of employees and its use (analysis of the professional and qualification composition of employees, the level of their general education, work experience, work culture, compliance of the work performed with existing qualifications and the extent of underemployment); 2) remuneration and living standards of employees; 3) working conditions and health of employees; 4) the state of labor relations the state of labor relations (negotiation process, collective agreement, state of social tension); 5) the state of the moral and psychological climate in organizations.

Currently, Russian research on the social and labor sphere is conducted taking into account the need to overcome the negative trends of recent years (pandemic, economic crisis, sanctions pressure) and transition to an innovative type of development, the formation of a model of "decent work" and, in general, improving the quality of workers' working lives (Kolmakova I.V., Kolmakova E.M. 2021; Leonidova 2022).

2. Labor relations as a synthesizing (generalizing) concept of the subject area of sociology of labor. Within the framework of this methodology, labor relations can continue to be considered in a broad sense as all relations related to work, and in a

narrow sense as relations between employees and an employer, including relations regarding employment, remuneration for work, its conditions, forms and methods of resolving labor conflicts. The main focus of research on labor relations in modern Russian enterprises: 1) study of the behavior and life world of subjects of labor relations in conditions of precarious employment, 2) analysis of the new content and composition of participants (subjects) of labor relations, 3) problems of inequality and justice in the conditions of everyday labor interactions of subjects of labor relations (Bocharov 2022).

3. The key components and their constituent contents are elementary concepts of the subject field of labor sociology.

The key components of the life world of employees are: work consciousness, work behavior and the work (production) environment (understood as a set of factors affecting the physical and mental state of a person in the course of work). At the same time, the main elementary concepts that are necessarily included in the subject field of labor sociology are the following: "motivation of labor", "involvement in the organization", "social well-being", "social tension". It should be noted that each of these concepts within the framework of the Samara school of Labor Sociology, in addition to theoretical interpretation, has a measurement methodology based on empirical data from mass questionnaires (Avdoshina, Bocharov, Vaskina 2024; Bocharov 2024a):

Motivation of labor – 1) the internal motivation of an employee to work, the main component of an employee's self-awareness that determines his behavior in the field of work and reactions to specific working conditions; 2) the process of encouraging an employee to work actively by meeting important needs in the field of work (recognition, self-realization, success, creativity, belonging to significant social groups, etc.).

Involvement in an organization is an emotional state of an employee based on his or her feelings of commitment (dedication) to his or her organization and involvement in its affairs. It is also characterized by the subjective predisposition of an employee to consider the problems of the organization in which he or she works as personally significant, and his or her willingness to contribute to the success of his or her organization. Being involved in an organization means that an employee accepts its values and norms; agreement with its goals plays an important role in the formation of work motivation, is a key factor in solving the problem of staff turnover, is a necessary condition for the formation of social partnership relations in the organization and has a positive effect on job and life satisfaction.

Social well-being is a state indicating the level of adaptation of a person to the surrounding reality and the degree of satisfaction of his social needs, which is the result of a person's self-assessment of his social

status, life successes and failures in relation to the position of other people and groups, as well as his or her own life prospects and the success of the implemented life strategy.

Social tension in an organization is a persistent mismatch of interests of subjects of labor relations, which manifests itself in latent (implicit) or explicit contradictions between employees and management, potentially threatening to turn into an open labor conflict. Latent social tension can be expressed in dissatisfaction with work, a bad (irritated, depressed) mood, and a desire to find another job. The highest degree of increase in the level of social tension is conflict.

Conclusions

The subject area of labor sociology remains a controversial issue to this day. There are at least six approaches to the consideration of the subject of labor sociology in the Russian literature: 1) the problems of labor relations are analyzed within the framework of the form of organization of production (industrial sociology), often using a systematic institutional analysis of enterprises and organizations; 2) an economic interpretation of the essence of labor is adopted and a unified discipline "economics and sociology of labor" is developed; 3) the sociology of labor is recognized as a part of economic sociology and its subject includes the study of social problems of employment and the labor market; 4) Marxist and neo-Marxist interpretations of labor and labor relations, analyzing labor as a social phenomenon within a class society; 5) a cultural approach based on the theories of E. Durkheim, M. Weber and J. Alexander, within the framework of which the subject of labor sociology is declared to be the culture of work and labor relations; 6) theories of social constructivism based on the concepts of P. Bourdieu and Yu. Habermas, giving priority to the study of labor consciousness and behavior (activity) of people as subjects of industrial life and the production environment.

In terms of content, in Russian literature, one or another aspect of social interaction in the field of labor is most often declared the subject of labor sociology: 1) the attitude of society to work (work as a social phenomenon), 2) relations between participants in the labor process (labor relations), 3) the attitude of participants in the labor process to their work. This approach was proposed and developed by B.G. Tukumtsev and his followers (N.V. Avdoshina, Yu.V. Vaskina, V.Yu. Bocharov) within the framework of the Samara School of Labor Sociology. At the same time, the central (generalizing) concept of the subject field of Russian sociology of labor is labor relations. The methodical and methodological difficulties of analyzing labor relations are associated with the existence of many overlapping and contradictory approaches within the directions of sociological realism, nominalism and constructivism, which interpret

both their content and the factors influencing them in different ways. The most important area of analysis of labor relations is the application of the concept of sociology of life (Zh.T. Toshchenko) in which labor relations can be considered as a synthesizing (unifying) concept in relation to the key components of the employee's life world (labor consciousness, labor behavior and work environment).

Scientific discussions conducted by Russian sociologists in recent years have shown that most researchers in their scientific search rely on new approaches that are methodologically close to sociological constructivism (Bocharov, Klimova 2022; Anisimov, Klimova 2024). Currently, researchers rarely turn to the theories of realism (institutional and systemic approaches) and nominalism (the "case study" strategy). More popular are resource and cultural approaches, neo-Marxist research directions of labor relations in the spirit of Western new working class studies, as well as the methodology that allows a comprehensive study of the phenomenon of the life world of Russian workers - "sociology of life", developed by Zh.T. Toshchenko, who noted that "*the content of the sociology of labor is not constructed arbitrarily, by itself – it reflects the actual situation: an employee is involved in the labor process through the realization of his consciousness, his activity (behavior), depending on conditions, objective circumstances and the environment*" (Toshchenko, Tsvetkova 2012, p. 53). Based on the experience of empirical research accumulated during the post-Soviet period and using new theoretical foundations, the main directions of modern research in the subject field of Russian sociology of labor are: 1) the study of behavior and life world of subjects of labor relations in conditions of precarious employment, 2) the analysis of the variety and composition of participants (subjects) of labor relations, 3) the problems of inequality and social justice under conditions of everyday labor interactions.

References

- Adamchuk, V.V., Romashov, O.V. and Sorokina, M.E. (2000), *Economics and Sociology of labor*: textbook for universities, UNITY, Moscow, Russia.
- Anisimov, R.I. and Klimova, S.G. (2024), The Lifeworld of Labor Workers: Preferences and Institutional Possibilities, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 5, pp. 158–161, DOI: <http://doi.org/10.31857/S0132162524050147>.
- Antosenkov, E.G. (1995), Monitoring of the social and labor sphere of the Russian Federation (1992–1994), *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 9, pp. 50–65.
- Aswin, S. and Clarke, S. (2003), *Russian Trade Unions and Industrial relations in transition*, Basingstoke and New York, Palgrave Macmillan, USA.
- Avdoshina, N.V., Bocharov, V.Yu. and Vaskina, Yu.V. (2024), Samara School of Labor Sociology: History and Modernity, *St.-Petersburg Sociology Today*, no. 23, pp. 39–56, DOI: <http://doi.org/10.25990/socinstras.pss-23.m4m3-vj34>.
- Baimurzina, G.R., Bessokirnaya, G.P., Bocharov, V.Yu., Demidenko, S.Yu., Klimova, S.G., Kozina, I.M., Popov, A.V., Strebkov, D.O. and Temnitskiy, A.L. (2024), Labor in a Changing World: Labor Transformations and the Focus of New Research (round table), *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 5, pp. 3–26, DOI: <http://doi.org/10.31857/S0132162524050019>.
- Barsukova, S.Yu. and Gerchikov, V.I. (1997), *Privatization and labor relations: from the common and general to the private and different*, IEiOPP SO RAN, Novosibirsk, Russia.
- Belyaeva, I.F. (1995), *The concept of labor relations development in Russia in the transition period*, Min-vo truda RF, Institut truda, Moscow, Russia.
- Bocharov, V.Yu. (2009), Institutional approach to the analysis of contractual labor relations, *University proceedings. Volga region. Humanities*, no. 2(10), pp.151–160.
- Bocharov, V.Yu. (2010), *Social Institute of wage labor in modern Russia*, Publishing house "Samara University", Samara, Russia.
- Bocharov, V.Yu. (2017), The Role of Trade Unions to Modernize the Russian Wage Labor Institution, *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, vol. 10, issue 1, pp. 4–22, DOI: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.101>.
- Bocharov, V.Yu. (2022), Changing Approaches to the Studying of Labor Relations in Russian Sociology, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 7, pp. 41–52, DOI: <http://doi.org/10.31857/S013216250019650-8>.
- Bocharov, V.Yu. (2023), Intersectional approach to the analysis of the life world and the study of everyday practices of labor interactions of Russian workers, *Science and education in the context of global challenges: collection of articles on the results of the Fifth Professorial Forum on November 22-24, 2022*, in 2 volumes, vol. 2, pp. 42–47, Russian Professorial Assembly, Moscow, Russia.
- Bocharov, V.Yu. (2024a), Labor Relations Differentiation in a Modern High-Tech Enterprise (a case study), *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 5, pp. 54–65, DOI: <http://doi.org/10.31857/S0132162524050042>.
- Bocharov, V.Yu. (2024b), *Sociology of labor: methodological recommendations for independent preparation for classes in the discipline*, Publishing house "Samara University", Samara, Russia.
- Bocharov, V.Yu. and Klimova, S.G. (2022), Is Russian Sociology of Labor Ready to Respond to New Challenges? (Analytical Review of Two Scientific Conferences), *Sotsiologicheskiy zhurnal. Russian So-*

ciological Journal, vol. 28, no. 2, pp. 178–191, DOI: <http://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.2.8993>.

Bocharov, V.Yu. and Tukumtsev, B.G. (2006), *Bibliographic list of reference literature for the course sociology of labor: methodological recommendations for students of the Faculty of Sociology of full-time and part-time education*, Publishing house "Samara University", Samara, Russia.

Bocharov, V.Yu., Klimova, S.G. and Sizova, I.L. (2023), Innovative Resources and Trajectories of Russian Workers in Modern Conditions of Labor Deconversion, *Socialnoe prostranstvo. Social area*, vol. 9, no. 3, DOI: <http://doi.org/10.15838/sa.2023.3.39.5>, [Online], available at: <http://socialarea-journal.ru/article/29754>.

Chilipenok, Yu.Yu. (2015), *Social and labor relations: theory and practice of interaction of subjects in the sphere of Small and Medium Businesses*, NISOC, Nizhniy Novgorod, Russia.

Craig Alton, W.J. (1975), A Framework for the Analysis of Industrial Relations Systems. In: *Industrial Relations and the Wider Society*, Barrett, B., Rhodes, E. and Beishon, J. (eds.), Collier Macmillan, London, UK.

De Bardeleben, J., Klimova, S.G. and Yadov, V.A. (2004), *The formation of labor relations in post-Soviet Russia*, "Academic project", Moscow, Russia.

Democratization of management, or the search for a new motivation for work: an interuniversity collection of articles (1993), Publishing house "Samara University", Samara, Russia.

Dunlop, J. (1958), *Industrial Relations Systems*, Holt and Winston, New York, USA.

Farnham, D. and Pimlott, J. (1983), *Understanding Industrial Relations*, Second edition, Cassell, London, UK.

Flanders, A. (1965), *Industrial Relations: What is Wrong with the System? An Essay on Its Theory and Future*, Farber & Farber, London, UK.

From precarious employment to precarization of life (2022), Toshchenko, Zh.T. (ed.), "VES' MIR", Moscow, Russia.

Gavrilyuk, T.V. (2021), The Working Class in the Service Sector: Outlining the Issue and Reviewing Current Sociological Discourse. *Sotsiologicheskii zhurnal. Russian Sociological Journal*, vol. 27, no. 3, pp. 78–96, DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.3.8425>.

Genkin, B.M. (2005), *Economics and sociology of labor*: textbook for universities. 5th edition, "Norma", Moscow, Russia.

Gordon, L.A. et al. (1996), On the study of social labor problems in Russia in the first half of the 90s: subjects and objects of social and labor relations. *Social and labor research*, Issue 5, IMEMO RAN. Moscow, Russia.

Hyman, R. (1975), *Industrial Relations: A Marxist Introduction*, Macmillan, London, UK.

Kalleberg, A.L. (2000), Nonstandard employment relations: Part-time, temporary, and contract work, *Annual Review of Sociology*, vol. 26, pp. 341–365.

Karpova, N.V. (2008), *Economics and sociology of labor: social and labor processes in the market economy system*: textbook for universities, "Thin science-intensive technologies", Stary Oskol, Russia.

Kirdina, S.G. (2000), *Institutional matrices and the development of Russia*, TEIS, Moscow, Russia.

Kirdina, S.G. (2001), Do new institutional theories allow us to understand and explain the processes of transformation in modern Russia? *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 3, pp. 136–140.

Kirdina, S.G. (2003), Labor relations in redistributive economies: the case of Russia, *Social Partnership Policy (Russian and foreign experience)*, Velbi, Prospekt, Moscow, Russia, pp. 37–55.

Kizhevato, V.A. (2008), Institutional approach to the regulation of the social and labor potential of Russian society, *Chelovek i trud. Man and labor*, no. 6, pp. 39–41.

Kolesnikov, N.E. (1993), *Social and labor relations: modern problems and practices*, ISEP RAN, St.-Petersburg, Russia.

Kolmakova, I.V. and Kolmakova, E.M. (2021), Social and labor sphere: trends of the new millennium. *Human Progress*, vol. 7, issue 3, p. 1–19. DOI: <http://doi.org/10.34709/IM.173.8>.

Kozina, I.M. (1997), CASE STUDY: Some methodological problems, *Rubezh. Frontier*, no. 10–11, pp. 177–189.

Kravchenko, A.I. (1994), Sociology of labor: trends and results of development. *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 6, pp. 40–50.

Kravchenko, A.I. and Shcherbina, V.V. (1998), Sociology of Labor and Production, *Sociology in Russia*, Yadov, V.A. (ed.), Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 211–239.

Labor relations and collective actions in modern Russia: political, legal and social aspects (1999), Katsva, A.M., Kudyukin, P.M. and Patrushev, S.V. (ed.), Editorial URSS, Moscow, Russia.

Labor relations: the state and trends of development in Russia: collection of scientific articles (2013), Yadov, V.A. et al. (ed.), Samara State University, Samara, Russia.

Lapin, N.I. (1990), Total alienation and the general crisis of early socialism. *Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR*, no. 5, pp. 15–23.

Leonidova, G.V. (2022), Social and labor sphere in the Russian Federation: trends and risks in the formation of the quality of working life, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 15, no. 6, pp. 182–198, DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.11>.

- Linkon, S.L., Russo, J. (2016), Twenty Years of Working-Class Studies: Tensions, Values, and Core Questions, *Journal of Working-Class Studies*, no. 1(1), pp. 4–13, DOI: <https://doi.org/10.13001/jwcs.v1i1.5799>.
- Makarova, M.N. (2007), “The End of labor”: the myth and reality of postindustrialism, *Economic sociology*, vol. 8, no. 1, pp. 45–52.
- Malyshev, M.L. (2006), Monitoring of the social and labor sphere: the experience of organizing and conducting. *Sociology of power*, no. 3. pp. 47–57.
- Markovich, D.J. (1997), *Sociology of Labor*. RUDN Publishing House, Moscow, Russia.
- Marxist Economic Theory in the History of Capitalization of Russia* (2018), Simchenko, N.A. et al. (ed.), ARIAL, Simferopol, Russia.
- Menshikova, G.A. (1999), Institute of Labor in Russia: past and present of labor relations, *Social and labor relations: the state and trends of development in Russia*, RAKS, Samara, Russia, pp.124–134.
- Mikhailovsky, V.S. (2017), The Neo-Marxist search for revolution and its agents, *History and Modernity*, no. 2, pp. 247–264.
- Molevich, E.F. (2001), Labor as object and topic for general sociology research. *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 7, pp. 38–41.
- Motivation and human behavior in the sphere of work: a collection of scientific papers* (1990), Antosenkov, E.G., Belyaeva, I.F. and Bogatyrenko, Z.S. (ed.), Research Institute of Labor, Moscow, USSR.
- Nekhoda, E.V. (2007), *Methodological and theoretical foundations of the study of social and labor relations*, Tomsk State University, Tomsk, Russia.
- Odyakov, S.V. (2011), Methodological problems of the resource approach in the study of social and labor relations, *Scientific problems of humanitarian research*, no. 9, pp. 266–273.
- Olympieva, I.B. (2007), Perspectives of the institutional approach to the study of industrial relations in Russia, *Problems of labor, labor relations and quality of life*, Univers grupp, Samara, Russia, pp. 177–186.
- Osadchaya, G.I. (1996), *The social sphere of society: theory and methodology of sociological analysis*, Soyuz, Moscow, Russia.
- Peschansky, V.V. (1997), Industrial Relations in Russia: towards Democratization or Authoritarianism? *World Economy and International Relations*, no. 3, pp. 71–78.
- Podmarkov, V.G. (1973), *Introduction to industrial sociology*. “Mysl”, Moscow, USSR.
- Podmarkov, V.G. (1982), *Man in the labor collective: problems of the sociology of labor*, Economics, Moscow, USSR.
- Popov, Yu.N. and Shevchuk, A.V. (2003), *Modern economics and sociology of labor*, Academy of National Economy under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.
- Precarious employment: origins, criteria, features* (2021), Toshchenko, Zh.T. (ed.), Moscow, Russia.
- Rakitskaya, G.Ya. (2003), *Social and labor relations*, Institute of Prospects and Problems of the Country, Moscow, Russia.
- Romanov, P.V. (2000), *Sociological interpretations of management: Studies of management, control and organizations in Modern society*, Saratov State Technical University, Saratov, Russia.
- Romashov, O.V. (1999), *Sociology of Labor*: textbook for university students, “Gardariki”, Moscow, Russia.
- Salamon, M.W. (1987), *Industrial Relations: Theory and Practice*, Prentice Hall International (UK) Ltd, London, UK.
- Silin, A.A. (1993), The concept of labor and industrial relations. *Trud za rubezhom. Labor abroad*, no. 1 (17), pp. 5–15.
- Sizova, I.L. and Chilipenok Yu.Yu. (2017), The Social Responsibility within Labour Relations Among the Employers in Small and Medium Businesses, *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 15, no. 1, pp. 67–80, DOI: <http://doi.org/10.17323/1727-0634-2017-15-1-67-80>.
- Social problems of production* (1979), Podmarkov, V.G. (ed.), “Mysl”, Moscow, USSR.
- Social regimes of post-Soviet production* (2008), Kabalina, V.I. (ed.), Publishing House of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.
- Sociology of Labor* (1993), Dryakhlov, N.I., Kravchenko, A.I. and Shcherbina, V.V. (ed.), Moscow State University, Moscow, Russia.
- Sociology of Labor in new conditions: interuniversity collection of articles* (1993), Samara State University, Samara, Russia.
- Sociology of Labor. Theoretical and applied explanatory dictionary* (2006), Yadov, V.A. (ed.), Nauka, Saint-Petersburg, Russia.
- Sokolova, G.N. (2016), Creation of the national paradigm of labor sociology: scientific contribution of V.A. Yadov, *Yadov readings: perspectives of sociology*, collection of scientific reports of the conference, St.-Petersburg, December 14–16, 2015, Bozhkov, O.B., Yaroshenko, S.S. and Bocharov, V.Yu. (ed.), Eidos, Saint Petersburg, Russia, pp. 50–60.
- Temnitskiy, A.L. (2000), *Labor Relations at a New Private Enterprise (Sociological Analysis of Data from Three Studies)*, IS RAN, Moscow, Russia.
- Temnitskiy, A.L. (2007), Theoretical and methodological approaches to the study of labor behavior in a transforming Russian society, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 6, pp. 60–71.
- Temnitskiy, A.L. (2021), Traditions and innovations in labor culture of Russian workers, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 4, pp. 61–73, DOI: <http://doi.org/10.31857/S013216250010467-6>.

Temnitskiy, A.L. and Bessokirnaya, G.P. (2024), Changes in the Problem and Subject Field of Labor Sociology Against the Backdrop of the Time Challenges (based on publications in the journal "Sociological Studies" over 50 years), *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no 7, pp. 48–60, DOI: <http://doi.org/10.31857/S0132162524070062>.

The key issue of the sociology of labor: a collection of scientific papers (1988), Antosenkov, E.G., Katulsky, E.D., Belyaeva, I.F. and Bogatyrenko, Z.S. (ed.), Research Institute of Labor, Moscow, USSR.

The life world of employees: sustainability versus precarity (2024), Collective monograph., Toshchenko, J.T. (ed.), Publishing House «Ves Mir», Moscow, Russia.

The precariat: the formation of a new class (2020), Collective monograph, Toshchenko, Zh.T. (ed.), Center for Social Forecasting and Marketing, Moscow, Russia.

The social and labor sphere of agriculture in the Samara region: state, trends, prospects (2010), Bokovenko, A.F., Bocharov, V.Yu. and Molevich, E.F. (ed.), Publishing house "Samara University", Samara, Russia.

Tikhonova, N.E. (2006), Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification research, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 9, pp. 28–39, DOI: <http://doi.org/10.17323/1726-3247-2006-3-11-26>.

Tokarskaya, N.M. and Karpikova, I.S. (2006), *Sociology of labor: a textbook*, Vinokurov, M.A. (ed.), Logos, Moscow, Russia.

Toshchenko, Zh.T. (2000), Sociology of life as a concept of social reality research, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 2, pp. 3–12.

Toshchenko, Zh.T. (1989), *Social reserves of labor: Topical issues of labor sociology*, Politizdat, Moscow, USSR.

Toshchenko, Zh.T. (2003), The subject and structure of sociology of labor, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 3, pp. 46–58.

Toshchenko, Zh.T. (2016), *Sociology of Life*, UNITY-DANA, Moscow, Russia.

Toshchenko, Zh.T. (2018), *Precariat: from pro-to-class to a new class*, Science, Moscow, Russia.

Toshchenko, Zh.T. (2024), Life World as a Basic Concept of the Sociology of Life, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 7, pp. 10–22, DOI: <http://doi.org/10.31857/S0132162524070035>.

Toshchenko, Zh.T. and Tsvetkova, G.A. (2012), *Sociology of labor*, Textbook for universities. Center for Social Forecasting and Marketing, Moscow, Russia.

Tukumtsev, B.G. (2000), *Essays on the history of the first Samara Sociological Laboratory*, Samara State University, Samara, Russia.

Tukumtsev, B.G. (2006a), Labor relations, *Sociology of Labor. Theoretical and applied explanatory dictionary*, Nauka, St.-Petersburg, Russia, pp. 365–366.

Tukumtsev, B.G. (2006b), Social and labor sphere. In: *Sociology of Labor. Theoretical and applied explanatory dictionary*, Nauka, Saint-Petersburg, Russia, pp. 308–309.

Tukumtsev, B.G. (2016), V.A. Yadov on the application of the cultural approach in the sociological analysis of labor relations, *Yadov readings: perspectives of sociology*, collection of scientific reports of the conference, St.-Petersburg, December 14–16, 2015, Bozhkov, O.B., Yaroshenko, S.S. and Bocharov, V.Yu. (ed.), Eidos, St.-Petersburg, Russia, pp. 103–113.

Tukumtsev, B.G. (2023), *Selected articles: a collection of articles*, Bocharov, V.Yu. (ed.), Publishing House of Samara University, Samara, Russia, DOI: <http://doi.org/10.18287/BGT1011927>.

Vaskina, Yu.V. (1999), Labor contractual relations and the need to study them in modern conditions, *Social problems of labor in modern society and issues of improving the teaching of labor sociology in universities*, St.-Petersburg State University Publishing House, Saint Petersburg, Russia, pp. 103–112.

Volkov, Yu.E. (2009), Towards the development of a modern understanding of the essence of labor, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 3, pp. 27–35.

Volovskaya, N.M. (2001), *Economics and Sociology of labor: textbook for universities*, Infra-M, Moscow; Siberian Agreement, Novosibirsk, Russia.

Yadov, V.A. (2006a), Labor, *Sociology of Labor. Theoretical and applied explanatory dictionary*, Nauka, Saint-Petersburg, Russia, pp. 332–333.

Yadov, V.A. (2006b), Sociology of Labor, *Sociology of Labor. Theoretical and applied explanatory dictionary*, Nauka, St.-Petersburg, Russia, pp. 315–317.

Yadov, V.A. (2009), *Modern theoretical sociology as a conceptual basis for the study of Russian Transformations: a course of lectures*, Intersocis, St.-Petersburg, Russia.

Дата поступления: 06.10.2024

рецензирования: 22.11.2024

принятия: 16.12.2024

ARTICLE SCIENTIFIQUE

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-4-89-93

Submitted: 23.09.2024

Revised: 12.11.2024

Accepted: 10.12.2024

S.V. Yavon

Université d'État des services publics
de la région de la Volga,
Togliatti, Fédération de Russie

E-mail: snezhanayavon@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0543-7247>

A.K. Popov

Université d'État des services publics
de la région de la Volga,
Togliatti, Fédération de Russie

E-mail: a.popov-ty@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5205-3399>

La protection sociale des participants à l'opération militaire spéciale et des membres de leurs familles

Annotation: cet article analyse, sur la base des résultats d'une étude, les problèmes liés à l'obtention de diverses mesures de soutien social par les participants à l'opération militaire spéciale et les membres de leurs familles. L'accent est mis sur les difficultés rencontrées par les participants à l'opération militaire spéciale, notamment les charges psychologiques, sociales et physiques. La majorité des répondants disposent d'informations partielles sur les mesures de soutien social et rencontrent des difficultés dans les démarches administratives pour bénéficier de l'aide sociale. Un tiers des personnes interrogées s'adressent directement aux organismes publics de protection sociale, tandis que beaucoup de gens préfèrent communiquer en ligne (principalement via le portail des services publics). Malgré les inconvénients de l'interaction en ligne comme hors ligne, tous les répondants ont bénéficié des mesures de soutien social auxquelles ils s'attendaient. Une demande particulièrement forte concerne l'organisation de traitements en sanatorium et de soins psychologiques et psychothérapeutiques. L'article souligne la nécessité d'améliorer l'accès aux aides sociales pour les participants à l'opération militaire spéciale et les membres de leurs familles. Le développement d'une plateforme web pourrait simplifier le processus de dépôt des demandes et élargir l'accès à diverses mesures de soutien social.

Mots-clés: opération militaire spéciale; participants à l'opération militaire spéciale; membres de familles; protection sociale; mesures de soutien social; garanties matérielles; aide ciblée; problèmes et difficultés; plateforme web.

Citation: Yavon, S.V. and Popov, A.K. (2024), La protection sociale des participants à l'opération militaire spéciale et des membres de leurs familles, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 89–93, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-89-93>.

Information sur les conflits d'intérêts: les auteurs affirment qu'il n'y a pas de conflit d'intérêts.

© Yavon S.V., Popov A.K., 2024

Snezhana V. Yavon – docteur d'État en sciences sociales, chargé de cours, professeur à l'école supérieure du Tourisme et des technologies sociales de l'Université d'État des services publics de la région de la Volga, 4, rue Gagarine, ville de Togliatti, région de Samara, 445017, Fédération de Russie.

Alexandre K. Popov – master à l'école supérieure du Tourisme et des technologies sociales de l'Université d'État des services publics de la région de la Volga, 4, rue Gagarine, ville de Togliatti, région de Samara, 445017, Fédération de Russie.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.V. Yavon

Volga State University of Service,
Togliatti, Russian Federation

E-mail: snezhanayavon@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0543-7247>

A.K. Popov

Volga State University of Service,

Togliatti, Russian Federation

E-mail: a.popov-ty@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5205-3399>

Social protection of participants in a special military operation and their family members

Abstract: based on the research results, the article analyzes the problems of obtaining various measures of social support by participants in a special military operation and members of their families. Attention is focused on the difficulties faced by participants in a special military operation, including psychological, social and physical stress. The majority of respondents have partial information about social support measures and encounter difficulties when applying for social assistance. A third of those surveyed personally contact government social welfare agencies; many prefer to communicate online (mainly through the government services portal). Despite the shortcomings of both online and offline interactions, all respondents took advantage of the social support measures they expected. An urgent need is registration of health-resort treatment and psychological and psychotherapeutic assistance. The need to improve the receipt of social assistance by participants in a special military operation and members of their families is emphasized. The development of a web platform will help simplify the application process and expand access to various social support measures.

Key words: special military operation; participants in a special military operation; family members; social protection; social support measures; material guarantees; targeted assistance; problems and difficulties; web platform.

Citation: Yavon, S.V. and Popov, A.K. (2024), Social protection of participants in a special military operation and their family members, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 89–93, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-89-93>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Yavon S.V., Popov A.K., 2024

Snezhana V. Yavon – doctor of sociological sciences, associate professor, professor of the Higher School of Tourism and Social Technologies of the Volga Region State University of Service, 4, Gagarina st., Togliatti, Samara Region, 445017, Russian Federation.

Alexander K. Popov – master's student at the Higher School of Tourism and Social Technologies of the Volga State University of Service, 4, Gagarina st., Togliatti, Samara Region, 445017, Russian Federation.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 364:61

С.В. Явон

Поволжский государственный университет

сервиса, г. Тольятти, Российская Федерация

E-mail: snezhanayavon@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0543-7247>**А.К. Попов**

Поволжский государственный университет

сервиса, г. Тольятти, Российская Федерация

E-mail: a.popov-ty@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5205-3399>

Социальная защита участников специальной военной операции и членов их семей

Аннотация: в статье на основе результатов исследования анализируются проблемы получения различных мер социальной поддержки участниками специальной военной операции и членами их семей. Акцентируется внимание на сложностях, с которыми сталкиваются участники специальной военной операции, включая психологические, социальные и физические нагрузки. Большинство респондентов имеют частичную информацию о мерах социальной поддержки, сталкиваются с трудностями при оформлении социальной помощи. Треть опрошенных лично обращаются в государственные органы социальной защиты населения, многие предпочитают общаться онлайн (в основном через портал госуслуг). Несмотря на недостатки как онлайн, так и офлайн взаимодействия, все респонденты воспользовались мерами социальной поддержки, на которые рассчитывали. Острая потребность – оформление

санаторно-курортного лечения и психолого-психотерапевтической помощи. Подчеркивается необходимость совершенствования получения социальной помощи участниками специальной военной операции и членами их семей. Разработка web-платформы будет способствовать упрощению процесса подачи заявлений и расширению доступа к различным мерам социальной поддержки.

Ключевые слова: специальная военная операция; участники специальной военной операции; члены семей; социальная защита; меры социальной поддержки; материальные гарантии; адресная помощь; проблемы и сложности; веб-платформа.

Цитирование: Явон С.В., Попов А.К. Социальная защита участников специальной военной операции и членов их семей // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 89–93. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-89-93>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Явон С.В., Попов А.К., 2024

Снежана Владимировна Явон – доктор социологических наук, доцент, профессор высшей школы туризма и социальных технологий Поволжского государственного университета сервиса, 445017, Российская Федерация, Самарская область, г. Тольятти, ул. Гагарина, д. 4.

Александр Константинович Попов – магистрант высшей школы туризма и социальных технологий Поволжского государственного университета сервиса, 445017, Российская Федерация, Самарская область, г. Тольятти, ул. Гагарина, д. 4.

Introduction

Actuellement, la Russie participe activement à une opération militaire spéciale (ci-après OMS) en Ukraine, commencée en 2022 et en cours jusqu' à présent. L'opération militaire spéciale est une action militaire complexe visant à lutter contre les groupes terroristes menaçant la sécurité de la Russie et de la communauté internationale. Le terme « opération militaire spéciale » désigne les actions menées par la Fédération de Russie dans le cadre juridique de l'état de guerre (Vinokourov 2024, c. 7).

L'OMS se caractérise par un haut degré de complexité, de risque, de tension et d'incertitude, nécessitant des participants une préparation professionnelle élevée, de la mobilité, de la flexibilité et de l'efficacité. Ce type de service est associé à de grandes charges psychologiques, sociales et physiques, pouvant entraîner divers problèmes tels que des blessures, du stress, des dépressions, de l'agressivité, la solitude, la perte de proches, des conflits familiaux, etc. (Organisation du travail... 2023).

Dans chaque région de la Fédération de Russie, conformément au décret présidentiel du 16 mars 2022 № 121 « Sur les mesures visant à assurer la stabilité socio-économique et à protéger la population en Fédération de Russie » (Décret... 2022), des mesures de soutien ciblées sont mises en œuvre pour les participants à l'OMS et les membres de leurs familles exposés à des risques sociaux. Les types et montants des allocations dépendent de la catégorie du militaire, de la durée du service, de la présence d'un titre spécial, de la région de résidence, de la situation familiale, de la composition familiale, de l'état de santé, etc. (Semyannikova 2024).

Le thème de l'opération militaire spéciale est activement analysé dans divers aspects: questions de mise en œuvre des politiques sociales, protection sociale des participants à l'opération militaire spéciale et des

membres de leurs familles (Bobkov V.N., Ganieva S.F., Duzhaya M.V., Evdokimova I.V., participants à l'opération militaire spéciale Elfimova E.V., Koryakin V.M., Kulish S.V., Raduto V.I., Rocheva Y.S., Semyannikova D.A., Subbotina E.G., Sharapova Yu.V. et autres), aide psychologique aux participants à l'opération militaire spéciale et à leurs proches (Boitsova S.V., Gizatulina E.V., Grigirov A.A., Grunina T.A., Zhmurin I.E., Lizunova G.Yu., Maslyakov V.V., Protasova O.S., Sidelnikov S.A., Solovieva O.V., Ulyanina O.A., Usova N.V., Shtepa A.N., Shurupov E.V. et autres), organisation des garanties médicales (Melkonyan G.G., Naumov P.Yu., Holikov I.V. et autres), définition des moyens de la culture physique et du sport dans la réadaptation des participants à l'opération militaire spéciale (Demchik A.V., Ischuk V.N., Kravchenko E.V., Morenko I.M., Nosova E.V., Rassolova A.Yu., Smirnova G.A. et autres), caractéristiques de la réglementation des relations de travail (Girfanova A.R., Konovalova M.M., Kuznetsov D.A., Kuznetsova E.D., Nefedenkov D.M., Pimenov E.A., Perederin S.V., Ukhanaev N.M., Chuprova E.V. et autres), assistance juridique (Aksenova S.V., Anisimov V.S., Barannikova I.V., Bepalova V.R., Voitenko E.V., Ezhipaliev D.I., Koryakin V.M., Kravtsov D.I., Kujuguet S.S., Pasenov A.M., Sorminsky Ya.V., Tsybakov D.L., Sheyna E.A. et autres), approche intégrée dans la fourniture des mesures de soutien de l'état aux participants à l'opération militaire spéciale et aux membres de leurs familles (Vasilyeva L.S., Gizatullin T.R., Gulmutdinova L.T., Iseeva D.R., Kolesnikova O.A., Linhoboeva M.B., Nazarova I.S., Semyannikova D.A., Tutaeva G.Z., Faizova E.R., Shevchenko K.V. et autres).

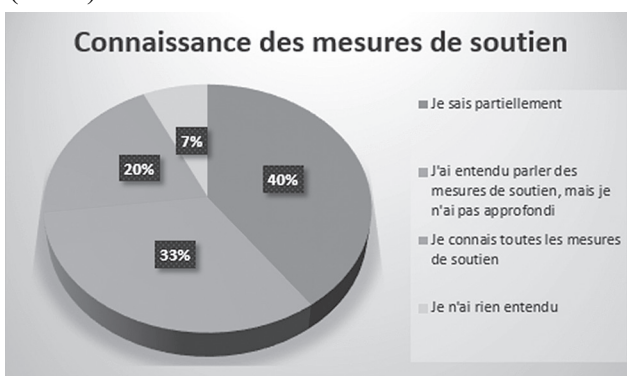
Avancement de l'étude

Afin d'étudier les problèmes rencontrés par les participants à l'opération militaire spéciale et les

membres de leurs familles dans l'accès aux différentes mesures de soutien social, une enquête a été réalisée en juin 2024 auprès de 22 hommes de Togliatti participant à l'OMS (69 %) et de 10 épouses/mères (31 %) membres de leurs familles. L'âge des répondants se répartit ainsi: 50 % ont entre 20 et 30 ans, 34 % entre 30 et 40 ans, et 16 % ont 40 ans ou plus. Les catégories des participants aux combats incluent : mobilisés (54 %), contractuels (27 %) et volontaires (19 %).

Grâce à cette enquête, les difficultés rencontrées par les répondants dans leurs démarches pour obtenir une aide sociale ont été analysées, ainsi que leur niveau de satisfaction concernant les garanties matérielles offertes. Une synthèse analytique a permis de structurer les résultats et d'identifier les principaux axes nécessitant des améliorations dans le système de protection sociale des participants à l'opération militaire spéciale et des membres de leurs familles.

La connaissance des répondants sur les mesures de soutien social destinées aux participants à l'opération militaire spéciale et aux membres de leurs familles est la suivante: 40 % des personnes interrogées ont une connaissance partielle des mesures de soutien social, 33 % ont entendu parler de différentes allocations mais ne connaissent pas les détails, 20 % sont bien informées sur toutes les mesures de soutien social, et seulement 7 % ne disposent d'aucune information (des. 1).

Des. 1. Connaissance des mesures de soutien social par les participants à l'opération militaire spéciale et les membres de leurs familles

Рис. 1. Осведомленность участников специальной военной операции и членов их семей о мерах социальной поддержки

Les données recueillies montrent que la majorité des répondants n'ont qu'une compréhension limitée des mesures de soutien social, tandis qu'une petite proportion possède des informations complètes. Cela souligne l'importance d'informer les participants à l'opération spéciale ainsi que leurs épouses ou mères sur le système de garanties matérielles.

Tous les répondants (32 personnes) ont sollicité les mesures de soutien social nécessaires en utilisant différents canaux. Parmi eux, 67 % ont déposé leur demande en ligne via divers portails, principalement

le portail des services publics, ce qui confirme la priorité donnée aux technologies numériques dans la société moderne. En revanche, 33 % ont préféré se rendre directement dans les organismes publics de protection sociale, ce qui souligne la valeur des méthodes traditionnelles de communication. Cela met en évidence l'importance de maintenir et d'améliorer la qualité des services fournis par les institutions publiques, en complément du développement des services numériques.

Selon les résultats de l'enquête, de nombreux répondants ont rencontré diverses difficultés lors de la demande de soutien social. Parmi ceux ayant soumis leur demande en ligne, 36 % ont signalé des problèmes tels que des difficultés de navigation sur le site, un chargement lent et une interface peu intuitive. De leur côté, 30 % des personnes s'étant rendues directement dans les organismes de protection sociale ont mentionné des attentes prolongées, des files d'attente dans les bureaux, des horaires peu pratiques et un manque d'informations sur les documents requis.

Ces résultats soulignent l'importance de simplifier le processus de dépôt des demandes et d'améliorer la qualité des services, qu'ils soient fournis en ligne ou par les organismes publics.

Tous les répondants ayant soumis une demande ont finalement reçu les mesures de soutien social qui leur avaient été attribuées. Ce résultat positif montre que le système de soutien aux participants à l'opération militaire spéciale et aux membres de leurs familles fonctionne et est capable de fournir l'aide nécessaire à ceux qui en ont besoin. Cependant, compte tenu des difficultés rencontrées par certains répondants lors du dépôt des demandes, il est nécessaire d'améliorer davantage le processus de traitement des documents et d'assurer un accès plus large à l'information concernant les mesures de soutien social disponibles.

Les répondants expriment un besoin pour les mesures de soutien social suivantes, qu'ils ne reçoivent pas encore: 60 % nécessitent des soins en sanatorium, 31 % ont besoin d'un soutien psychologique et psychothérapeutique, 25 % recherchent une assistance juridique pour les démarches liées aux mesures de soutien social, 13 % demandent la fourniture de moyens de réadaptation, de médicaments, de dispositifs médicaux et de prothèses, et 9 % souhaitent une reconversion professionnelle et/ou une aide à l'emploi (tabl. 1). Les mesures de soutien récréatives et psychologiques contribuent à l'adaptation sociale et à l'intégration des participants à l'opération militaire spéciale dans la société.

Ces résultats soulignent l'importance d'élargir l'accès à diverses mesures de soutien social pour les participants à l'opération spéciale et les membres de leurs familles. Les institutions de protection sociale jouent un rôle clé en tant qu'environnement facilitant la réadaptation, en fournissant l'assistance sociale et psychologique nécessaire.

Tableau 1

Besoins non satisfaits des participants à l'opération militaire spéciale et des membres de leurs familles dans le système de protection sociale (en % du nombre de répondants)

Таблица 1

Неудовлетворенные потребности участников специальной военной операции и членов их семей в системе социальной защиты (в % от числа опрошенных)

Mesures de soutien social	Pour l'ensemble de l'échantillon
Fourniture de moyens de réadaptation, de médicaments, de dispositifs médicaux et de prothèses	13
Reconversion professionnelle et/ou aide à l'emploi	9
Assistance juridique pour les démarches liées aux mesures de soutien social	25
Aide psychologique et psychothérapeutique	31
Soins en sanatorium	60

Conclusion

Les données recueillies à partir de l'enquête auprès des participants à l'opération militaire spéciale et des membres de leurs familles mettent en évidence la nécessité d'améliorer l'information sur les mesures de soutien social disponibles, de simplifier le processus de dépôt des documents et d'élargir l'accès à une variété d'aides.

Nous avons étudié les possibilités de simplifier l'obtention de l'aide sociale pour les participants à l'opération militaire spéciale et leurs familles, notamment par la création d'une plateforme web. Cette plateforme contiendra toutes les informations nécessaires sur les mesures de soutien social, permettant aux utilisateurs d'accéder rapidement et facilement aux aides, allocations et autres formes d'assistance. Elle contribuera à résoudre les problèmes liés au manque d'information et aux longues files d'attente.

La plateforme sera conçue pour faciliter l'accès aux aides sociales, à la fois en ligne et hors ligne. En ligne, des instructions pas à pas pour le dépôt des demandes seront fournies, tandis qu'en hors ligne, les utilisateurs pourront consulter des informations sur les documents requis et les horaires des établissements concernés.

Ainsi, cette plateforme deviendra un outil universel, permettant à chacun de recevoir l'aide sociale de manière pratique et adaptée à ses besoins.

References

Bobkov, V.N., Odintsova, E.V., Chashchina, T.V. (2024), On social guarantees for participants in a special military operation and members of their families, *Social and labor research*, no. 1 (54), pp. 138–146 (In Russian).

Decree of the President of the Russian Federation of March 16, 2022, no. 121 "On measures to ensure socio-economic stability and protection of the population in the Russian Federation", Official Internet portal of legal information, [Online], available at: www.pravo.gov.ru, March 16, 2022 (Accessed 12 May 2024) (In Russian).

Kolesnikova, O.A. (2023), An integrated approach to the rehabilitation of disabled participants in a special military operation, *Bulletin of the Voronezh Institute of High Technologies*, no. 2 (45), pp. 99–105 (In Russian).

Kulish, S.V. (2024), Social protection of participants in a special military operation and their families, *Epomen. Global*, no. 49, pp. 80–85 (In Russian).

Linkhoboeva, M.B. (2024), Social support for military personnel – participants in a special military operation: practice of application, *Bulletin of Science*, vol. 2, no. 3 (72), pp. 112–117 (In Russian).

Makina, A.I., Nesterenko, A.I. (2023), Regional aspects of the implementation of social support measures for participants in a special military operation and members of their families, *Scientific aspect*, vol. 2, no. 11, pp. 171–176 (In Russian).

Organization of work with participants of a special military operation and members of their families on the basis of social service institutions (2023): a methodological manual for specialists of social service institutions, KSKU "Resource and Methodological Center for the Social Protection System", Krasnoyarsk, Russia (In Russian).

Semyannikova, D.A. (2024), Social security for military personnel - participants in a special military operation (regional aspect), *Military Law Journal*, no. 1, pp. 18–23 (In Russian).

Sharapova, Y.V. (2023), On measures of social support for military personnel – participants in a special military operation and members of their families, *Human rights: history, theory, practice. Collection of scientific articles of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference*, Kursk, pp. 92–95 (In Russian).

Vinokurov, V.A. (2024), Special military operation: legal problems, *Military legal journal*, no. 1, pp. 6–10 (In Russian).

Дата поступления: 23.09.2024

рецензирования: 12.11.2024

принятия: 10.12.2024

SCIENTIFIC ARTICLE

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-4-94-99

Submitted: 25.09.2024

Revised: 18.11.2024

Accepted: 12.12.2024

D.N. BriketFederal Scientific Center of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

E-mail: unsade@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-6256-6670>**Horizontal mobility and possibilities of its actualization**

Abstract: social mobility in literature and scientific works is often associated with one of its sides - vertical mobility. Naturally, the issues related to the class structure of society and the change of status are of greater research interest than those focused on the description of general quantitative statistics. Despite the formal role of horizontal mobility as a less meaningful area of stratification, it can be used to obtain no less interesting information about the dynamics of society as a whole, and about the private principles of social institutions. This paper attempts to describe in detail the main provisions of P. Sorokin on the structure of horizontal mobility and its relevance. First, his initial ideas about social groupings are given and the differences in their types are shown, and then the main types of social mobility are presented, as well as the limits of their applicability in the context of vertical and horizontal mobility. After highlighting the main content of horizontal mobility, the paper analyzes the current state of this area of research. The main problems in distinguishing between vertical and horizontal mobility are noted, and what possible solutions to the dichotomy can be. It also shows which modern theoretical research directions the study of horizontal mobility is connected with.

Key words: social mobility; horizontal mobility; vertical mobility; social regrouping; social stratification.

Citation: Briket, D.N. (2024), Horizontal mobility and possibilities of its actualization, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 94–99, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-94-99>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Briket D.N., 2024

Denis N. Briket – junior researcher, Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 24/35, building 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, 117218, Russian Federation.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 316.44

Д.Н. Брикет

ФНИСЦ РАН,

г. Москва, Российская Федерация

E-mail: unsade@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-6256-6670>**Горизонтальная мобильность и возможности ее актуализации**

Аннотация: социальная мобильность в литературе и научных работах часто ассоциируется с одной её стороной – вертикальной мобильностью. Естественно, что вопросы, связанные с классовой структурой общества и сменой статуса, вызывают больший исследовательский интерес, чем те, которые сосредоточены на описании общих количественных статистик. Несмотря на формальную роль горизонтальной мобильности как менее содержательной области стратификации, с ее помощью можно получить не менее интересную информацию о динамике общества в целом и о частных принципах социальных институтов. В этой работе предпринята попытка подробно описать основные положения П. Сорокина о структуре горизонтальной мобильности и ее актуальности. Даны его первоначальные идеи о социальных группировках, и показаны различия их типов, а затем представлены основные виды социальной мобильности, а также границы их применимости в условиях вертикальной и горизонтальной мобильности. После выделения основного содержания горизонтальной мобильности в работе анализируется текущее состояние этого направления исследований. Отмечены основные проблемы при разграничении вертикальной и горизонтальной мобильности, а также возможные решения дихотомии. Также показано, с какими современными теоретическими направлениями исследований связано изучение горизонтальной мобильности.

Ключевые слова: социальная мобильность; горизонтальная мобильность; вертикальная мобильность; социальные перегруппировки; социальная стратификация.

Цитирование: Брикет Д.Н. Горизонтальная мобильность и возможности ее актуализации // Семiotические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 94–99. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-94-99>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Брикет Д.Н., 2024

Денис Николаевич Брикет – младший научный сотрудник ФНИСЦ РАН, 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5.

Introduction

In the work "Social Mobility" the ideas about vertical and horizontal parameters of social space are sometimes blurred. When describing the specifics of vertical characteristics, P. Sorokin uses examples of different positions (worker and director) within one social group (Sorokin 2005). They are at different heights of social space, but at the same time they are located on the same horizontal level. The situation is different with representatives of distinct social groups. If we are talking about an ordinary soldier and a general, they are at the same horizontal level. If we compare a soldier and an office worker, we can say with confidence that they are defined differently in the horizontal plane. In those cases where we are sure that there are no noticeable vertical movements in the changes that have occurred, then they are in the horizontal area. Before describing "horizontal mobility" in detail, it is necessary to show how Sorokin initially imagined horizontal mobility and its varieties.

In the System of Sociology, Sorokin uses the concept of social regroupings to designate mainly elements of horizontal mobility (Sorokin 2008). They are divided into three types. The first includes the movements of individuals between groups that do not lead to any structural changes, but only to an increase or decrease in the volume of these groups. The second includes the disappearance of groups and the emergence of new groups that are homogeneous in their structure or cumulatively assembled from them. The third also includes the disappearance of groups, which, however, leads to replacement by new, architecturally more complex, heterogeneous, previously non-existent groups. It is noteworthy when describing social groupings of natural characteristics (race, gender, age), Sorokin defends the principle that socio-psychological differences are formed, among other things, under the influence of biological differences, which means that natural inequality is partially reproduced in social inequality. From this, the conclusion is made that "horizontal" differentiation inevitably results in "vertical" differentiation.

Social stratification and its causation

Before describing what social mobility is and its varieties, P. Sorokin tries to explain why social stratification – the division of people into classes – is an integral feature of any society (Sorokin 1937). The

main prerequisite for the emergence of differentiation is inequality itself and, as a consequence, the uneven distribution of goods, values and rights. Inequality can be expressed in several forms. If we are talking about the difference in income, standard of living, this can be considered as economic stratification. It is not possible to say that society is moving towards flattening economic inequality. According to Sorokin, there are global cycles within which we can talk about some economic trends. Society is subject to fluctuations, and if some abnormal deviations in economic stratification occur, it stabilizes and enters the usual state of dynamic equilibrium.

Within one group, to have greater or lesser prestige, to have a high or low rank, or, using the vocabulary of P. Bourdieu, to occupy a different position with respect to "symbolic capital," means to be in a politically differentiated group (Bourdieu 2004). Just as with the economic side, political stratification cannot be defined unambiguously. There is no way to say exactly which types of political systems will arise more often and which less often, or to assign a certain type of stratification to a certain type of political organization. However, it can be said with certainty that the political structure is subject to the same fluctuations, and sometimes strives for greater differentiation and stratification, and sometimes for equalization and averaging. If in a society that is divided into different groups according to the type of their activity, some jobs are valued higher than others or are considered more prestigious, we are talking about professional stratification (Lenski, Gerhard 1954). Sorokin's increase in the level of professional mobility is mainly associated with an increase in the requirements for intellectual capabilities in the position held and the need to control others in it. Each professional group is divided into three layers: entrepreneurs (owners), managers, and hired workers. The former are considered to be free from restrictions, whose decisions are intellectual work, and they completely determine the behavior of other workers. The height of stratification for the same position of positions held (manager) between different organizations may differ if the level of rights and freedoms provided is incomparable. The height of the position is affected by the type and nature of the organization, and the very limitation of opportunities in the same position held can be considered as a decrease in professional stratification.

In general, stratification can manifest itself in different ways, but all this diversity usually comes down to these three forms. At the same time, these forms are closely intertwined. If a person is economically successful, then most likely he will also have a high political and / or professional position. However, this should not be regarded as a rule. If society were viewed only through the perspective of social stratification, it would appear as a rigid hierarchical structure that would reproduce itself in an unchanging manner. Although Sorokin reports that it is impossible to determine the behavior of stratification, it is certain that it is subject to fluctuations. These fluctuations owe their existence, among other things, to the movements of individuals in the social structure of society – social mobility.

Social mobility and its types

Social mobility is divided into vertical and horizontal. Vertical mobility includes movements that affect the position in the social structure and are accompanied by changes in social status, a transition to a new social stratum. There are two types of vertical mobility: ascending and descending (Sorokin 2008). The first can also be defined as a social rise, the second – as a social descent. A subject operates within vertical mobility not only due to individual actions, i.e., for example, climbing the career ladder or leaving work, but also due to declassing or increasing the prestige of his professional, political or other group, like during a period of increased demand for IT professions, or the creation and strengthening of a new political party. Also, the parameters of vertical mobility include its intensity (how much the rise and descent were made) and universality (what part of the population was covered by vertical shifts). Sorokin classifies horizontal mobility as the movement of an individual or social subject between social groups that are at the same level. In other words, the transition to a new social group should not be accompanied by changes in status, and should not lead to improvements or deteriorations in economic, political, or professional positions.

Horizontal mobility can also include changes within one social group, where a social subject physically changes its position. This subtype of horizontal mobility can be considered as territorial or geographic mobility (Chekareva 2014). In addition, horizontal mobility can be subdivided into family, religious, political, or professional mobility in cases where there is no change in position vertically. Although Sorokin does not explicitly state this, these same subtypes cease to be part of horizontal mobility at the moment when they are associated with vertical shifts, and become part of vertical mobility. Accordingly, these types of social mobility cannot be considered as a category of horizontal or vertical mobility until it is determined whether they can be considered as upward or downward mobility. By means of exclusion, it is possible to

distinguish a type of vertical mobility that will always be considered as its component part – economic mobility. Fluctuations associated with economic mobility are always expressed in a superior or downward form, and therefore are measured vertically.

Types of horizontal mobility

Territorial mobility is an important component of horizontal mobility. The modern era, as Sorokin noted, is characterized by trends of increasing territorial mobility, increasing population movement. Although he observed this feature to a greater extent in Western societies, it can be assumed that the number of population movements has at least not decreased since then. This is facilitated not only by the development of technical capabilities for population mobility, but also by a more developed general level of globalization. These changes have affected not only Western societies, but also, in principle, many countries.

When it comes to territorial mobility, all kinds of movements can be considered as its criterion (Barkov 2019). Trips and movements within one country, travel to other countries, distances covered during movement, population migration, both internal and external, distance between place of residence and work, change of place of residence, citizenship. If there is an increase in these indicators within a country, region, or other unit, we can talk about at least an increase in territorial mobility within it. No less important types of social mobility include the circulation of material and immaterial objects (Sorokin 2005). This process can be expressed both horizontally and vertically. If the first is the movement of objects and their popularity within one class, then the second includes things transcendental to a certain class. In a horizontal perspective, this is easier and more understandable due to the fact that over time, it becomes more difficult to discover the origins of ideas or values within a class. Often, we have to talk only about the prevalence of things in general, or in terms of characteristics that are unnatural to consider vertically: time, gender, age, etc. In addition, the information space has become even less localized territorially, and emerging trends are spreading with greater force, which makes vertical assessments even less likely. On the other hand, it is possible to identify preferences and tastes among different social classes, which is what Bourdieu devoted his works to (Bourdieu 2004).

As in the case of territorial mobility, social things and values also become more mobile (Sorokin 2005). This is especially noticeable in modern times, when information plays a key role in their circulation. An indicator of the mobility of objects can be: the number of letters (including electronic ones), telephone conversations, news, comments on events, messages, import and export statistics, as well as the level and pace of dissemination of various values, ideas, fashion, trends, ideologies, events. The flow of information

and its comprehensiveness can be considered as evidence of a more dynamic mobility of social objects. distribution of values.

Intra-professional mobility also refers to types of horizontal mobility until it leads to noticeable vertical shifts (Kovaleva 2018). Despite the fact that this judgment seems obvious, the real situation of moving to a new job is accompanied by many obvious and latent factors that can affect the vertical position of an individual. If the new job is not related to economic factors, then a change in geographic location, finding a family, a change in political, religious or other status may be the reasons that, in the opinion of the individual, will ensure some kind of vertical advancement. It is important to know how to assess such cases: as vertical changes that are not noticeable enough to be classified as vertical mobility and considered in horizontal categories, or as vertical mobility, since any vertical changes are vertical mobility under any circumstances. The main conclusions from studies of intra-professional mobility that Sorokin identified: among highly qualified workers, mobility is lower than among unskilled workers, mobility in companies with poor labor organization is higher than with good ones, in states of economic prosperity and social recovery, mobility is higher than in economic crisis and recession, mobility among men is higher than among women (Sorokin 2005). It can be measured by counting the number of representatives of professions, statistics of dismissals and hiring. The horizontal side of professional mobility also includes: professional stratification of society, the number of existing professions, the emergence of new ones and the disappearance of old ones (Radaev, Shkaratan 1996). Modern studies of horizontal professional mobility are associated with the study of the labor market, education and factors of technological development as processes that shape the current picture of employment (Kovaleva 2012; Ilyin 2015; Popova 2018)

Other types of horizontal mobility include: family, religious, political and civil (Pavlova 2016). The dynamics of each of these components of horizontal mobility carries information that can be used to predict the behavior of various macrostructures of society (Sorokin 1937). Family mobility statistics reflect the structure and types of families, how often they last, in which societies they last longer, the number of family members, etc. Even though religion may not be as important in people's lives as it was in the past, it still remains part of a person's worldview. The spread of atheism, scientism, and the emergence of trends that, while transforming, have not yet acquired a clear form are processes that reflect religious mobility on the one hand, and show the structure and metamorphoses of the institution of religion on the other (Kamaltudinov 2022).

The emergence of new political parties, the increase in their number, the absorption of some parties

by others or the formation of one from several, as well as the withering of short-lived and outdated parties lead to the fact that the electorate's voting preferences may change. On the other hand, party membership, the number of adherents, as well as those who changed parties are of interest. How often or rarely this happens can indicate the development or stagnation of this society, about the elements of its political structure (Sorokin 2005). Also, the frequency of citizenship changes among the population can indicate this and cultural features. In addition, observing various established migration trends will help to identify latent global processes.

Conclusion

In and of themselves, separate statistics on each element of horizontal mobility usually do not carry epistemological value. At the very least, to talk about high or low horizontal mobility, a multifactorial approach is needed. Even if, according to some indicators, mobility still remains high since the studies that Sorokin wrote about, the situation has changed for others, especially in the current time (Semenova 2019). He writes about this himself and is basically sure that social mobility is also subject to fluctuations. In addition, the hopes that the simple statistics on such quantitatively difficult to measure topics will be able to fully describe social reality seem unrealistic.

Despite the fact that many of the things that Sorokin wrote about are valuable in themselves, the assumptions about the state of horizontal mobility of at least social objects - the variability of the world, the rapid change of ideas and values, increasing uncertainty due to the speed of change, the dynamic flow of identities, as well as the increase in the amount of information produced - resonate with the ideas of modern theories of globalization, modernism and postmodernism (Rusakova, Rusakov 2016). The state of affairs that Sorokin identified when analyzing the social mobility of societies turned out to be the starting points of theoretical works by such authors as Z. Bauman (interpretation of mobility as continuous movement and increasing uncertainty (Bauman 2008)), P. Bourdieu (starts from the ideas of social inequality and transforms types of social mobility into fields along which the actor's position is hierarchically built (Bourdieu 2005)), M. Castells (dynamics of information in the media space (Castells 2000)), J. Baudrillard (constant rapid movement of material and immaterial objects leads to the creation of myths) and others.

The fact that vertical mobility was more popular among researchers than horizontal mobility should change (Hjellbrekke 2022). Research on horizontal mobility can be just as useful as on vertical mobility. The study of horizontal mobility provides information that is perceived not only as the usual movement of living and nonliving objects. Understanding the aspects of horizontal mobility can provide insights into

the universal processes of society as a whole, give a general picture of social reality, and not only within the boundaries of movements between classes (Sheller 2016). This multidimensional information can be used to study some specific issues, and as an opportunity to develop the theoretical apparatus as a whole.

The embodiment of the transformation of social mobility was the "mobility turn" or the emergence of J. Urry's mobile sociology. This theory mixes the paradigms of globalism, network society and postmodernism, but at the same time, horizontal mobility is the means of expressing the trend of the modern world. It reflects the dynamics of global processes, as well as the essential transformation of the elements of mobility themselves. An important role is given not only to people as the main actors, but also to various material and immaterial objects. Streams, networks of meanings and symbols are formed, where various structures of the social world become active producers (Urry 2000b). At this stage, simple statistics on the phenomena of horizontal mobility are insufficient. They are inseparably linked with social actors, with the very structure of society. This leads to the fact that the quantitative measure of things does not allow us to identify the essence of the "interpenetration and connection of these numerous movements" (Tsyachnyuk 2004, p. 201).

The author's position on horizontal mobility is in many ways similar to the previously presented opinions on the concept. However, there are a number of positions that should be further outlined:

- Horizontal mobility as a discourse in the context of postmodernism. Initially, horizontal mobility was expressed through quantitative characteristics and was a measure of the movement of various structures of society. These ideas about horizontal mobility reflect the methodological approach of sociology, which can now be considered the ideal of classical science. At the same time, the increasing rates of mobility identified by Sorokin foreshadowed a new stage in the perception of the fluidity of not only social individuals, but also any things in principle. Thus, ideas about horizontal mobility have become an independent metadiscourse on the variability of theoretical sociology. At this stage, horizontal mobility is largely associated with symbols, text, and various social categories that surround an individual (gender, class, family, norms). At the same time, the research field is also focused on such categories, and not on the individual in its pure form. In this case, horizontal mobility can be considered as a translator of modern paradigms in science, or as a text about text.

- Horizontal mobility of social things and values as a comprehensive category of the concept, and information as the main indicator. If we proceed from the previous position, any direction of horizontal mobility research falls into the area of social objects. In addition, the semantic isolation of subspecies is rather

a disadvantage, since in the current situation the delineation into areas becomes nominal, and interdisciplinarity is perceived as something necessary.

- Horizontal and vertical mobility are considered as separate areas of research. At this stage, when the concept of horizontal mobility has transformed and become closer to the paradigms of postmodernism, globalism, network societies, and vertical mobility is a representation of social structure, stratification, epistemologically both directions are becoming less and less connected with each other. The difficulties in relating the subtypes of social mobility to each of these types, which arise every time it is necessary to determine whether any significant changes in status have occurred or not, greatly limited the possibilities of horizontal mobility. This also influenced the fact that vertical mobility was more preferable among researchers. The possibility of combining types of social mobility is seen in the synthesized representation of this space by Bourdieu. With such a paradigm of action, individuals are not under the prism of only vertical or only horizontal mobility. Movement in this case implies the possibility of a simultaneous combination of mobility, and a combination of its various types. In this form, mobility will have a more heterogeneous and complex structure, which it usually contains in real life.

It seems that the last part of the article is devoted to how Sorokin's classical ideas about horizontal mobility are now of no importance to the researcher. However, in reality, Sorokin laid the foundation for such a vast topic as mobility. Even if the methods previously applied to study this may now seem naive, Sorokin's research intuition was in the right direction. His conclusions and assumptions allowed the topic of horizontal mobility to be developed further and deeper, and for it to acquire a new corresponding to the present time, eclectic form.

References

- Barkov, S.A., Kovrova, M.A., Selezneva, A.S., Chugunova, M.A. (2019), Territorial mobility of the population as an economic and socio-cultural problem of the Russian labour market, *Moscow State University Bulletin, Series 18, Sociology and Political Science*, no. 25(2), pp. 66–92, DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-2-66-92>.
- Baudrillard, J. (2013), *Simulacra and Simulation = Simulacres et simulation*, orig. ed. 1981, Pechenkina, O.A. (Transl.), Tulsy Polygraphist, Tula, Russia.
- Bauman, Z. (2008), *Liquid Modernity*, Piter, St.-Petersburg, Russia.
- Bourdieu, P. (2004), Forms of Capital, Dobryakova, M.S. (Transl. from English), Distinction: Social Critique of Judgment (book fragments), Kirchik, O.I. (Trans. from French), *Western Economic Sociology: Anthology of Modern Classics*, ROSSPEN, Moscow, Russia, 680 p.

- Bourdieu, P. (2005), *Sociology of Social Space*, Shmatko, N.A. (ed., transl. from French), Aletheia, St.-Petersburg; Institute of Experimental Sociology: Aletheia, Moscow, Russia.
- Castells, M. (2000), *Information Age: Economy, Society and Culture*, Shkaratan, O.I. (Transl. from English under scientific ed.), HSE, Moscow, Russia.
- Chekareva A.V. (2014), Social mobility as a mechanism of social inequality, *Vestnik VUiT*, no. 1 (15), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-mobilnost-kak-mehanizm-sotsialnogo-neravenstva>.
- Hjellbrekke, Johs (2022), Mobility, Horizontal and Vertical, *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*, DOI: <http://doi.org/10.1002/9781405165518.wbesm113.pub2>.
- Ilyin, V.I. (2015), Profession as an individual life track: conceptualization of the category, *The Journal of Social Policy Studies*, no. 4 (13), pp. 515–528.
- Kamaldinov, A.V. (2022), "Mifologicheskii aspekt mirovozzreniya "Novogo ateizma"", *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, vol. 23, no. 2, pp. 117–123.
- Kovaleva A.I. (2012), Professional onmobility, *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 1, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-mobilnost>.
- Kovaleva, A.I. (2012), Professional mobility, *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 1, pp. 298–300.
- Lenski, G. (1954), Status Crystallization: A Non-Vertical Dimension of Social Status, *American Sociological Review*, vol. 19, no. 405.
- Pavlova A.I. (2016), Main directions of studying social mobility, *Symbol of science*, no. 12–3, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-izucheniya-sotsialnoy-mobilnosti>.
- Popova E.S. (2018), Horizontal professional mobility, professional education and the labor market in Russia over the years, *SNiSP*, no. 1 (21), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorizontalnaya-professionalnaya-mobilnost-professionalnoe-obrazovanie-i-rynok-truda-v-rossii-v-dinamike-let>.
- Radaev, V.V. and Shkaratan, O.I. (1996), *Social stratification: Textbook. manual*, Aspect Press, Moscow, Russia.
- Rusakova, O.F. and Rusakov, V.M. (2016), The paradigm of mobility in modern political media discourse, *Scientific journal "Issues of Political Science"*, no. 4 (24).
- Semenova, V.V. et al. (2019), *Social mobility in an increasingly complex society: objective and subjective aspects: monograph*, FNISC RAS, Moscow, Russia.
- Sheller, M. (2016), The New Paradigm of Mobilities in Contemporary Sociology, *Sociological Studies*, no. 7, pp. 3–11.
- Sorokin, P. (1937–1941), *Social and Cultural Dynamics*, American Book Company, Cincinnati, USA.
- Sorokin, P. (1959), *Social and Cultural Mobility*, Free Press, Boston USA.
- Sorokin, P. (2008), *The System of Sociology*, Astrel, Moscow, Russia.
- Tsyachnyuk M.S. (2004), Mobile sociology of John Urry, *ZhSSA*, no. 4, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mobilnaya-sotsiologiya-dzhona-urri> (Accessed 27 November 2024).
- Urry, J. (2000b), *Sociology Beyond Societies*, Routledge, London, Russia.
- Дата поступления: 25.09.2024
рецензирования: 18.11.2024
принятия: 12.12.2024

SCIENTIFIC ARTICLE

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-4-100-107

Submitted: 01.10.2024

Revised: 19.11.2024

Accepted: 16.12.2024

O.V. BesschetnovaMoscow State University of Psychology
& Education,

Moscow, Russian Federation

E-mail: oksanabesschetnova@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4181-9886>**E.K. Naberushkina**Financial University under the Government
of the Russian Federation,

Moscow, Russian Federation

E-mail: ellana777@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7495-231X>**Family values: youth's attitudes vs older generation**

Abstract: the article presents the results of the sociological research conducted in 2024 and based on a qualitative methodology (18 in-depth interviews), all-Russian survey data, as well as research made by Russian scientists. The main purpose of the study is to identify the attitudes of young generations (aged 18-35) and older people (aged 60+) to marriage, family, children, divorce, use of digital technologies based on a comparative analysis. The results of the study show that the assertion that exists in public discourse about the loss of "traditional family values" by the younger generation is premature; rather, we should talk about their transformation in the context of the political and economic crisis under the influence of a higher degree of responsibility of young people in creating their own family and having children, pragmatism, and a critical assessment of their own capabilities. Currently, the problems of the older people are increasingly included in the agenda of modern state social policy in order to include them in various types of activities (education, mentoring, volunteering) to overcome loneliness, prevent destructive age-related phenomena, maintain physical and mental health, increase life expectancy, improve adaptive capabilities, which allows maintaining the connection between generations in difficult socio-economic and political conditions.

Key words: values; youth; older generation; intergenerational interaction; care; family; marriage; children; divorce; digital technologies.

Citation: Besschetnova, O.V. and Naberushkina, E.K. (2024), Family values: youth's attitudes vs older generation, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 100–107, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-100-107>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Besschetnova O.V., Naberushkina E.K., 2024

Oksana V. Besschetnova – doctor of sociological science, associate professor, professor of the Department of Social Communication and Organization of Work with Youth, State University of Psychology & Education, 29, Sretenka str., Moscow, 127051, Russian Federation.

Elmira K. Naberushkina – doctor of sociological science, associate professor, professor of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167, Russian Federation.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 316.346.3+316.64

О.В. Бессчетнова

Московский государственный психолого-педагогический университет,

г. Москва, Российская Федерация

E-mail: oksanabesschetnova@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4181-9886>

Э.К. Наберушкина

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации,

г. Москва, Российская Федерация

E-mail: ellana777@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7495-231X>

Семейные ценности: молодежь vs старшее поколение

Аннотация: в статье представлены результаты социологического исследования, проведенного в 2024 году на основе качественной методологии (18 глубинных интервью), изучения данных общероссийских опросов, исследований российских ученых с целью выявления отношения представителей поколений молодежи (18–35 лет) и людей пожилого возраста (60+) к браку, семье, детям, разводу, использованию цифровых технологий на основе сравнительного анализа. Результаты исследования позволяют констатировать преждевременность утверждения, существующего в общественном дискурсе, об утрате молодым поколением «традиционных семейных ценностей», скорее, следует говорить об их трансформации в условиях политического и экономического кризиса под влиянием более высокой степени ответственности молодежи при создании собственной семьи и рождении детей, прагматичности, критической оценки собственных возможностей. В настоящее время проблемы пожилых людей все чаще включаются в современную повестку дня государственной социальной политики при обсуждении вопросов комфорта и удобства градостроительства, доступности среды, транспорта, социального обеспечения, льгот, организации и проведения мероприятий, разработки и принятия государственных программ, направленных на укрепление и активизацию потенциала данной социальной группы, включения их в различные виды деятельности, помимо традиционных, для преодоления одиночества, профилактики деструктивных возрастных явлений, сохранения уровня здоровья и увеличения продолжительности жизни.

Ключевые слова: ценности; молодежь; старшее поколение; межпоколенческое взаимодействие; работа; семья; брак; дети; развод; цифровые технологии.

Цитирование: Бессчетнова О.В., Наберушкина Э.К. Семейные ценности: молодежь vs старшее поколение // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 100–107. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-100-107>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Бессчетнова О.В., Наберушкина Э.К., 2024

Оксана Владимировна Бессчетнова – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью, Московский государственный психолого-педагогический университет, 127051, Российская Федерация, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29.

Эльмира Кямаловна Наберушкина – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125167, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2.

Introduction

The Strategy for State Cultural Policy for the Period up to 2030 records the weakening of the role of the family and family relations in the system of value orientations of Russian Federation citizens, caused by the breakdown of stable social ties (friendly, family, neighborly), the growth of individualism and the number of divorces, which does not contribute to the “transmission from generation to generation of traditional Russian values and norms, traditions and customs, and disrupts previously stable intergenerational ties in matters of the transmission of cultural, ethnic traditions and knowledge...” (On the Strategy of State Cultural Policy for the Period up to 2030 2024).

In this regard, the problem of continuity of the younger and older generations in modern Russian society arises, by which we mean a social phenomenon in the “tradition – innovation” system; a mechanism

for transmitting collective social experience and culture to new generations through social institutions, including a system of values, the process of communication and interactions at the personal, professional, and societal levels.

In this regard, the research questions arise: Are young people's ideas about family, marriage, children, marital and parent-child relationships, as well as relationships with grandparents the same in terms of the meanings that older generations ascribed to them? Do people of different generations speak the “same language” or, under the influence of the new reality, familiar, “traditional” concepts acquire a new meaning, changing the very system of family relationships? Can strong differentiation in the value system lead to an aggravation of the destabilization of society, age discrimination, and a generations conflict?

Literature review

At present, various processes occurring in the social institution of the family, in the methodology of Russian sociological science lie in the plane of two main research paradigms: crisis (A.I. Antonov, V.N. Arkhangel'sky, V.A. Borisov, V.M. Medkov, A.B. Sinelnikov) and modernization (A.G. Vishnevsky, O.A. Voronina, S.I. Golod, S.G. Groman, B.F. Kvasha, M.S. Matskovsky, E.R. Smirnova-Yarskaya), which, on the one hand, without a clear evidence base, are considered rather as a confrontation between two irreconcilable ideologies, which forces researchers in the field of family studies, on the one hand, to look for new methodological foundations that contribute to the search for the causes of "changes in the family in modern conditions and contribute to the development of family policy measures aimed at supporting it" (Sosnovskaya 2018, p.169), on the other, to fill the vacuum of theoretical and methodological approaches to studying the family in changing conditions, since the old ones no longer meet the new requirements of the time, continuing to remain in the mainstream of social functionalism. Foreign researchers point to two main paradigms in the study of intergenerational relations: a constantly increasing gap between generations (M. Mead, S.N. Parkinson) and a pendulum nature, suggesting alternation of periods of conflict and continuity (X. Ortega y Gasset, L. Feuer).

Attempts to overcome the framework of the socio-functional approach to examining the processes occurring in the modern family institution were made by L.V. Kartseva (Kartseva 2003) (subject-centric approach focusing on the loss of formal institutional features by the family and the strengthening of informal ones); A.V. Vereshchagina (Vereshchagina 2009) (neo-institutional approach emphasizing the importance of the quality of family relations underlying the model of an egalitarian family characteristic of modern society; the balance of formal, informal and personal factors); O.I. Volzhina (Volzhina 2002) (axiological approach allowing to study the value attitude towards the family in the context of social changes); A.R. Mikheeva (Mikheeva 2012) and S.A. Ilyinykh (Ilyinykh 2014) (sociocultural field model). However, the presented approaches only partially allow to go beyond the boundaries of the methodology of structural functionalism in its Soviet modification, which should be supplemented by a new methodological base.

In modern sociology, the problem of intergenerational interactions has not been sufficiently studied; the concept of institutional changes requires supplementing with new scientific data. The emergence of theoretical and methodological approaches put forward by Russian scientists (K.A. Abulkhanova-Slavskaya, B.G. Ananyev, T.A. Barysheva, M.E. Elyutina, V.D. Shapiro) made it possible to make significant progress in the field of studying the life activ-

ities, developmental characteristics, capabilities and limitations of old people, which formed the basis for new scientific developments in gerontology, geriatrics, psychology and sociology of aging. In turn, modern studies on intergenerational connections written by S. Arber (Arber 2016), T.A. Gurko (Gurko 2020), T.K. Rostovskaya, O.V. Kuchmaeva (Rostovskaya and Kuchmaeva 2020), S.A. Sudyin (Sudyin et. al 2018), V.I. Sharin, I. A. Kulkova (Sharin and Kulkova 2019) shed light on important points concerning the movement of financial flows between generations of the family (ascending/descending); the nature of mutual assistance, depending on gender, income, education, place of residence of representatives of different generations; attitudes towards raising grandchildren, and others.

Materials and methods

The study is based on the theory of generations and the model of intergenerational solidarity by V. Bengtson and E. Achenbaum, the essence of which lies in the description of generational relationships from the position of solidarity (financial, material, emotional support and affection) and conflict (clash of interests; different values and meanings). According to the scientist, it is the older generation that is the "backbone" of the family, restraining its disintegration and the aggravation of intergenerational relations.

The research aimed to study the spectrum of family values from the perspective of representatives of the generations of youth (18-35 years) and senior citizens (60+) based on a qualitative methodology. In July-August 2024, 18 in-depth interviews were conducted with respondents of both sexes (9 in each age group) using one questionnaire for subsequent comparative analysis of the results. The transcribed interviews were subjected to content analysis. The respondents were selected using the snowball method, with age and generational background as the main criteria.

The interview guide included five blocks reflecting respondents' opinions on the main provisions of family, marital and intergenerational relations: 1. Marriage (official/unofficial). 2. Gender roles in the family (headship in the family; distribution of household responsibilities between spouses/partners). 3. Economic status (income and its redistribution between family members; components of the family budget). 4. Children (number and time of birth) 5. Divorce (attitude and reasons for divorce; domestic violence). 5. Digital technologies (capabilities of using digital services, platforms, chats and messengers).

Results

Individual values represent an internalized layer of national culture, consciously or unconsciously assimilated in the process of socialization, under the influence of training, education, accumulation of life and

social experience, observation, communication and interactions with other people.

The attitude towards official marriage among young people and the older generation does not have significant differences. Both age groups consider the creation of a family, the search for a loved one who is able to show love, care and support to be an important step on the path to adulthood. In relation to cohabitation (unofficial marriage), the opinion of respondents differs: young people actively speak out for this form of relationship, motivating it with the opportunity to test their feelings, look at their partner in everyday life, in various, including problematic or crisis situations; check sexual compatibility; spend leisure time together; share the financial burden of renting housing, food costs, paying for housing and communal services and other current expenses; receive various types of assistance from both parental families at once.

Representatives of the older generation generally do not express harsh, negative criticism of cohabitation, but rather express a humble position based on the prevalence of this phenomenon and the lack of stigma ("What will people say?"). In 2020, 16 % of respondents under the age of 34 were in an unofficial marriage (All-Russian Center for the Study of Public Opinion 2020). At the same time, 56 % of young people, as well as representatives of the older generation, do not consider these relationships to be marriage; however, when children are born, 71 % of surveyed Russians express the opinion that they need to be legally registered (All-Russian Center for the Study of Public Opinion 2018).

Thus, both age groups express a loyal attitude towards cohabitation before marriage: from the point of view of young people, this is seen as the acquisition of primary experience of family life, with its advantages and disadvantages, from the point of view of older generations is an opportunity to avoid pointless expenses on organizing a wedding ceremony with a high risk of divorce for the newlyweds.

Providing various types of assistance (financial, material, emotional) from one generation to another plays an important role in the context of strengthening intergenerational family ties. Young people indicate receiving funds not only from their parents, but also from their grandparents, mostly from grandmothers, who transfer their pensions to their grandchildren's bank cards to provide them with additional financial support during their studies, living in another city, to buy things or pay for education or medical services.

Despite their low incomes, older adults try to allocate even small amounts of money to their grandchildren, leaving a fixed amount for monthly expenses on housing and communal services, a minimum set of products and medicines. Unlike older people living alone, elderly couples have a large amount of resources, whose budget usually consists of two pension payments, as well as a possible additional source

of income (renting out real estate; selling their own agricultural products; income from bank deposits). In the case of the impossibility to provide financial assistance, grandparents living in rural areas provide their children and grandchildren with their own agricultural products (fruits, vegetables, meat). Younger family members receive more assistance from their grandparents than they provide it themselves, of course, taking into account the age and health of the latter, but when older people reach aged 75 the situation becomes the opposite.

In addition, grandparents, especially grandmothers, act as indispensable assistants in the care, supervision and upbringing of grandchildren and great-grandchildren of different ages, given the high workload of their own adult children and grandchildren because of the high prices for the educational and childcare services, the negative attitude of employers towards paying sick leave for child care in the conditions of fierce competition in the labor market, as well as the parents' labor or education migration, when the eldest woman in the family has to play the role of a surrogate mother in raising children (Galindabaeva 2014).

At the same time, modern women of retirement age, especially urban ones, are moving away from the stereotype of a "grandmother with pies", whose destiny is to grow old, do housework and raise grandchildren. At present, many of them continue to work, financially help adult children and grandchildren, attend sports, cultural and educational events, arrange their personal lives, and therefore are ready to only occasionally provide assistance in raising grandchildren, giving them experience and knowledge. In turn, young people note helping their grandparents with housework, making things around the house (washing floors, windows, hanging curtains, doing minor repairs); adult children buy household appliances (automatic washing machines, dishwashers, electric kettles, etc.) to make housework easier for their older relatives.

At the same time, the issue of several generations living together in one living space is not approved by either young people or the elderly: both groups prefer "closeness at a distance," which implies separate living and autonomy with close interaction, including the use of modern telecommunications.

With regard to the distribution of responsibilities and the performance of gender roles, there are clearly expressed divergent trends among different generations: older people are more inclined to perform traditionally prescribed gender roles: the wife is responsible for the cleanliness and comfort of the house, cooks food, takes care of her husband and children, which requires her to perform numerous daily duties, while the husband does housework from time to time or as needed and, as a rule, rarely and minimally participates in daily household chores, devoting his lei-

sure time to activities in the garage, hunting and fishing trips, and meeting with friends. On the contrary, young people are more inclined to expand the range of gender roles, delegating and distributing household responsibilities among themselves, citing equality of rights, employment outside the home for both men and women, joint contribution of income to the family budget, high workload and lack of time. Young men demonstrate greater willingness to voluntarily provide assistance in housekeeping, care and upbringing of children, and to spend leisure time more often with their family.

Filling the family budget and planning expenses in families of different generations has its own nuances: most older couples point to several scenarios for distributing funds: first, the existence of a joint budget, when regardless of the income level of both spouses (and the husband, as a rule, received a large salary); second, the money was put in one place and could be spent by both spouses as needed, on current expenses and on large purchases; third, the husband gave all the money to his wife, leaving himself a "stash" for small expenses; four, less often, the wife gave money to her husband, and he allocated funds for her to buy food and other expenses.

Young spouses/partners tend to detail their individual income and expenses more carefully: the bulk of money earned by each of them is usually kept on bank cards and is rarely withdrawn; when living together, both in an official and unofficial marriage, they have an agreement on joint expenses (for example, one buys groceries, the other pays rent, utilities, gasoline, insurance and car repairs, etc.); or payments are made jointly (vacation, travel, leisure) in approximately equal proportions. If there are additional jobs or part-time work, the total amount of the individual budget is not transparent, spending on personal needs is carried out based on the individual's sole decision; in the case of receiving funds from parents or older members of the blood-related family, they are used to a greater extent to cover personal expenses than for general family needs.

The time of birth and the number of children in the family are important issues that require joint discussion by spouses. Some older respondents noted the early birth of their own children (at the age of 19-20), a year after the wedding, often unplanned. The birth of children was considered a self-evident fact of creating a family, despite housing and material insecurity (living in dormitories and rented apartments, lack of funds or help from extended family members due to their remoteness, the presence of younger siblings, etc. According to the recollections of older women, the need to return to work early after year of child's birth forced mothers to send small children to preschool institutions or even left them at home alone or under the supervision of neighbors, friends, as well as took them to work.

Young people more often plan their immediate future in the long term, critically assess their capabilities as well as threats and risks (*"if I go on maternity leave, we simply won't be able to survive on my husband's salary alone"*; *"the question is who will look after the child after birth, our grandmothers work, and they are far away"*). In our opinion, it is precisely the high level of responsibility of young people, along with the above-mentioned factors that restrains their reproductive behavior. In our opinion, one of the reasons for postponing childbearing is the high level of responsibility of young people, along with other factors, which restrain their reproductive behavior.

Instability of society generates dysfunction of its social institutions. The divorce rate in modern Russian families is very high, and, unfortunately, there is a tendency to increase (2020 - 564,704 people; 2021 - 644,209; 2022 - 682,850) (Demographics. Marriages and Divorces 2023). Views on the causes of divorce among representatives of the older and younger generations differ significantly: older adults are more ready to maintain family ties, even in the case of long-term, chronic alcoholism of one of the spouses, psychological and physical violence, infidelity, citing the situational behavior of the partner (*"when he does not drink, he is a good husband and father"*), attaching importance to the loss of the status of a married woman, the fear of stigmatization and blaming the woman for the breakup of the family by colleagues, friends, members of the extended family (*"relatives will not understand, they will blame me for not being able to save the family"*; *"they will say that I orphaned the children, left them without a father"*), the lack of their own income, housing, education, the difficulties of supporting and raising children alone (*"how can I live without a husband with two children?"*).

On the contrary, young people prioritize personal comfort, safety, focus on their own interests, and more easily break up with partners and spouses for "emotional" reasons, including loss of love, lack of care and mutual assistance, disappointment, failure to meet expectations, selfishness and distance, as well as fixation on achieving their own goals. If young women have their own resources (education, work, place of living, income), and support from their parental family, most of them are more likely to break off toxic or abusive relationships and will not "put up with it for the sake of the children".

The greatest level of intergenerational differentiation is observed in the field of digital technologies. Russian researchers D.E. Dobrinskaya, T.S. Martynenko (Dobrinskaya and Martynenko 2019) identified three levels of digital inequality: first, access to innovative telecommunications technologies, gadgets and high-speed Internet; second, the presence/absence of skills to use Internet content (passive or active); third, the range of use of information technologies in various spheres of life.

Undoubtedly, older people usually use one electronic device (more often it is an old model push-button mobile phone) equipped with a minimum set of functions to make a call, receive or write SMS messages. They find it difficult to get used to a new gadget, motivating it ("why do I need it, I'm already used to mine, it's enough for me"); to change, to learn something new ("*I only need it to call my children*"); fear of being left without communication, "*to ruin something*" or "*to press the wrong button*". Therefore, most of the information, services and opportunities remain outside the older people's reach, which undoubtedly affects their daily routine social practices and behavior strategies (instead of, for example, paying for housing and communal services online using a QR code in a couple of minutes, they go to a cash center located on the other side of the city or in a district center).

Young people, on the contrary, act as ambassadors in the use of all kinds of electronic gadgets, having several at once (mobile phones, tablets, laptops, electronic bracelets, etc.) with Internet access, connecting service packages when traveling (within the country and abroad) in order to be "in touch" all the time. The youth makes up the main pool of profiles in social networks, instant messengers, chats (both personal and professional), young people are active participants in online communities, consumers and creators of Internet content; they use online services for ordering and delivering goods from markets, specialized sites, electronic pharmacies, food services and stores; receive distance education, work online; turn to the neural network for advice and information; spend leisure time in the information space.

In addition, the growth of various types of cybercrime, including fraud using mobile communications, makes older people suspicious of any offers in the form of advertising goods and services, and immediately block the flow of information. As a rule, older people who live together or being in touch with adult children and grandchildren turn to them for help and explanations regarding some "strange" calls, because they have been repeatedly informed about crimes, specific forms of fraudulent schemes by their closest relatives. The most vulnerable situation is for older people living alone, whose social circle, on the one hand, is extremely limited; on the other hand, it usually includes peers who do not have the necessary competence against protection from fraudsters.

Discussion

For a long time, intergenerational communications were viewed through the prism of a generational conflict, which was based on the irreconcilable attitude of the old generation to new trends, views, behavior, innovations of the youth, who was often regarded as threats to the traditional world order, and were criticized and punished. According to a survey conducted

in 53 constituent entities of the Russian Federation (n = 1,500) by Public Opinion Foundation, modern youth are distinguished from the older generation by the following characteristic features: mentality, outlook on life, upbringing – 15 %; bad manners, arrogance – 10 %; possession of new technologies – 7 %; excessive dependence on gadgets – 6 %; spoiled, infantilism – 5 %; independence, emancipation, progressiveness – 3 %; immorality, selfishness, commercialism – 3 %; found it difficult to answer – 22 % (Modern youth. How modern youth differs from the older generation 2024).

The results of our own research and the analysis of the results of similar studies (Arber 2016; Gurko 2020; Rostovskaya and Kuchmaeva 2020) in the context of studying issues of intergenerational interactions allow us to talk about a new point of view of young people on the generation of older people, not focusing only on age differences, but considering them in a broader context of opportunities, respecting their right to self-realization, rest, and creating a family.

Despite alarmist statements about the loss of traditional family values by new generations of Russian youth, they do not find scientific confirmation. As before, the majority of young people respect elderly family members, considering them as people who cared and continue to care for them, keenly experience their ups and downs, provide them with material assistance and moral support, to whom they confide their "secrets" and whose advice they await. Due to various reasons, including intergenerational ones, social contacts occur more intensively between generations standing next to each other (parents - children) than between those distant from each other (grandmothers/grandfathers – grandchildren).

Nevertheless, the quality of these relationships is not equal to their quantity: researchers note more conflictual relationships between parents and children, compared to the relationships of great-grandparents and grandchildren, characterizing their relationships as softer, more trusting, emotionally close than child-parent relationships (Arutyunyan 2012; Besschetnova and Mayorova-Shcheglova 2021). Grandparents act not only as bearers of experience and knowledge about the family's past, but also about the history of the country in their personal biographies as symbols of a bygone era, while younger relatives help their elderly relatives adapt, acting as guides in the world of digital technologies (Parfenova and Petukhova 2024).

Despite the remoteness of residence, members of different generations of the family regularly communicate by phone, use instant messengers, video platforms that allow them to stay in touch, be aware of family events, health status, and the needs of all family members. The emotional closeness of young and older generations, their close contacts, and shared childhood memories serve as the basis for solidarity

between generations within the family system, preserving traditions and continuity through mechanisms of belonging, social connections, and mutual assistance (Burmykina 2018).

Of course, in the conditions of digital inequality, older people cannot compete equally with young people in the field of mastering and using modern information technologies, some of whom rarely or do not use Internet resources at all; as users they are less active; their range of interests is limited to several sites; they have a lower level of computer literacy compared to young people (Osipova 2019; Maximova 2018).

Conclusion

The results of studies of the interaction of representatives of the younger and older generations in modern Russian society show the continuity of generations despite the influence of various factors of their socialization. Currently, the problems of the older people are increasingly included in the agenda of modern state social policy when discussing issues of urban development, comfort and convenience of public transport (Accessible Environment program), receiving social services online (Gosuslugi, EMIAS. Info, mos.ru), organizing and holding events, developing and adopting state programs (Federal project "Older Generation", the Moscow Mayor's project "Moscow Longevity", "Silver Volunteering") aimed at strengthening and activating the potential of this social group, including them in various types of activities (education, mentoring, volunteering) to overcome loneliness, prevent destructive age-related phenomena, maintain physical and mental health, increase life expectancy, improve adaptive capabilities, which allows maintaining the connection between generations in difficult socio-economic and political conditions.

References

- Arber, S. (2016), Aging and Gender in a Global Context: The Role of Marital Status / trans. from English by E.V. Vyugovskaya, A.A. Ipatova, *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskije i sotsial'nyye peremeny [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes]*, no. 2, pp. 59–78.
- Arutyunyan, M.Yu. (2012), Changes in the institution of "grandmothers": socio-psychological aspect, *Narodonaseleniye*, no. 1, pp. 76–85.
- Besschetnova, O.V., Mayorova-Shcheglova, S.N. (2021), "Actually, I grew up with them...": relationships between generations through the prism of retrospective memories of modern youth about childhood, *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 24, no. 4, pp. 110–137, DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.5>.
- More than half of Russians believe that it is better for older people to live in a family, [Online], available at: <https://xn--80aapamcavoccigmpc9ab4d0fkj.xn--plai/news/bole-poloviny-rossiyan-schitayut-cto-pozhilym-lyudyam-luchshe-zhit-v-seme/>, (Accessed 12 Oct 2024).
- Marriage and cohabitation: shall we put a sign of identity?. Official website of VTsIOM. February 2, 2018, [Online], available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-i-sozhitelstvo-stavim-znak-tozhdestva>, (Accessed 24 Sept 2024).
- Burmykina, O.N. (2018), Dynamics of St. Petersburg students' ideas about family and intergenerational relations (2007–2017), *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*, no. 9, pp. 27–46.
- Vereshchagina, A.V. (2009), *Transformation of the family institution and demographic processes in Russian society*: author's abstract. dis. ... doctor of sociological sciences. Rostov-on-Don.
- Volzhina, O.I. (2002), *Family as a socio-cultural value*: author's abstract. dis. ... doctor of sociological sciences. Moscow.
- VTsIOM: Every sixth young Russian prefers civil marriage, [Online], available at: <https://www.vzsar.ru/news/2020/03/05/vciom-kajdyy-shestoy-molodoy-rossiyanin-predpochitaet-grajdanskiy-brak.html> (Accessed 3 Novem 2024).
- Galindabaeva, V.V. (2014), Intergenerational care in families of rural migrants in Buryatia: gender aspect, *Theory and practice of social development*, no. 18, pp. 35–37.
- Gurko, T.A. (2020), Mutual assistance of urban parents and adult children: differences in age, educational and income groups, *Sociological science and social practice*, vol. 8, no. 3, pp. 134–148. DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7492>.
- Demography. Marriages and divorces, [Online], available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Accessed 16 Sept 2024).
- Dobrynskaya, D.E. and Martynenko, T.S. (2019), Prospects of the Russian information society: levels of the digital divide, *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*, no. 19, pp. 108–120.
- Ilyinykh, S.A. (2014), Ideas about the family of students in Minsk and Novosibirsk, *Sociological studies*, no. 3, pp. 59–65.
- Kartseva, L.V. (2003), Family model in the context of transformation of Russian society, *Sociological studies*, no. 7, pp. 92–100.
- Maksimova, O.A. (2018), Digital literacy of the "third age" generation as an adaptation resource in the context of the information society, *Logos et Praxis*, vol. 17, no. 2, pp. 103–110.
- Mikheeva, A.R. (2012), *Man in the private sphere: vectors of transformation of family relations*, IEOP SB RAS, Novosibirsk, Russia.
- On the Strategy of State Cultural Policy for the Period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of September 11, 2024, no. 2501-r.

[Online], available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410284259/> (Accessed 18 Oct 2024).

Osipova, N.G. (2019), Social inequality in the modern world, *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science*, vol. 25, no. 4, pp. 124–153, DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-124-153>.

Parfenova, O.A. and Petukhova, I.S. (2024), Zoomers and boomers: intergenerational solidarity in modern Russian society, *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science*, vol. 30, no. 3, pp. 312–339, DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-3-312-339>.

Rostovskaya, T.K. and Kuchmaeva, O.V. (2020), Transformation of the image of the desired family model in different generations: results of the All-Russian sociological study, *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*, vol. 20, no. 3, pp. 527–545, <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545>.

Modern youth. How modern youth differs from the older generation, [Online], available at: <https://fom.ru/TSennosti/15039> (Accessed 09 Feb 2024).

Modern youth. How modern youth differs from the older generation?. Official website of FOM. *Report Poll June 21-23, 2024*, [Online], available at: <https://fom.ru/TSennosti/15039> (Accessed 29 Oct 2024).

Sosnovskaya, N.A. (2018), Theoretical foundations of the study of the institution of family in modern sociology, *Bulletin of the National Academy of Sciences of Belarus. Series of Humanitarian Sciences*, vol. 63, no. 2, pp. 168–177, DOI: <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-2-168-177>.

Sudyin, S.A., Kutyavina, E.E., Kuramshev, A.V. (2018), Intergenerational Relations in a Modern Nizhny Novgorod Family, *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences*, no. 3, pp. 56–71.

Sharin, V.I., Kulkova, I.A. (2019), The Impact of Help from the Older Generation on the Birth Rate in Russia, *Population*, no. 2, pp. 40–50, DOI: <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00014>.

Дата поступления: 01.10.2024

рецензирования: 19.11.2024

принятия: 16.12.2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 130.2:8

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-4-108-114

Дата поступления: 26.09.2024
рецензирования: 20.11.2024
принятия: 17.12.2024

С.А. Сергеев

Казанский федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация
E-mail: SASergeev@kpfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3654-8153>

Станислав Лем и Иван Ефремов: несостоявшаяся встреча

Аннотация: два выдающихся писателя-фантаста и социальных мыслителя – Иван Ефремов и Станислав Лем – никогда лично не встречались и не переписывались, хотя у них было немало общих знакомых и они внимательно следили за публикациями друг друга. Целью статьи является выяснение возможных причин несостоявшейся встречи (недомогание И. Ефремова, слухи о «заносчивости» С. Лема и др.). Методы исследования – анализ переписки, художественных произведений и мемуаров И. Ефремова, Ст. Лема, людей из их близкого окружения. Автор приходит к выводу, что глубинной причиной отказа Ефремова от контактов с Лемом было несовпадение мировоззренческих взглядов по основным проблемам, которые и Ефремов, и Лем рассматривали в своем творчестве: сущность человека, его predisposition к добру или ко злу и место человека в космосе. И. Ефремов был антропологическим оптимистом, убежденным, что человек в своей основе добр, и проявления зла связаны с неправильным воспитанием и плохим социальным устройством. С. Лем, напротив, был антропологическим пессимистом, полагавшим, что в человеческой природе заложена склонность ко злу (антропологический манихизм), которая отчасти сдерживается наследственностью и воспитанием. В отличие от Ефремова, Лем пессимистически смотрел на возможность установления контакта со внесеземным разумом, и, как рационалист и неопозитивист, скептически относился к оккультизму и паранормальным феноменам.

Ключевые слова: Иван Ефремов; Станислав Лем; антропоцентризм; антропологический оптимизм; антропологический пессимизм.

Цитирование: Сергеев С.А. Станислав Лем и Иван Ефремов: несостоявшаяся встреча // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 108–114. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-108-114>.

Благодарности: автор выражает благодарность Виктору Язневичу за возможность ознакомиться с письмами Станислава Лема и консультации по малоисследованным аспектам творчества Станислава Лема.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сергеев С.А., 2024

Сергей Алексеевич Сергеев – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии Казанского федерального университета, 420008, Российская Федерация, г. Казань, Кремлёвская, д. 18.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.A. Sergeev

Kazan Federal University,
Kazan, Russian Federation
E-mail: SASergeev@kpfu.ru,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3654-8153>

Stanislav Lem and Ivan Yefremov: a failed meeting

Abstract: two outstanding science fiction writers and social thinkers, Ivan Yefremov and Stanislav Lem, never met in person or corresponded, although they had many mutual acquaintances and closely followed each other's publications. The purpose of the article is to identify possible reasons for the failed meeting (I. Yefremov's illness, rumors about S. Lem's "arrogance," etc.). The research methods include an analysis of the correspondence, fiction, and memoirs of I. Yefremov, Stanislav Lem, and people from their close circle. The author concludes that the underlying reason for Yefremov's refusal to contact Lem was the discrepancy in their ideological views on the main issues that both Yefremov and Lem considered in their works: the essence of man, his predisposition to good or evil, and man's place in space. I. Yefremov was an anthropological optimist, convinced that man is basically good, and that manifestations of evil are connected with improper

upbringing and a bad social structure. S. Lem, on the contrary, was an anthropological pessimist, believing that human nature has an inherent tendency towards evil (anthropological Manichaeism), which is partly restrained by heredity and upbringing. Unlike Yefremov, Lem was pessimistic about the possibility of establishing contact with extraterrestrial intelligence, and, as a rationalist and neopositivist, was skeptical about occultism and paranormal phenomena.

Key words: Ivan Yefremov; Stanislav Lem; anthropocentrism; anthropological optimism; anthropological pessimism.

Citation: Sergeev, S.A. (2024), Stanislav Lem and Ivan Yefremov: a failed meetin, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 108–114, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-108-114>.

Acknowledgements: the author would like to thank Viktor Yaznevich for the opportunity to familiarize himself with Stanislav Lem's letters and consultations on little-explored aspects of Stanislav Lem's work.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Sergeev S.A., 2024

Sergey A. Sergeev – doctor of political science, professor, professor of the Department of Political Science, Kazan Federal University, 18, Kremlyovskaya Street, Kazan, 420008, Russian Federation.

Введение

Визиты С. Лема в СССР

Станислав Лем трижды, начиная с 1962 года, посещал СССР, общаясь во время визитов с учеными, космонавтами, писателями-фантастами (Прашкевич, Борисов 2015, с. 164, 171, 203). К тому времени в СССР уже были опубликованы романы «Астронавты» и «Магелланово облако» (Лем 1960), «Звездные дневники Ийона Тихого», некоторые рассказы, в том числе о пилоте Пирксе, а также журнальный вариант романа «Солярис», публикация которого в журнале «Звезда» завершилась как раз перед визитом С. Лема. Таким образом, советские читатели, не знавшие польского языка, имели представление о творчестве С. Лема, хотя и не были знакомы с большей частью произведений лемовского канона, который, по мнению лемологов, открывается романом «Эдем», опубликованным в 1958 г. (Орлинский 2019, с. 216). Ни «Эдем», ни «Возвращение со звезд», ни тем более «Рукопись, найденная в ванне» на русский язык к тому моменту переведены еще не были. Это, однако, не мешало первому приезду С. Лема в СССР превратиться в триумф.

Подробный рассказ об этом визите, составленный самим С. Лемом, напоминает «Фиесту» популярного тогда в СССР Э. Хемингуэя: «Что же происходило конкретно со мной, вокруг меня, нельзя даже описать... Мой номер в отеле был почти постоянно забит разными кибернетиками, астрофизиками, математиками. Не говоря уже о молодых писателях. У меня были массовые встречи, две со студентами Московского университета, где я чувствовал себя как Ленин в 18 году, когда вещал для забитого зала... Меня любили там, мне говорили разные вещи, одаривали, почитали так, что, вероятно, уровень признательности удовлетворил бы человека с претензией на гениальность, которым я... до сих пор не стал... Я вел долгие ночные разговоры, читал в рукописях стихи и рассказы, и роман, говорил по 14 часов в сутки и вернулся такой обросший, что первые пару дней делал ошибки в родном языке» (Орлинский 2019, с. 265–266).

Позже, в отрывке «Так было», написанном в 1993 г. и включенном в «Сильвические размышления», С. Лем описал свой первый визит в СССР с изрядной долей сарказма, усилив ощущение хаоса, спонтанности и суматохи. Упомянув В. Высоцкого и А. Галича, которые пели для него, смелые песни в Доме физиков и только что вышедший журнал с повестью А. Солженицына, он вспомнил официальный ужин на Арбате, в зале огромном, «как ангар для дирижаблей», и неофициальный – в Ленинграде, у писателя-фантаста И. Варшавского. Гости уселись в тесной кухне, «из которой вынесли все, что смогли», причем Лема, как почетного гостя, усадили спиной к раковине. «Я как умел делал вид, что прием, на котором почетный гость сидит спиной к раковине, – вещь совершенно нормальная и вполне соответствует европейским обычаям» (Лем 2015, с. 376).

Борис Стругацкий дополнил этот рассказ, перечислив участников встречи в Ленинграде – это И. Варшавский, Д. Брускин, Е. Брандис и он сам; кроме того, «аналогичная встреча примерно в те же времена имела место и в Москве», в которой участвовали А. Громова, Р. Нудельман, А. Стругацкий, Е. Парнов (Стругацкий Б., 2004). «Квартира Ариадны Грозовой, – вспоминал С. Лем, – во время каждого моего пребывания в Москве превращалась в штаб, где было полно народу, где составлялись планы на ближайшие дни, просматривались последние издания, переводы, статьи». Неизменными спутниками С. Лема в столице СССР были А. Громова, Р. Нудельман и А. Мирер (Лем 1975, с. 251–252). «Я вернулся две недели назад такой усталый, что до сих пор еще сплю по двенадцать часов в сутки», – подводил итог второму визиту в СССР С. Лем (Прашкевич, Борисов 2015, с. 175).

Лем о Ефремове и Ефремов о Леме в переписке

Воспоминания участников этих встреч могли в деталях различаться, но одно можно утверждать совершенно точно – Ивана Ефремова там не было. С Иваном Ефремовым, ведущим советским фантастом того времени, С. Лем не встретился ни в 1962 году,

ни позже. Казалось бы, факт этой не-встречи – малозначительная деталь. Тем не менее и С. Лем, и И. Ефремов отметили это обстоятельство в переписке со своими конфидентами: С. Лем – с Д. Брускиным, переводчиком, а И. Ефремов – с журналистом и литературным критиком В. Дмитриевским, автором первой биографии И. Ефремова.

Лем недоумевает, почему встреча с И. Ефремовым не состоялась (и это недоумение усилено разговорами и слухами вокруг этой несостоявшейся встречи), но предполагает, что это вызвано болезнью или депрессией: «С Ефремовым я так и не встретился. Мне многие говорили, что он хочет меня увидеть, что собирается сюда или туда – где буду я, но в результате ничего из этого не вышло. Возможно, он болен, но что ещё хуже – ко всему безразличен, а последняя его книга написана, как говорят, в довольно минорном тоне. Но, может быть, всё это только сплетни» (Мусалимов 2015, с. 13–14).

Для Ефремова же не-встреча со С. Лемом была его осознанным решением: «На свидание с Лемом решил не ходить – мне кажется, что Лем относится к нам с высокомерием, потому что ежели бы он по-серьезному хотел со мной встретиться, как писатель с писателем, то он должен был бы написать мне о своем желании, а не выражать его вообще» (Переписка... 2016, с. 471).

И. Ефремова при этом нельзя назвать недоступным – он охотно переписывался с людьми из самых разных слоев общества, от академиков до заключенных, приглашал к себе домой, мог помочь деньгами. Общаться с иностранцами он тоже не боялся: с 1936 г. (!) он переписывался с палеонтологом из Германии Ф. Хюне (Переписка... 2016, с. 21–23), а в 1960-е гг. вел активную переписку и с коллегами (Э. Олсон), и с писателями-фантастами из Великобритании и США, в частности, с Полом Андерсоном (Переписка... 2016, с. 661–662), а также А. Кларком и П. Шайлером Миллером (Переписка... 2016, с. 1501–1508).

Так что дело, вероятно, не в усталости И. Ефремова от домашних хлопот, о чем он также писал в письме к В. Дмитриевскому (Переписка... 2016, с. 470), и не только в «высокомерии» Лема, и даже не в том, что И. Ефремову, вероятно, не хотелось принимать участие в развернувшемся вокруг приезда С. Лема ажиотаже. Они могли списаться и встретиться во время последующих визитов С. Лема в СССР. Но ни Лем Ефремову, ни Ефремов Лему, насколько можно судить по сохранившейся переписке, не написали ни одного письма. При этом они следили за публикациями друг друга, может быть, не очень внимательно, но следили.

С. Лем о произведениях И. Ефремова и И. Ефремов о произведениях С. Лема

В «Космосе и палеонтологии» И. Ефремов скептически отозвался об идее «мыслящего оке-

ана» (Ефремов 1972, с. 121), а в частных письмах А. Бритикову и В. Дмитриевскому резко осудил повесть «Непобедимый», обвинив Лема не только в мрачности и недостаточном гуманизме, но и в том, что он «слизал» или «сюжетно списал» «Непобедимого» с повести Дж. Браннера «Ты хороший и верный» (Переписка... 2016, с. 694, 698). Сравнивая произведения Дж. Браннера и С. Лема, подобные подозрения трудно, если вообще возможно, счесть справедливыми. Эти слабо обоснованные обвинения еще раз подтверждают, что причины антипатии И. Ефремова к С. Лему кроются далеко не только в реальном или мнимом «высокомерии» последнего.

С. Лем также следил за публикациями И. Ефремова. Во время первого визита в СССР С. Лем отзывался о нем и его творчестве, по свидетельству в дневнике Аркадия Стругацкого, вполне комплиментарно (Стругацкий А. 2018, с. 612). Первой книгой Ефремова, которая произвела на С. Лема, по его выражению, «сильное впечатление», была повесть «Звездные корабли». Более сдержанно отзывался он о «Туманности Андромеды» (Лем 1968). Впрочем, позже С. Лем говорил (со ссылкой на своего переводчика К. Душенко), что «Туманность Андромеды» была написана под влиянием «Магелланова облака» (Лем 1996). Это нужно признать весьма маловероятным, поскольку польского языка И. Ефремов не знал, а русский перевод «Магелланова облака» вышел в 1960 г. (Лем 1960). В. Волобуев предположил, что Ефремов мог ознакомиться с пересказом романа, который еще в 1956 г. представили в редакцию фантастики издательства «Молодая гвардия» переводчицы Г. Гудимова и В. Перельман (Волобуев 2023, с. 260). Но, как достаточно точно устанавливается из переписки И. Ефремова, работа над «звездной повестью» велась им достаточно активно уже в 1955 г. (если не раньше), а название «Туманность Андромеды» появилось не позже января 1956 г. (Переписка... 2016, с. 265, 273). Поэтому даже если какое-то влияние «Магелланова облака» на «Туманность Андромеды» и имело место, оно не могло быть существенным и касалось лишь незначительных деталей.

Со временем творчество И. Ефремова стало явно вызывать у С. Лема всё большее неприятие, и антипатия писателей друг к другу стала к концу 1960-х гг., похоже, обоюдной. В январе 1964 г. Лем в письме А. Громовой характеризует «Сердце Змеи» как «фатальный кикс». Начало «Часа Быка» показалось ему «напыщенно-мелодраматичным», но при этом оскорбления в адрес И. Ефремова со стороны западногерманских левых радикалов (которые, видимо, восприняли «Час Быка» как антимаоистский памфлет) вызвали у Лема возмущение. Впрочем, и «Час Быка», и предыдущие произведения Ефремова раздражали Лема «невероятным антропоцентризмом» (Лем, Нудельман 2021, с. 76): «Случай с Ефремовым потому такой пагубный, что он, со сво-

им образованием, как профессиональный учёный, попросту не имеет права на антропоцентрическое мышление, как же, биолог-палеонтолог!» (Лем, Нудельман 2021, с. 83).

Антропоцентризм, если под ним понимать убеждение, что все разумные существа должны, в силу законов эволюции, быть человекоподобны, был действительно свойственен И. Ефремову. Но и Лем порой представлял взгляды Ефремова чересчур упрощенно и искаженно: «Я никогда не мог понять, почему выдающийся биолог Ефремов мог серьезно считать, что существа из иных миров могут быть не только похожи на людей как две капли воды, но к тому же и белой расы» (Lem 1978). Но И. Ефремов подобного никогда не утверждал. В «Туманности Андромеды» жители планеты в системе звезды Лебедя 61 – серокожие люди «с круглыми, как у совы глазами, обведенными кольцами серебристого пуха» и безгубым ртом, прикрытым «похожим на нос клапаном мягкой кожи» (Ефремов 1959, с. 56). Жители планеты у Эпсилон Тукана обладают темно-красной кожей, похожей на цвет кожи индейцев Центральной Америки, но более глубокого тона (Ефремов 1959, с. 60). В «Сердце змеи» обитатели фторной планеты телосложением и ростом сходны с землянами, но у них «чугунно-серый цвет кожи с серебристым отливом и скрытым кроваво-красным отблеском», густые иссиня-черные волосы и «невероятно большие и удлиненные, с резко косым разрезом» глаза (Ефремов 1975, с. 507). А в «Часе Быка» жители Торманса – переселенцы с Земли; впрочем, у многих из них смуглый цвет кожи и черные волосы (Ефремов 1970, с. 72).

Хотя и С. Лем, и И. Ефремов были фигурами, на которые не так-то просто было влиять, по переписке чувствуется, что свой вклад в раздор вносили и «доброжелатели» с обеих сторон, настраивавшие С. Лема против И. Ефремова, а И. Ефремова – против С. Лема (и братьев Стругацких заодно).

Усиливало отчуждение между И. Ефремовым и фантастами, входившими в круг Ариадны Громо-вой, и то обстоятельство, что И. Ефремов публиковался в журналах «Молодая гвардия» и «Техника – молодежи»; редакторы этих журналов были близки к «русской партии» – неоформленному движению русских националистов (Сергеев 2019, с. 71–72). Контакты И. Ефремова с «русской партией», а также отстаивавшийся им «сверхчеловеческий» идеал дали, по-видимому, повод эмигрировавшим из СССР литературным критикам и публицистам для обвинений И. Ефремова в нищезанятности, антисемитизме и близости к фашизму (Каганская 2011, с. 201; Спор... 1978, с. 155). Но даже критически настроенные по отношению к И. Ефремову авторы признают, что к идее превосходства какой бы то ни было нации писатель относился резко отрицательно (Шнирельман 2015, с. 274).

И. Ефремов и С. Лем: взгляды на человека, зло и космос

Но всё-таки в основе углублявшейся молчаливой пропасти взаимонепонимания двух великих писателей-фантастов – не мелкие склоки и частные расхождения, а несовпадение некоторых основных ценностей и вытекающее из этого различие мировоззрений писателей: в начале 1960-х гг. И. Ефремов, возможно, лишь предполагал это, а затем укрепился в своем убеждении.

Если попытаться кратко определить базовое отношение И. Ефремова к человеку и к человечеству, то это оптимизм в отношении человеческой сущности: «человек по своей природе не плох..., а хорош». (Ефремов 1977, с. 335). Этот оптимизм соединялся с почти руссоистским восхищением индивидом, который смог избежать или достаточно дистанцироваться от воздействия цивилизации. Это свободный и сильный человек, который любит вольную жизнь и путешествия: «Всякий человек, живущий на просторе, в среде количественно небольшой, привыкший полагаться на себя и своих товарищей, будь то геолог, охотник, лесовод, даже просто колхозник (но не замурзанного и большого колхоза в пригороде) выгодно отличается от измельчившегося, изверившегося, издерганного, забывшего о просторе и величии мира в своей тесной клетке горожанина... Чтобы оставаться настоящим человеком, надо изловчиться вести двойную жизнь, подобно хотя бы геологам...» (Переписка... 2016, с. 742). При этом представление о «наследственной испорченности» какой-то части человечества И. Ефремов категорически отвергал (Ефремов 1970, с. 250–251).

Этот антропологический оптимизм не был, однако, абсолютным: хорошего в человеке, конечно, много, считал Ефремов, но есть люди скверные, испорченные социальным окружением и жизненными обстоятельствами, причем вероятнее встретить их среди интеллигенции, чем среди городских хулиганов – таков вывод, который предлагается сделать читателю романа «Час Быка» из сравнения тормансианской интеллигенции, трусов и неврас-теников, продающих себя за «ничтожные преимущества в пище, жилье, одежде» (Ефремов 1970, с. 310) и уличной компании Гзер Бу-Яма, перед которым «трепещут» все жители города Средоточия Мудрости (Ефремов 1970, с. 399). Есть и просто социопаты, которых следует «изолировать и трансформировать» (Ефремов 1970, с. 112). Кроме того, даже в гармонично устроенном обществе неизбежны страдания и смерть – люди XXI века могут их уменьшить, но не могут их избежать. Уменьшение страданий связано с людьми особого типа – бодхисаттвами, живыми буддами, видящими свою миссию в помощи окружающим, «делая добро, создавая прекрасное, распространяя знание» (Ефремов 1970, с. 110).

Таким образом, взгляды И. Ефремова представляли собой уникальный синтез по меньшей мере двух основных традиций: во-первых, гуманистическо-рационалистическо-просветительской, исходящей из того, что «хорошего в человеке много», и что развитие природы и общества идет от низшего к высшему, от плохого к хорошему, и что человечество должно прийти (если не самоуничтожится) к созданию общества сильных, хороших и счастливых людей. И русское народничество, и анархизм, и марксизм, и теория эволюции так или иначе находятся в рамках этой традиции.

Вторая традиция, оказавшая влияние на взгляды И. Ефремова, связана с российским Серебряным веком, включая в себя и религиозно-мистический, иррациональный компонент, интуитивизм, выражавшийся в недоверии к позитивистской науке, и огромный интерес к Востоку, понимаемому как страна «тайных знаний» (Сергеев, Кузьмина 2020), а также экзотическую сексуальность, возводимую и к античным оргиастическим культам, и к тантризму (конечно, ни о какой реальной преемственности с античностью или Востоком речи не было: античность и Восток были только интеллектуальным конструктом).

С. Лем тоже относил себя к традиции Просвещения, но был антропологическим пессимистом. «Я пишу в традициях Просвещения», – писал он М. Канделю в 1972 г., – и я рационалист, только немного отчаявшийся» (Лем 2009, с. 546). Он скептически смотрел как на интеллектуальные, так и на психологические возможности человека: суперинтеллект ГОЛЕМ XIV снисходит до беседы лишь с немногими избранными людьми, а общение с порожденными Солярисом двойниками быстро вывело коллег Криса Кельвина на космической станции из равновесия. Слабаки, тряпки, сказал бы про них, возможно, И. Ефремов. Подобная реконструкция его взглядов может показаться выходящей за рамки академического исследования. Но вот что говорил И. Ефремов (в пересказе А. Стругацкого) о функциях литературы: «... Литература должна давать читателю утешение и поучение. Нужно вернуться к богатырскому эпосу» (Стругацкий А., Стругацкий Б. 2018, с. 419). Сарториус и Снаут (да и Кельвин) совсем не богатыри и вряд ли могут дать читателю «утешение и поучение», а потому у И. Ефремова подобные персонажи (как Пур Хисс в «Туманности Андромеды») служат лишь для усиления контраста с образами героев-полубогов. У Лема в противостоянии с техникой, природой или искусственным интеллектом имеет шанс выиграть обычный человек с устойчивой психикой, руководствующийся здравым смыслом – как пилот Пиркс. Но и простой человек (возможно, Пиркс, а возможно, и нет) терпит в одноименной повести фиаско, пытаясь установить контакт с теми, кто не хочет идти на контакт.

Скепсис по отношению к возможностям человека дополняется у Лема антропологическим махизмом (Язневич 2004, с. 153; Околовский 2022, с. 131): человек изначально склонен не только к добру, но и ко злу, причем, возможно, более склонен именно ко злу. «Бескорыстное зло существует, и я не согласен с Августином, что это отсутствие добра. Там есть нечто большее – намерение, активное намерение» (Лем 2006, с. 455). При этом добрые люди в силу наследственности и воспитания способны обуздать внутреннее зло, порочные же не хотят или не могут сделать этого (Околовский, 2022, с. 41).

Подобное же расхождение мировоззрений привело в конце 1960-х гг. к временному разрыву отношений Ефремова и братьев Стругацких, которые были до этого достаточно близки. В 1967 г. Ефремов высказал А. Стругацкому свое принципиальное несогласие с духом последних произведений братьев («Улитка на склоне», «Второе нашествие марсиан»), которые вызывают у него «чисто физическое отвращение». Впрочем, такую же неприязнь у Ефремова вызывали произведения Достоевского, Гоголя, Фолкнера и Хемингуэя (Стругацкий А., Стругацкий Б. 2018, с. 419). После заметного охлаждения отношения И. Ефремова и братьев Стругацких в начале 1970-х гг. восстановились, хотя прежней теплоты в них уже не было. Между тем среди советских и российских фантастов Лем наиболее высоко ценил именно Стругацких (хотя и не мог удержаться от того, чтобы не предложить собственную интерпретацию «Пикника на обочине») (Лем 2009, с. 345–369).

Антропологический пессимизм тесно связан с отказом Лема от антропоцентризма и с пессимизмом в отношении возможности контакта с внеземным разумом. В романах Лема, начиная с «Эдема» и заканчивая «Фиаско», подобный контакт заканчивается неудачей. В «Новой Космогонии» внеземные цивилизации преобразуют Вселенную – но не устанавливают контакты друг с другом, более того, трансформация Вселенной делает такие контакты невозможными (Лем 2002, с. 209).

Будучи сторонником критического рационализма и неопозитивизма (Язневич 2014, с. 159–164), Лем резко негативно относился к иррационализму (Околовский 2022, с. 40), и связанными с ним увлечениями и сенсациями, возникавшими на грани эзотерики и науки, заявляя, что «не верит ни в какие Бермудские треугольники и «летающие тарелки», в чтение мыслей, психокинез», считая всё это «полнейшим бредом» (Лем 2006, с. 285). И. Ефремов, напротив, бредом это не считал и внес немалый вклад в распространение эзотерических идей в СССР (Сергеев, Кузьмина 2020, с. 189–190). Впрочем, будучи убежден в существовании одних паранормальных явлений, таких как телепатия, ясновидение и наследственная память (при ближайшем рассмотрении оказывавшейся современной версией представ-

лений о реинкарнации), он скептически относился к другим, полагая, что НЛЮ – «вид массового самовнушения и истерии» (Переписка... 2016, с. 416).

П. Околовский определял взгляды С. Лема как неолукрецианизм (Околовский 2022, с. 48–53, 108); но неолукрецианизм в данном случае означает не разновидность гедонизма в духе школы Эпикура, к которой принадлежал исторический Лукреций. Неолукрецианизм Лема в понимании Околовского – это стохастический, индетерминистский и анти-телеологический взгляд на мир, который является комбинацией атомов, случайно возникшей, порождающей системы с эмерджентными характеристиками (Околовский 2022, с. 109) и случайно распадающейся. Подобная «философия случая» ярко проявилась в романах «Расследование» и «Насморк», где случайное сцепление предметов приводит к необъяснимым и невозможным, на первый взгляд, эффектам. Взгляд И. Ефремова на мир, напротив, в значительной мере характеризуется телеологием и детерминизмом; для объяснения причинно-следственной связи явлений он прибегает к понятию кармы. «Если брать атеиста в его прежнем, примитивном понимании, что всё есть бесорядочное корпускулярное движение со случайными последствиями, тогда ко всем чертям такой атеизм, я не атеист, ибо с таким атеизмом жить иначе, как по-скотски, нельзя... Если же признавать некую причинную связь, назовите ее кармой, мировой механикой, эволюцией, развитием процесса, с определенными законами и порядком, то такой атеизм меня устраивает...» (Переписка... 2016, с. 1136). Поэтому развитие природы и общества для И. Ефремова – направленный процесс, хотя вектор прогресса складывается из множества случайных событий, подобных броскам кости. «Пресловутый естественный отбор природы предстал как... метод добиваться улучшения вслепую, как в игре, бросая кости несчетное число раз» (Ефремов 1970, с. 105). Парадоксально, что начав с диаметрально противоположных предпосылок, Лем и Ефремов смягчают их: первый признает фатум как законы природы (Околовский 2022, с. 170), второй же рассматривает закономерность как интегральную сумму случайностей.

Справедливости ради следует отметить и некоторые совпадения во взглядах И. Ефремова и С. Лема: оба они были встревожены перспективой демографической катастрофы в XXI веке (Сергеев 2019, с. 41; Язневич 2014, с. 109), выступали за эвтаназию при условии строгого медицинского контроля (Лем 2015, с. 401; Ефремов 1959, с. 251), за ограничение рождаемости (Ефремов 1970, с. 209; Лем 2006, с. 631–638). Оба они отрицательно относились к фрейдизму (при этом И. Ефремов, критикуя фрейдизм, с симпатией высказывался о концепции «коллективного бессознательного» К.-Г. Юнга, сближая ее с представлениями о наследственной памяти) (Лем 2004, с. 370, 575; Ефремов 1970,

с. 251; Ефремов 1988, с. 512–513). Даже по вопросу зла в человеке позиции С. Лема и И. Ефремова не столь несовместимы, как это может показаться – по сути, весь роман «Час Быка» посвящен проблеме зла, и не случайно в нем упоминается и манихейство, и предлагается метафора «стрелы Аримана» – целенаправленности зла, в первую очередь поражающего самое лучшее, красивое и доброе (Ефремов 2008, с. 208). В свою очередь, отношение Лема к паранормальным явлениям характеризуется скорее скептицизмом, нежели полным отрицанием (Лем 2009, с. 458–461).

Выводы

Иван Ефремов и Станислав Лем никогда не встречались и не переписывались друг с другом, хотя переписка и интервью свидетельствуют о том, что они интересовались работами друг друга, и общих знакомых у них было немало. Случайные обстоятельства и нежелание участвовать в ажиотаже вокруг приезда Лема могут лишь частично объяснить отказ Ефремова от встреч. По-видимому, глубинной причиной несостоявшейся встречи было несовпадение мировоззренческих взглядов по основным проблемам, которые и Ефремов, и Лем рассматривали в своем творчестве: сущность человека, его предрасположенность к добру или ко злу и место человека в космосе. Если И. Ефремов был антропологическим оптимистом, полагавшим, что человек в своей основе добр, то С. Лем, напротив, был антропологическим пессимистом, полагавшим, что склонность ко злу заложена в человеческой природе, и она лишь отчасти может сдерживаться наследственностью и воспитанием. Диаметрально отличаются взгляды И. Ефремова и С. Лема на перспективы установления контакта со внесеземным разумом. Но мировоззренческий разрыв между И. Ефремовым и С. Лемом не был пропастью. При наличии доброй воли и несколько иного стечения обстоятельств они могли встретиться и вести диалог. Но нужно ли им было это? Каждый остался бы при своем мнении – хотя некоторые недоразумения могли рассеяться. Но и Лему, и Ефремову были нужны внимающие слушатели (и читатели), а не возражающие собеседники.

Источники фактического материала

Lem, S. (1978), Nie wierzę w UFO! Rozmowa ze Stanisławem Lemem. Rozmawiali Zofia i Jerzy Kluzowie, *Ita* [Warszawa], no. 33, pp. 20–21, Poland.

Ефремов И.А. Туманность Андромеды. Москва: Молодая гвардия, 1959. 368 с.

Ефремов И.А. Час Быка. Москва: Молодая гвардия, 1970. 448 с.

Ефремов И.А. Космос и палеонтология // Сборник научной фантастики. Вып. 12. Москва: Знание, 1972. С. 111–125.

Ефремов И.А. Сердце змеи // Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. Москва: Молодая гвардия, 1975. С. 460–521.

Ефремов И.А. Хорошего в человеке много // Фантастика-77. Москва: Молодая гвардия, 1977. С. 334–337.

Ефремов И.А. Лезвие бритвы // Собр. соч. в 5 т. Т. 4. Москва: Молодая гвардия, 1988. 670 с.

Лем С. Магелланово облако. Москва: Детгиз, 1960. 384 с.

Лем С. Роботы будут петь // Комсомольская правда. 1968. 17 февраля. С. 4.

Лем С. Воспоминания // Книга друзей / Сост. В. Борисов. Москва: Правда, 1975. С. 249–255.

Лем С. Солярис // Собр. соч.: в 10 т. Т.2. Москва: Текст, 1992. С. 5–182.

Лем С. «... Но кое-что все-таки сбывается» // Московская правда. 1996. № 168. 14 сентября. С. 4.

Лем С. Библиотека XXI века. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2002. 602 с.

Лем С. Фантастика и футурология. В 2 кн. Кн. 2. Москва: ООО «Издательство АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2004. 667 с.

Лем С. Книга жалоб и предложений // Так говорит... ЛЕМ. Москва: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 267–306.

Лем С. Мой взгляд на литературу. Москва: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 857 с.

Лем С. Черное и белое. Москва: АСТ, 2015. 640 с.

Лем С., Нудельман Р. Лабиринты и маски: письма и статьи // Сост. В. Язневич. Иерусалим: Млечный путь, 2021. 356 с.

Мусалимов В.М. Станислав Лем в письмах переводчику. Санкт-Петербург: Art-Xpress, 2015. 54 с.

Переписка Ивана Антоновича Ефремова / Авт.-сост. О. Еремина. Москва: Вече, 2016. 1536 с.

Стругацкий А. Дневник, 1961–1965 // А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Полное собрание сочинений: В 33 т. Т.6: 1962. Санкт-Петербург: Сидорович, 2018. С. 601–613.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Переписка, 1967 / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Полное собрание сочинений: В 33 т. Т.12: 1967. Часть II. Санкт-Петербург: Сидорович, 2018. С. 395–442.

Стругацкий Б. Офф-лайн интервью [Ответ на вопрос В. Язневича 19.10.2004]. URL: <https://www.rusf.ru/abs/int0073.htm> (дата обращения 31.07.2024).

Библиографический список

Волобуев В. Станислав Лем – свидетель катастрофы. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 728 с.

Каганская М. Миф XXI века, или Россия во мгле // Собр. соч.: в 2 т. Т.1. Шутовской хорювод. Избранное 1977–2011. Б.м.: Salamandra P. V. V., 2011. С. 200–231.

Околовский П. Станислав Лем и разум. Философские этюды / Пер. с польск. и сост. В. Язневича. Минск: Галияфы, 2022. 224 с.

Орлинский В. Лем. Жизнь на другой Земле. Москва: Эксмо, 2019. 480 с.

Прашкевич Г., Борисов В. Станислав Лем. Москва: Молодая гвардия, 2015. 359 с.

Сергеев С.А. Иван Ефремов в контексте духовных конфликтов XX века. Казань: Изд-во КНИТУ, 2019. 128 с.

Сергеев С.А., Кузьмина С.В. «Мы – земля»: проект тотальной конвергенции человечества и «настоящая наука» Ивана Ефремова // *Ab Imperio*. 2020. № 2. С. 171–202. DOI: 10.1353/imp.2020.0036.

Спор об Иване Ефремов. Круглый стол редакции // *Время и мы*. 1978. № 33. С. 150–166.

Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире: в 2 т. Т.1. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. 536 с.

Язневич В.И. Станислав Лем. Минск: Книжный дом, 2014. 448 с.

References

Kaganskaya, M. (2011), *Myth of the XXI century, or Russia in the twilight, Collected Works: in 2 vol. Vol.1. Antic Hay. Selected 1977-2011*, pp. 200–231, Salamandra P. V. V., S.I.

Okolovsky, P. (2022), *Stanislaw Lem and Reason. Philosophical Etudes*, transl. and comp. V. Yaznevich, Galiyafy Publ., Minsk, Belarus.

Orlinsky, V. (2019), *Lem. Life on another Earth*, Eksmo Publ., Moscow, Russia.

Prashkevich, G. and Borisov, V. (2015), *Stanislaw Lem, Molodaya Guardiia*, Moscow, Russia.

Sergeev, S.A. (2019), *Ivan Efremov in the context of spiritual conflicts of the twentieth century*, Kazan National Research Technological University Publ., Kazan, Russia.

Sergeev, S.A. and Kuzmina, S.V. (2020), "We are the earth": the project of total convergence of humanity and "real science" of Ivan Efremov, *Ab Imperio*, no. 2, pp. 171–202, DOI: 10.1353/imp.2020.0036.

The dispute about Ivan Efremov. Round table of editorial board (1978), *Vremya I My = Time and We*, no. 33, pp. 150–166.

Shnirelman, V.A. (2015), *Aryan myth in the modern world: in 2 vol., vol. 1*, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., Moscow, Russia.

Volobuev, V. (2023), *Stanislaw Lem – witness to the catastrophe*, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., Moscow, Russia.

Yaznevich, V.I. (2014), *Stanislaw Lem*, Knizhny Dom, Minsk, Belarus.

Submitted: 26.09.2024

Revised: 20.11.2024

Accepted: 17.12.2024

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ
УДК 821.161.1+130.2:8

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-4-115-119

Дата поступления: 24.09.2024
принятия: 11.12.2024

М.А. Перепелкин
Самарский национальный исследовательский
Университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: mperepelkin@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

**Толстого время.
Рецензия на выпуск 4-й научного сборника
«Алексей Толстой: диалоги со временем» (М.: ИМЛИ РАН, 2024)
и том 1-й Полного собрания сочинений А.Н. Толстого
(М.: ИМЛИ РАН, 2024)**

Аннотация: статья представляет собой рецензию на издания: Алексей Толстой: диалоги со временем. Выпуск 4 / отв. ред. Г.Н. Воронцова; сост. А.С. Акимова (М.: ИМЛИ РАН, 2024) и Толстой А.Н. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: в 13 т. (М.: ИМЛИ РАН, 2024). Настоящие издания, с одной стороны, подводят итоги большой исследовательской работы прошедших десятилетий, а с другой – ставят задачи и намечают перспективы для будущих исследований. В первом из сборников представляются наиболее принципиальными исследования А.М. Грачевой, которая поставила вопрос о своеобразии авторской позиции в русском реалистическом романе 1910-х гг. и О.В. Быстровой, проанализировавшей особенности организации художественного пространства в романе «Аэлита». Представляются также любопытными научные изыскания И.Н. Толстого и Е.Д. Толстой, а также – раздел сборника, посвященный роману «Петр Первый». Отдельно в рецензии анализируется «самарская линия» сборника, часто выступающая в нем в качестве «кодовой». Большое значение для толстовской науки имеет и выход первого тома Полного собрания сочинений писателя, представляющего Толстого в более широком биографическом, социокультурном, историческом и литературном контекстах, что отвечает требованиям дня сегодняшнего.

Ключевые слова: А.Н. Толстой; биография; поэтика; современники; «Петр Первый»; Самара; раннее творчество.

Цитирование: Перепелкин М.А. Толстого время. Рецензия на выпуск 4-й научного сборника «Алексей Толстой: диалоги со временем» (М.: ИМЛИ РАН, 2024) и том 1-й Полного собрания сочинений А.Н. Толстого (М.: ИМЛИ РАН, 2024) // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 115–119. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-115-119>.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00699 (<https://rscf.ru/project/24-28-00699>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского).

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Перепелкин М.А., 2024

Михаил Анатольевич Перепелкин – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC REVIEW

M.A. Perepelkin
Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: mperepelkin@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

REVIEWS

**Tolstoy's time.
Review of the issue of the 4th scientific collection
"Alexey Tolstoy: dialogues with time" (Moscow: IMLI RAS, 2024) and volume
1 of the Complete Works of A.N. Tolstoy (Moscow: IMLI RAS, 2024)**

Abstract: the article is a review of the publications: Alexey Tolstoy: dialogues with time. Issue 4 / ed. by G.N. Vorontsova; comp. by A.S. Akimova (Moscow: IMLI RAS, 2024) and Tolstoy A.N. Complete works.

Works of art: in 13 volumes (Moscow: IMLI RAS, 2024). These publications, on the one hand, summarize the results of the extensive research work of the past decades, and on the other hand, set tasks and outline prospects for future research. In the first of the collections, the most fundamental studies are presented by A.M. Gracheva, who raised the question of the originality of the author's position in the Russian realistic novel of the 1910s and O.V. Bystrova, who analyzed the peculiarities of the organization of artistic space in the novel "Aelita". The scientific research of I.N. Tolstoy and E.D. Tolstoy, as well as the section of the collection devoted to the novel "Peter the Great", are also interesting. Separately, the review analyzes the "Samara line" of the collection, which often acts as a "code" in it. Of great importance for Tolstoy's science is the publication of the first volume of the Complete Works of the writer, representing Tolstoy in a broader biographical, socio-cultural, historical and literary contexts, which meets the requirements of today.

Key words: A.N. Tolstoy; biography; poetics; contemporaries; "Peter the Great"; Samara; early work.

Citation: Perepelkin, M.A. (2024), Tolstoy's time. Review of the issue of the 4th scientific collection "Alexey Tolstoy: dialogues with time" (Moscow: IMLI RAS, 2024) and volume 1 of the Complete Works of A.N. Tolstoy (Moscow: IMLI RAS, 2024), *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 115–119, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-115-119>.

Acknowledgements: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project no. 24-28-00699 (<https://rscf.ru/project/24-28-00699>).

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Perepelkin M.A., 2024

Mikhail A. Perepelkin – doctor of philology, professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University named after academician S.P. Korolyov, 34, Moskovskoe shosse (str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Минувший год был не только годом 140-летия писателя А.Н. Толстого, но и годом столетия возвращения писателя из эмиграции, завершившего одну эпоху толстовского творчества и обозначившего начало другой, большой и насыщенной эпохи, продолжающейся до сегодняшнего дня. Несколько прижизненных и посмертных собраний сочинений, отдельные издания, многочисленные статьи и монографии о его творчестве, экранизации произведений и беллетристические издания биографического характера – казалось бы, в толстовском творчестве к сегодняшнему дню изучено так много, что современному исследователю будет трудно произнести свое собственное слово, не повторив ранее сказанного. Однако, как показывает день сегодняшний, это совсем не так, и выпущенные в 2024 году в ИМЛИ РАН издания – лучшее тому доказательство. Речь идет, во-первых, о четвертом выпуске коллективного труда «Алексей Толстой: диалоги со временем» (отв. ред. Г.Н. Воронцова, сост. А.С. Акимова) и, во-вторых, о томе первом «Полного собрания сочинений А.Н. Толстого. Художественные произведения: в 13 томах» (отв. ред. тома Г.Н. Воронцова), вне всякого сомнения, открывающих новое измерение и вместе с ним – новое время писателя А.Н. Толстого, который еще только устремляется навстречу своему читателю.

Основная часть

И прежде всего – о коллективном труде «Алексей Толстой: диалоги со временем», который в значительной своей части стал результатом со-

стоявшейся еще в 2020 году IV Международной научной конференции «Алексей Толстой: личность в контексте эпохи», организованной Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН и Государственным музеем истории российской литературы им. В.И. Даля. Конференция эта была в своем роде единственной в целом ряду толстовских научных событий последних лет, так как проходила она в «пандемийный» год удаленно, в онлайн-формате, что, впрочем, не только не сказалось негативно на выпущенном по ее следам сборнике, но и привлекло к конференции широкое исследовательское внимание, а в коллективный труд – новых авторов.

В сборнике несколько разделов, посвященных соответственно общим вопросам творчества, документальным источникам и вопросам поэтики романа «Петр Первый», контексту толстовского творчества и взаимодействию А.Н. Толстого с современниками, а также – публикациям и сообщениям. Остановимся на некоторых, представляющих нам особенно принципиальными, статьях исследователей, поднимающих такие проблемы толстовского творчества, которые ранее еще не анализировались специалистами, либо – делающих это по-новому, что заставляет присмотреться к ним с особым вниманием.

Так, А.М. Грачева поставила вопрос о своеобразии авторской позиции в русском реалистическом романе 1910-х гг., сосредоточившись при этом на двух толстовских романах – «Две жизни» и «Хромой барин», в первом из которых, следуя, в частности, за Тургеневым, Толстой «намеренно иронически сопоставляет идеальную героиню

персонажей Тургенева с ее измывавшим вариантом» (Алексей Толстой: диалоги 2024, с. 23), а во втором – обращается к традициям Достоевского, которого он в значительной мере переосмысливает – «при ориентации речей героев на стиль манеры Достоевского, движущими силами их поступков являются не сталкивающиеся идеи, как у Достоевского, а закономерности и случайности жизненных обстоятельств» (Алексей Толстой: диалоги 2024, с. 26). Интересен и вывод, который сделан исследовательницей, заметившей, что «в романах А.Н. Толстого автор всегда возвышается над своими героями», а «волнующие их частные проблемы подчинены более общим, тревожащим автора» (Алексей Толстой: диалоги 2024, с. 29).

Очень любопытными и перспективными представляются нам и наблюдения О.В. Быстровой, проанализировавшей особенности организации художественного пространства в романе «Аэлита». Любопытен и важен, с нашей точки зрения, уже исходный тезис исследовательницы, констатирующей, что «влияние на разработку темы строительства космического корабля, полета во внеземную цивилизацию и изображение межпланетных пространств в романе “Аэлита”» оказало инженерное образование А.Н. Толстого, обстоятельство, учитывающееся биографами, но нередко игнорирующееся исследователями. Между тем, это обстоятельство играет едва ли не ключевую роль именно в поэтике романа, автор которого совсем не забыл о знаниях и навыках, полученных им в Реальном училище и в Технологическом институте, а часто и по делу опирается на эти знания и навыки, например, «намеренно предлагая читателю загадки пространственной формы» (Алексей Толстой: диалоги 2024, с. 93). На наш взгляд, наблюдения и выводы О.В. Быстровой ставят перед исследователем Толстого задачу последовательного и умелого совмещения знания биографии писателя и внимания к его художественным открытиям, – в случае Толстого являющегося залогом продуктивного исследовательского прочтения, с одной стороны, хорошо известных, но, с другой, тающих в себе много неожиданных открытий страниц толстовского творчества.

Как всегда новы и интересны научные изыскания внуков главного героя коллективного исследования – И.Н. Толстого и Е.Д. Толстой, традиционно принимающих участие практически во всех крупных толстовских научных событиях и выступающих с публикациями в научных сборниках. На этот раз И.Н. Толстой обратился к одному из неосуществленных проектов А.Н. Толстого и П.Е. Щеголева – выпуску художественного фильма «Заговор Распутина» по их же пьесе «Заговор императрицы», а Е.Д. Толстая проанализировала один из связанных с Алексеем Толстым эпизодов жизни литературного Петербурга конца 1900-х

гг., когда молодой еще Толстой был представлен Вяч.И. Иванову. Глубоко владея материалом и ориентируясь в биографических и художественных контекстах, оба исследователя задают и поддерживают высокую планку толстовской науки, заставляя тех, кто присоединяется к ней сегодня, соответствовать глубине и тщательности исследовательских подходов, продемонстрированных в упомянутых публикациях.

Впечатляюще выглядит раздел сборника, посвященный роману «Петр Первый», одному из главных произведений не только А.Н. Толстого, но и всей русской литературы 1920–1940-х гг. Недавно отпразднованный 350-летний юбилей Петра Первого, на наш взгляд, подтвердил это со всей очевидностью: долго присматривавшаяся и подступавшая к образу Петра русская литература только в лице А.Н. Толстого сумела дать живой и отчетливый портрет Петра – человека и Петра – государственного деятеля, реформатора. Именно по этой причине публикации В.В. Аристовой, А.С. Акимовой, Е.А. Беликовой и другие, посвященные петровской теме у А.Н. Толстого, обречены на то, чтобы стать репликами в большом диалоге с читателями и исследователями этого романа писателя, ни обойти, ни проигнорировать который не могли его современники и еще долго не смогут потомки, вынужденные согласиться с тем, что именно А.Н. Толстой взял на себя труд по решению одной из краеугольных задач и загадок русской истории, имя которой – Петровская эпоха.

Отдельно скажем о «самарской линии», не просто присутствующей в сборнике, но и часто выступающей в качестве «кодовой». Как известно, А.Н. Толстой не только родился и вырос в Самарском крае, но и возвращался в Самару и на самарскую землю лично и в творчестве вплоть до самых последних лет и дней своей жизни. В том числе и этим объясняется присутствие исследователей из Самары среди авторов не только этого, но и предыдущих выпусков и самарские темы и отсылки в статьях не только самарских, но и многих других исследователей. Так, исследователь из Курска И.П. Михайлова традиционно интересно и полно, со многими неожиданными поворотами представила анализ образа Алексея Толстого в воспоминаниях Маргариты Бородаевской, познакомившейся с начинающим писателем именно в Самаре и даже в течение некоторого времени вместе с мужем снимавшей у отца А.Н. Толстого именно ту квартиру, где ранее жил он сам с родителями. А вот москвичка Г.Н. Воронцова (и она же – ответственный редактор сборника) коснулась самарской темы, изучая биографию Т.С. Сикорской, общение писателя с которой стало, по ее мнению, «отправной точкой» в творческой истории повести «Гадюка». Упомянем в этой связи и

нашу статью «Кто и что стоит за “родительским сердцем” Папы Карло и советами Говорящего Сверчка? (А.А. Бостром и А.К. Гольдебаев)», посвященную едва ли не самому популярному толстовскому произведению – сказке «Золотой ключик, или Приключения Буратино», в которой также обнаруживаются самарские следы – хоть и не столь очевидные, но весьма значимые.

Разговор о Самаре и самарских следах и контекстах естественным образом заставляет обратиться далее к первому тому «Полного собрания сочинений А.Н. Толстого», открывающему не только новое многотомное издание художественных произведений писателя, но и издание его писем, записных книжек, дневников и т. д. Таким образом, выход этого тома нужно расценивать как по-настоящему большое и важное событие не только в толстовской науке, но и в целом – в изучении литературы XX столетия, – литературы, продолжающей идти навстречу своему читателю, хоть иногда эта встреча и откладывается на многие десятилетия.

Последнее на сегодняшний день 10-томное собрание сочинений писателя увидело свет в 1980-х гг., когда праздновалось столетие А.Н. Толстого. Сегодня понятно, что это была совсем другая страна, с другими политическими и идеологическими ориентирами и ценностями, другим представлением о человеке и мире. Изменилось время – потребовалась и переоценка многого из того, что оно в себя вмещает, – и это стало одной из причин выхода нового собрания сочинений одного из самых непростых, откликнувшихся на многие вызовы своего времени художника, каким был и остается А.Н. Толстой. Впрочем, были у составителей всего будущего собрания сочинений и у его первого вышедшего тома и другие причины, глубоко научные, о которых подробно и со всей тщательностью говорится во вступительной статье к настоящему изданию. В частности, составители подчеркивают, что цель нового Полного собрания сочинений была продиктована «очевидной необходимостью изучения творчества Толстого в более широком биографическом, социокультурном, историческом и литературном контекстах» и «по возможности полно и объективно воссоздать творческий путь писателя во всей его сложности и противоречивости» (Толстой А.Н. Полное собрание 2024, с. 7). Если судить по первому тому, составителям и авторам комментариев настоящего издания удалось найти верную интонацию, отвечающую требованиям сегодняшней науки о писателе, – это интонация максимально объективного, скрупулезного и уважительного как по отношению к художнику, так и по отношению к самому разному его читателю, который вправе иметь различные точки зрения и занимать те или иные политические и иные позиции, но при этом

обязан считаться с главной реальностью творческого порядка – реальностью художественного текста. Комментарии к произведениям Толстого содержат много новых любопытных фактов и наблюдений, в них впервые для собраний сочинений писателя приводится и анализируется прижизненная критика сочинений писателя, а также в полной мере используются данные трудов по изучению жизни и творчества А.Н. Толстого, вышедших в последние десятилетия, и, в частности, выпусков научной серии «Алексей Толстой: диалоги со временем».

Как уже было сказано, особое место в вышедшем первом томе Полного собрания сочинений по понятным причинам принадлежит самарским страницам: в том вошли ранние рассказы и наброски, написанные под впечатлением слышанных писателем на родине, в Самаре и в Самарском крае, историй, среди их действующих лиц – родственники писателя, жившие на самарской земле, и даже первые несколько снимков, опубликованных в книге, – самарские, что заставляет нас еще и еще раз задуматься об особом «самарском коде» толстовского творчества в том числе, к разгадке которого современного читателя приближают два названных издания.

Заключение

Подводя итоги сказанному, мы могли бы констатировать, что вышедшие в 2024 году в ИМЛИ толстовские издания являются своеобразной чертой, водоразделом между прошлым и будущим толстовской науки: долго и напряженно искавшая свой облик и новые ориентиры после начала 1990-х, эта наука, наконец, обретает сегодня твердую почву, ранее заложенную отдельными исследователями (назовем здесь прежде всего Е.Д. Толстую (Толстая 2006, 2013), Г.Н. Воронцову (Воронцова 2014), С.А. Голубкова (Голубков 1993) и некоторых других) и тремя предыдущими выпусками научного сборника «Алексей Толстой: диалоги со временем», ориентиры и ясно осознанные задачи завтрашнего дня, который – и сегодня это уже несомненно – будет и временем Толстого, временем его настоящего прочтения и той высокой оценки будущего, которой он заслуживает.

Источники фактического материала

Алексей Толстой: диалоги со временем. Выпуск 4 / отв. ред. Г.Н. Воронцова; сост. А.С. Акимов. Москва: ИМЛИ РАН, 2024. 584 с.

Толстой А.Н. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: в 13 т. Москва: ИМЛИ РАН, 2024. Т. 1: 1900–1910. Повести и рассказы. Роман «Чудаки» / отв. ред. тома Г.Н. Воронцова. 872 с.

Библиографический список

Воронцова Г.Н. Роман А.Н. Толстого «Хождение по мукам» (1919–1921). Творческая история и проблемы текстологии. Москва: ИМЛИ РАН, 2014. 344 с.

Голубков С.А. Гармония смеха: комическое в прозе А.Н. Толстого: Очерки. Самара: Самарское книжное издательство, 1993. 184 с.

Толстая Е.Д. Деготь или мед. Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель: 1917–1923. Москва: РГГУ, 2006. 698 с.

Толстая Е.Д. Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. Москва: Новое литературное обозрение, 2013. 544 с.

References

Vorontsova, G.N. (2014), *Roman A.N. Tolstoy's "Walking Through Torment" (1919–1921). Creative history and problems of textual criticism*, IMLI RAS, Moscow, Russia.

Golubkov, S.A. (1993), *Harmony of laughter: comic in prose by A.N. Tolstoy: Essays*, Samara Book Publishing House, Samara, Russia.

Tolstaya, E.D. (2006), *Tar or honey. Alexei N. Tolstoy as an unknown writer: 1917-1923*, RSUH, Moscow, Russia.

Tolstaya, E.D. (2013), *Keys of happiness: Alexey Tolstoy and literary Petersburg*, New Literary Review, Moscow, Russia.

Submitted: 24.09.2024

Accepted: 11.12.2024

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ
УДК 62:1+316.74

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-4-120-123

Дата поступления: 15.10.2024

принятия: 09.12.2024

Л.Е. Яковлева

Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн.
Искусство),

г. Москва, Российская федерация

E-mail: nukul@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6538-9729>

**О социально-философских проблемах техники.
Рецензия на монографию-эссе Н.М. Твердынина
«Человек в техном мире: книга и реальность»**

Аннотация: в вводной части рецензии дается характеристика нового жанра исследования проблем философии техники. Основная часть рецензии посвящена рассмотрению структуры работы, которая включает в себя анализ возникающих в истории человеческого общества технических устройств и оценку их применения через призму литературы; отрывки повести «После подвига» о ликвидаторах аварии на Чернобыльской АЭС; исследование дилеммы технократизма и технофобии. Важным является рассмотрение трех уровней технического творчества: рационализаторство, изобретение, научно-техническое творчество. Предложены меры социальной поддержки возрождения изобретательской и научно-технической деятельности.

Ключевые слова: техника; творчество; технократия; технофобия; высшее образование; авария на Чернобыльской АЭС; подготовка инженеров.

Цитирование: Яковлева Л.Е. О социально-философских проблемах техники. Рецензия на монографию-эссе Н.М. Твердынина «Человек в техном мире: книга и реальность» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 120–123. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-120-123>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Яковлева Л.Е., 2024

Любовь Евгеньевна Яковлева – доктор философских наук, профессор, кафедра истории и философии, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, 115035, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1.

SCIENTIFIC REVIEW

L.E. Yakovleva

Russian State University named after
A.N. Kosygin (Technology. Design. Art),
Moscow, Russian Federation

E-mail: nukul@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6538-9729>

**On social and philosophical problems of technology.
Review of the monograph-essay by N.M. Tverdynin
"Man in the technoworld: book and reality"**

Abstract: the introductory part of the review provides a description of a new genre of research into the problems of the philosophy of technology. The main part of the review is devoted to examining the structure of the work, which includes an analysis of technical devices emerging in the history of human society and an assessment of their application through the prism of literature; excerpts from the story "After the Feat" about the liquidators of the Chernobyl accident; a study of the dilemma of technocracy and technophobia. It is important to consider three levels of technical creativity: rationalization, invention, scientific and technical creativity. Measures of social support for the revival of inventive and scientific and technical activities are proposed.

Key words: technology; creativity; technocracy; technophobia; higher education; Chernobyl accident; training of engineers.

Citation: Yakovleva, L.E. (2024), On social and philosophical problems of technology. Review of the monograph-essay by N.M. Tverdynin "Man in the technoworld: book and reality", *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 120–123, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-120-123>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Yakovleva L.E., 2024

Lyubov E. Yakovleva – doctor of philosophy, professor, Department of History and Philosophy, A.N. Kosygin State University of Russia, 33, building 1, Sadovnicheskaya St., Moscow, 115035, Russian Federation.

Введение

Работа Н.М. Твердынина представляет собой новый жанр исследования социально-философских проблем техники через призму литературы, что позволяет осмыслить отношение к новым техническим устройствам в контексте культуры разных стран в различные исторические периоды.

Рецензируемый сборник избранных работ автора отражает его научные и творческие интересы и содержит три части, в которых под разными углами рассматриваются реалии того технологизированного социума, в котором мы существуем. Каждая из частей сборника: литературно-историческая (можно назвать её литературно-технической), литературно-художественная и философско-педагогическая, – является самостоятельной работой, но одновременно они образуют единое целое, отражающее авторское понимание проблем, лежащих в основе многофакторного и многофункционального взаимодействия техники и общества. Именно поэтому выбор автором названия «Человек в техномире: Книга и Реальность» далеко не случаен и вполне обоснован.

Основная часть

Первая часть сборника – монография-эссе «Техника в литературе разных стран и эпох» обладает логичной структурой, которая включает в себя анализ различных средств передвижения от колеса до поездов, кораблей и самолетов с точки зрения экономических, социальных и психологических последствий их внедрения. Особое внимание уделено отражению в литературе технологий оружия индустриального периода. Актуальность проведенного исследования связана с тем, что при достаточно большом количестве работ по философии науки в отечественной литературе, философского осмысления проблем техники и технологий явно недостаточно.

Автор показывает, что художественная литература разных стран, с одной стороны, описывала отношение человека к уже существующим техническим устройствам, а с другой стороны, предвосхищала появление новых технических устройств, отмечая, что «любое техническое новшество все равно будет отставать от того, что нам хотелось» (Твердынин 2024, с. 82).

Возрастание уровня сложности технических устройств требует повышения общеобразовательного уровня, технической грамотности, хотя и они не являются полной гарантией от возникновения ошибок при использовании новых техни-

ческих устройств. В то же время автор указывает, что техническая неграмотность порождает веру во всемогущество техники в сочетании с полным пренебрежением к любым правилам и инструкциям. Рассмотрение этого вопроса является актуальным и для современного развития.

Такие интеллектуальные умения, как *умение думать, проектировать, прогнозировать, рассуждать, решать*, имеют не только интеллектуально-мыслительную сторону, но и материально-практическую, которая реализуется в системе вещественно-опосредованного труда, предметно-материального по своему содержанию. «Практическое умение» – это знание дела, и в этом смысле данный тип знания существенно отличен от теоретического знания как объективного отражения действительности, поскольку *практическое умение* в сознании – *имманентно-личностно по своей форме и соотносится не с сущностью объекта, а со своей целью как собственным идеальным содержанием*. Важность последнего момента обусловлена тем фактом, что конечный результат любого материального и духовного производства зависит не только от внешних его сторон, но и от субъективных факторов трудовой деятельности, а именно: от того – *кто, какой работник и как будет трудиться* (Яковлева 2014, с. 114–115).

Проецируя этот вывод на современные реалии, Н.М. Твердынин говорит об опасности доминирования информационно-коммуникативных (цифровых) технологий в подготовке инженеров, так как они зачастую создают иллюзию участия в создании того или иного объекта без его реального воплощения в качестве конкретного артефакта. Иллюзия свободы творчества в рамках интернет-реальности возникает потому, что пользователь не имеет отношения к составлению блоков информации и часто не способен различить свободу жизнедеятельности от свободы интернет-пользования.

Второй раздел монографии заслуживает особого внимания, так как содержит в себе отрывки из повести «После подвига» о ликвидаторах аварии на Чернобыльской АЭС. В этой работе Н.М. Твердынин описывает на основе личного опыта участия в ликвидации последствий этой масштабной аварии реальные события с точки зрения как организации работы ликвидаторов, так и психологических характеристик, мотивации участников этого процесса. Достоинством этой повести является взвешенная оценка реального состояния науки и техники позднего советского периода и самой атмосферы советского общества, которая позволяет

автору избежать двух крайностей: полностью негативной оценки этого состояния и приукрашенной, идеализированной картины советского общества и советского человека. Данная повесть может служить реальным противовесом на шумевшему американскому сериалу «Чернобыль», в котором на высоком художественном уровне пропагандируется идея непрофессионализма работников станции и ликвидаторов, отрицательное отношение к советской и, соответственно, к российской науке и технике как неработоспособной и некачественной. Объективные реалии развития атомной энергетики в нашей стране свидетельствуют о необоснованности таких суждений, но требуют серьезной многоплановой работы со школьниками и студентами, которая бы повышала уровень образования в области естествознания и технических наук, помогала бы студентам в ситуации информационного шума вычленять объективную информацию о том или ином техническом устройстве, выявляя все плюсы и минусы этого вида энергетики. И повесть Н.М. Твердынина помогает через призму освещения реальных событий ликвидации последствий этой техногенной аварии увидеть всю сложную картину советского общества современному поколению студентов. Стиль этой работы приближен к стилю документальной, я бы сказала, социально-психологической повести, но следить за мыслями, поступками, мотивацией ликвидаторов необычайно интересно.

В третьем разделе монографии обсуждается дилемма технократизма и технофобии как двух противоположных установок по отношению к научно-техническому прогрессу. Автор показывает, что современное понимание этих терминов не отражает всего богатства смыслов, которые они стали включать в себя в процессе развития техногенной цивилизации. Свою точку зрения по этому вопросу ученый подтверждает примерами исторического изменения отношения к технике и технологиям в социально-психологическом плане. Технократ, живший в Средние века, любил алхимию, XVII-XVIII века привнесли любовь к механике, технократ же XXI века отдает предпочтение информационным технологиям и математическому моделированию. Именно эти направления рассматривались как способные решить большинство проблем, стоящих перед человечеством. Вторым важным фактором, влияющим на выбор позиции технократа или технофоба, является восприятие результатов научно-технического прогресса обществом. Кроме того, в качестве третьего фактора выступает образование и сфера деятельности человека, а также происходящие техногенные катастрофы, которые превращают человека либо в технократа, либо в технофоба. Но влияние этих факторов, как показано в исследовании, не является абсолютным, в процессе своей жизни один и

тот же человек может попеременно занимать и ту, и другую позицию.

Интересно различие между мнимыми и истинными технократами и технофобами, которое предлагается в работе. Это различие показано на примерах из отечественной истории – деятельность Петра Великого, лидеров СССР. Так, Н.С. Хрущев рассматривается как «мнимый» или формальный технократ, так как он, узнав о новых технологиях, либо абсолютизировал их возможности, либо отвергал без всякого анализа плюсов и минусов применения этих технологий.

Проблема творчества в условиях возникновения новых информационных технологий является актуальной проблемой сегодняшнего дня. Современное общество находится в процессе коренных общественных трансформаций. В экономике они связаны с необходимостью перехода к «новому индустриальному обществу» (Дж. Гэлбрейт, С. Бодрунов), в образовании – с созданием университетов третьего поколения (Й. Виссема), которые будут интегрировать научное знание в системы искусственного интеллекта и создавать университетские программы развития предпринимательства.

Общей чертой, выражающей веление времени, является формирование творческого характера человеческой деятельности. Творчество, наряду с личной и коллективной инициативой, становится базовым принципом системы образования.

В этом контексте представляется обоснованным и интересным анализ в монографии Н.М. Твердынина основных уровней технического творчества, таких как *рационализаторство*, *изобретательство* и высшая степень творчества – *научно-техническая деятельность* (Твердынин 2024, с. 277). Автор различает данные уровни на основе критерия научности используемого знания. Если на уровне рационализаторства техническое творчество соприкасается с обыденным знанием и не является научным, то изобретательство и научно-техническое творчество связано с базовыми положениями естественных наук и теоретическими разделами технико-технологического знания. Двойственная природа технического объекта, который одновременно является и природным, подчиняющимся естественным законам предметом, и вещью, искусственно создаваемой человеком в целях удовлетворения практических потребностей, требует для своей реализации и внедрения социального заказа.

Социальный заказ, определяемый экономическими и политическими интересами, играет, как показывает ученый, важную роль в создании соответствующих видов техники и технологий, так как значительно увеличивает интерес создателей к изобретению новых технических устройств и артефактов. Автор справедливо отмечает, что в

90-е гг. социальная база изобретательства в нашей стране была подорвана в силу отсутствия социального заказа на новые виды технологий. И для ее возрождения требуется сложная система мер и социальной поддержки, а в качестве отправной точки – распространение рационализации, которая не может исчезнуть полностью.

В исследовании поднимается такая важная тема, как влияние существующих ограничивающих рамок творческой деятельности в техносфере на сам творческий процесс, соотношение различных видов творчества. С точки зрения автора необходимо определить диапазон, в котором эти ограничения являются стимулирующими творчество, а вне этого диапазона приводят к прекращению развития в технике и технологиях. Застой в научно-техническом и экономическом развитии накладывает такие ограничения на научно-техническое творчество, что может уничтожить как научно-техническое творчество, так и изобретательскую деятельность.

В качестве пожелания автору в обсуждении темы последствий применения новых технологий проанализировать дилемму Коллингриджа по поводу возможности социального контроля технологий: при отсутствии массовой технологии на рынке объективная оценка последствий ее применения невозможна. Однако после внедрения их невозможно устранить.

Интерес к проблемам, анализируемым автором на высоком научном и литературном уровне, связан со все усиливающимся разрывом между стремительным и бесконечным техническим прогрессом и медленными темпами культурной эволюции человеческого рода. Человек науки должен стать *homo intellectus*, умеющим превращать информацию в знания, а знания реализовать в деле, имеющим этический, эстетический и социальный смысл.

Сборник работ Н.М. Твердынина является важным вкладом в решение этой проблемы. Точность и четкость языка указанного исследования, яркие, запоминающиеся названия глав, комментарии к приводимым отрывкам из литературных произведений как отечественных, так и зарубежных авторов вызовет несомненный интерес у самых различных кругов читателей. Думаю, что для со-

временной молодежи будет особенно интересен именно второй раздел этой работы, позволяющий оценить героизм ликвидаторов, сохранить память о них, которая составляет часть исторической памяти нашего народа, и просто узнать о сложной картине жизни советского общества, о которой большинство из них не имеет никакого представления.

Заключение

Данная монография представляет большой интерес как для исследователей философии техники, так и для преподавателей технических вузов, поскольку в ней осмыслен многолетний педагогический опыт преподавания философских и технических дисциплин, а литературное описание опыта участия в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС будет представлять особый интерес для студентов и широкого круга читателей.

Материалы и исследования

Твердынин Н.М. Человек в техномире: Книга и Реальность. Избранные работы. Москва: Энциклопедист-Максимум, 2024. 304 с.

Библиографический список

Твердынин Н.М. Человек в техномире: Книга и Реальность. Избранные работы. Москва: Энциклопедист-Максимум, 2024. 304 с.

Яковлева Л.Е., Колomeйцев А.Е. Философия образования. Рациональное знание: монография. Москва: МГУДТ, 2014.

References

Tverdynin, N.M. (2024), *Man in the Technoworld: Book and Reality. Selected works*, Encyclopedist-Maximum, Moscow, Russia.

Yakovleva, L.E. and Kolomeitsev, A.E. (2014), *Philosophy of education. Rational knowledge. Monograph*, MSUDT, Moscow, Russia.

Submitted: 15.10.2024

Accepted: 09.12.2024

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-4-124

ЗАМЕТКА О РЕТРАКЦИИ
УДК 82**С.А. Голубков**Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: golubkovsa@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3423-1520>**Сообщение о ретракции: Массовый человек и его речевые амплуа простака, балагура, ментора в русской прозе 1920-х годов**

Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 3. С. 46–52.

DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-46-52>

Аннотация: причиной отзыва стало обнаружение дублирования статьи в нескольких изданиях ответственным секретарем журнала 11.11.2024.

Ключевые слова: массовый человек; субъект речи; речевое амплуа; сказ; балагурство; менторский тон; агрессивное невежество; редукция личностного; плутовство; лицедейство; молва; ситуация скандала.

Цитирование: Голубков С.А. Сообщение о ретракции: Массовый человек и его речевые амплуа простака, балагура, ментора в русской прозе 1920-х годов. Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 124. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-46-52> // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 124. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-124>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Голубков С.А., 2024

Сергей Алексеевич Голубков – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

RETRACTION NOTICE**S.A. Golubkov**Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: golubkovsa@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3423-1520>**Retraction message: The mass person and their speech roles of a simpleton, a buffoon, a mentor in the Russian prose of the 1920s***Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 3, pp. 46–52,DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-46-52>

Abstract: the reason for the revocation was the discovery of duplication of the article in several publications by the executive secretary of the journal 11.11.2024.

Key words: mass person; subject of speech; speech role; tale; buffoonery; mentoring tone; aggressive ignorance; reduction of the personal; cheating; acting; rumor; scandal situation.

Citation: Golubkov, S.A. (2024), Retraction message: The mass person and their speech roles of a simpleton, a buffoon, a mentor in the Russian prose of the 1920s, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 3, pp. 46–52, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-46-52>, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 4, pp. 124, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-124>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Golubkov S.A., 2024

Sergey A. Golubkov – Dr. philol. habil., Professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.